HB55
T243

Г. ТАРДЪ.

ЛИЧНОСТЬ и ТОЛПА.

(L'opinion et la foule).

ОЧЕРКИ ПО СОЦІАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ФР.

Е. А. Пређтеченскій.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Большакова и Д. Голова.
1903.

Профессоръ Ж. Деникеръ.

Человѣческія расы.

Содержаніе: Этническія группы и зоологическіе виды. Соматическіе признаки: отличительные признаки человѣка и обезьянъ: отличительные морфологическіе и патологическіе признаки. Лингвистическіе признаки. Соціологическіе признаки. Классификація расъ и народовъ. Расы и народы Европы. Азіатскія расы и народы. Африканскія расы и народности. Расы и народы Океаніи. Расы и народы въ Америкѣ.

Съ 175 рис. въ текстѣ. Пер. съ фр. В. Ранцовъ. Ц. 2 р. 50 к.

Д-ръ Желэ.

Преобразуемость живыхъ организмовъ.

Лекціи, читанныя въ Аннесійскомъ народномъ университетѣ.

Содержаніе: Общее изложеніе теоріи преобразуемости организмовъ.—Непосредственныя доказательства преобразуемости видовъ изъ наблюденій и опытовъ надъ организмами. Доказательства преобразуемости изъ сравнительной анатоміи и физіологіи. Доказательства, доставляемыя эмбріологіей, зачаточными органами и явленіями возврата предковскихъ признаковъ. Доказательства изъ геологіи и палеонтологіи. Разборъ возраженій; общіе выводы; заключенія, относящіяся до области философіи и соціологіи. О судьбахъ отдѣльной личности съ точки зрѣнія послѣдовательнаго развитія.

Съ 6 таблицами рисунковъ. Пер. съ фр. В. Ранцовъ. Ц. 1 р. 25 к.

Д. Моргаузъ.

ХАОСЪ МІРОВЪ.

Кругооборотъ жизни звѣздъ.

Содержаніе:—Пространство. Время. Матерія. Распредѣленіе матеріи. Сила и движеніе. Туманныя пятна. Звѣзды и звѣздныя системы. Солнечная система. Земная кора. Происхожденіе видовъ. Отъ камней до письменъ. Историческія времена. Кристаллы и неограническія сложныя тѣла. Какъ растутъ организмы. Эволюція ума. Конецъ нашей планеты. Будущее царство мира.

Съ рисунками въ текстѣ. Переводъ съ англ. Ц. 75 к.

Ж. Фино.

ФИЛОСОФІЯ ДОЛГОВѢЧІЯ.

Содержаніе: **Тайны долговѣчности**; предѣлы жизни; сравнительная долговѣчность; человѣч. жизнь не перестаетъ увеличиваться; лѣченіе старости. **Безсмертіе тѣла**; жизнь внутри гроба; почитаніе покойниковъ; противъ сожиганія. **Живое существо всегда остается живымъ. Главнѣйшій страхъ въ жизни**; его происхожденіе; предчувствіе кончины. **Жизнь, какъ созданіе искусства**; гомункулы, вчерашніе и завтрашніе; созданіе живого вещества. **Для любящихъ жизнь.**

Пер. съ 5-го фр. изданія Е. Предтеченскій. Ц. 60 коп.

Библиотека Социалистической Академии
Р. С. Ф. С. Р.
Институт К. Маркса и Фр. Энгельса
Обществен. наук

Г. ТАРДЪ.

ЛИЧНОСТЬ и ТОЛПА.

(L'opinion et la foule).

ОЧЕРКИ ПО СОЦІАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ФР.

Е. А. Предтеченскій.

Р. С. Ф. С. Р.
Институт
К. Маркса и Фр. Энгельса
В. Ц. И. К.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Большакова и Д. Голова.
1903.

2-экз.
100179

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ИВ55
Т243
Р

Библиотека ин-та
Марксизма-Ленинизма
при ЦК КПСС

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 октября 1902 г.

Столичная скоропечатня Подполк. С. Х. Золотухина. Уг. Б. Морск. и Горох. ул., д. 23—12.

388620

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	V
I. Толпа и публика	1
II. Общественное мнѣніе и разговоры	49
Общественное мнѣніе	—
Разговоры	64
III. Преступныя толпы и секты	126

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выраженіе *собирательная психологія* или *общественная психологія* часто понималось въ какомъ-то химерическомъ смыслѣ, отъ чего необходимо отрѣшиться прежде всего. Это состоитъ во взглядѣ на *собирательный разумъ*, на *общественную совѣсть*, на наше *мы*, какъ на нѣчто будто-бы существующее внѣ индивидуальныхъ умовъ или выше ихъ. Съ нашей точки зрѣнія намъ нѣтъ надобности въ такомъ мистическомъ понятіи, чтобы провести весьма ясную границу между обыкновенной психологіей и психологіей общественной, которую мы охотнѣе бы, пожалуй, назвали *между-душной* или *интерспиритуальной*. Въ самомъ дѣлѣ, первая занимается отношеніями человѣческой души ко всей совокупности другихъ внѣшнихъ существъ, тогда какъ вторая изучаетъ, или должна изучать, взаимныя отношенія душъ и ихъ одностороннія и обоюдныя вліянія — сперва одностороннія, а потомъ обоюдныя. Такимъ образомъ онѣ различаются между собою, какъ родъ и видъ; но въ этомъ случаѣ видъ оказывается столь своеобразнымъ и столь важнымъ, что его желательно отдѣлить отъ рода и для изученія его употреблять особые методы.

Рядъ соображеній и мыслей, съ которыми сейчасъ ознакомится читатель, представляютъ отрывки понимаемой такимъ образомъ собирательной психологіи. Они тѣсно связаны между собою, а также и съ изслѣдованіемъ о преступныхъ толпахъ, которое мы и перепечатываемъ здѣсь, чтобъ поставить его на принадлежащее ему мѣсто. Дѣйствительно, *публика*, которою мы здѣсь преимущественно занимаемся, представляетъ собою разсѣянную толпу; въ ней вліяніе умовъ другъ на друга обратилось въ дѣйствіе на разстояніи и на разстояніи все болѣе и болѣе значительномъ. Наконецъ *Общественное мнѣніе*, какъ равнодѣйствующая всѣхъ такихъ

дѣйствій на разстояніи и при взаимномъ прикосновеніи, для толпы и публики составляетъ до нѣкоторой степени то-же самое, что мысль для человѣческаго тѣла. И если мы будемъ искать самаго общаго и самаго постояннаго между всѣми дѣйствіями, изъ которыхъ вытекаетъ общественное мнѣніе, то безъ труда замѣтимъ, что это будетъ самое элементарное изъ соціальныхъ отношеній, именно *разговоръ*, на который совершенно не обращали никакого вниманія соціологи.

Полная исторія разговоровъ у всѣхъ народовъ и во всѣ вѣка была бы крайне важнымъ документомъ соціальной науки; и нѣтъ сомнѣнія, что если бы, несмотря на всѣ трудности подобнаго дѣла, дружной работѣ многочисленныхъ изслѣдователей удалось ихъ наконецъ преодолѣть, то изъ сопоставленія фактовъ, собранныхъ по этой части у самыхъ различныхъ расъ, мы извлекли бы очень много общихъ положеній, способныхъ сдѣлать изъ сравнительнаго изученія разговоровъ настоящую науку, которую можно было бы поставить не очень далеко отъ сравнительной теологіи или сравнительной эстетики или даже сравнительной индустрики, иначе называемой политическою экономіей.

Но совершенно понятно, что я не могъ разсчитывать на немногихъ страницахъ обрисовать въ общихъ чертахъ подобнаго рода ученіе. За отсутствіемъ достаточныхъ свѣдѣній даже для самаго грубаго очерка въ этомъ родѣ, я могъ только указать его будущее содержаніе и былъ бы счастливъ, если бы своимъ сожалѣніемъ объ отсутствіи такой науки я внушилъ какому-нибудь молодому труженику желаніе заполнить этотъ большой пробѣлъ.

Г. Тардъ.

Май, 1901.

I.

Толпа и публика.

I.

Толпа не только притягательна сама по себѣ, не только неудержимо влечетъ къ себѣ зрителя, но даже одно имя ея оказываетъ на современнаго читателя какое-то чарующее дѣйствіе, и нѣкоторые авторы слишкомъ склонны называть этимъ двусмысленнымъ словомъ всякаго рода людскія собранія. Весьма важно прекратить такую сбивчивость понятій и въ особенности перестать смѣшивать между собою толпу и *публику*; послѣднее слово тоже можно понимать въ разныхъ смыслахъ, но я попытаюсь дать ему точное опредѣленіе. Говорятъ: публика такого-то театра, публика такого-то собранія. Здѣсь «публика» означаетъ то-же, что и «толпа», но такое значеніе—не единственное и не самое главное. Дѣло въ томъ, что пока понятіе это оставалось тѣмъ же или даже начало извращаться, новѣйшее время, послѣдовавшее за изобрѣтеніемъ книгопечатанія, выдвинуло впередъ одинъ совершенно особый родъ публики,—публики, которая непрестанно увеличивается и неопредѣленное разрастаніе которой представляетъ одну изъ рѣзкихъ отличительныхъ чертъ нашей эпохи. Психологія толпы уже установлена; остается заняться психологіей публики, понимаемой въ этомъ новомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ чисто духовнаго собирательнаго цѣлаго, въ которомъ индивиды физически разсѣяны и раздѣлены другъ отъ друга, но имѣютъ общую и чисто духовную связь. Откуда происходитъ эта публика, какъ она возникаетъ и какъ развивается; далѣе, каковы ея разновидности, ея отношенія къ руководителямъ, къ толпѣ,

къ корпораціямъ, къ правительствамъ; какъ она чувствуетъ или дѣйствуетъ; насколько она благодѣтельна или вредна— вотъ чѣмъ предложили мы себѣ заняться въ этомъ изслѣдованіи.

Въ самыхъ низшихъ животныхъ обществахъ ассоціація представляется по преимуществу въ видѣ матеріальнаго аггрегата. По мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся по лѣстницѣ жизни, соціальныя отношенія становятся все болѣе и болѣе духовными. Но если индивиды отдаляются другъ отъ друга настолько, что больше не видятъ другъ друга, или остаются такимъ образомъ разобщенными дольше извѣстнаго, вообще очень короткаго времени, то они перестаютъ составлять ассоціацію. И вотъ толпа въ этомъ отношеніи представляетъ нѣчто свойственное животнымъ. Не есть ли она пучокъ психически-заразительныхъ вліяній, существенно производимыхъ физическимъ соприкосновеніемъ? Но для всякаго умственнаго и духовнаго общенія тѣлесная близость не представляетъ неизбѣжнаго условія. И это условіе все менѣе и менѣе выполняется въ нашихъ цивилизованныхъ обществахъ при образованіи *потоковъ общественнаго мнѣнія.* Дѣйствительно, не въ уличной толпѣ, не на городскихъ площадяхъ зарождаются и развиваются могучія соціальныя теченія, эти великія увлеченія, захватывающія въ свою сферу нынѣ самые упорные умы и самыя твердыя сердца и заставляющія парламенты или правительства освящать и признавать себя путемъ законовъ и постановленій. Странное дѣло! люди, такимъ образомъ увлекающіеся, подвергающіеся взаимному самовнушенію или, лучше сказать, передающіе другъ другу внушенія свыше, эти люди не встрѣчаются между собою, не видятъ другъ друга, не входятъ во взаимное соглашеніе; разсѣянные по обширной территоріи, они сидятъ каждый у себя дома и лишь читаютъ одну и ту же газету. Какая же между ними связь? Связь эта — одинаковость ихъ убѣжденій и страстей, проникающее каждаго изъ нихъ сознаніе, что такая-то мысль, такое-то желаніе въ данное время раздѣляются большимъ числомъ другихъ людей. И достаточно каждому знать это, чтобы, совсѣмъ не видя этихъ людей, чувствовать на себѣ вліяніе массы ихъ, независимо отъ вліянія общаго вдохновителя, журналиста, такъ же невидимаго и незнакомаго, но тѣмъ болѣе еще обаятельнаго.

Читатель вообще не сознаетъ того почти непреодолимаго вліянія, какое оказываетъ на него обычно читаемая имъ изо дня въ день газета. Да и самъ журналистъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ лишь угодить своей публикѣ, особенности и вкусы которой онъ никогда не забываетъ. Еще менѣе сознаетъ читатель вліяніе, оказываемое на него совокупностью другихъ читателей: онъ совершенно не подозрѣваетъ этого. И тѣмъ не менѣе вліяніе это не подлежитъ сомнѣнію. Оно сказывается одновременно какъ въ любопытствѣ, которое становится тѣмъ живѣе, чѣмъ многочисленнѣе или отборнѣе, по нашему мнѣнію, публика, интересующаяся тѣмъ же, такъ и въ нашемъ сужденіи, которое стремится согласоваться съ сужденіемъ этого большинства или этого избраннаго круга, смотря по случаю. Я развертываю газету, считая ее сегодняшней, и съ жадностью читаю въ ней разныя новости; затѣмъ я замѣчаю, что она вышла мѣсяцъ тому назадъ или вчера и газета тотчасъ перестаетъ меня интересовать. Откуда такое внезапное равнодушіе? Развѣ разсказанные факты потеряли что нибудь въ своемъ внутреннемъ значеніи? Нѣтъ, но я чувствую, что теперь я только одинъ читаю о нихъ, и этого достаточно. Это доказываетъ слѣдовательно, что живость нашего любопытства зависѣла отъ безсознательной иллюзіи общности нашего чувства съ чувствами очень многихъ людей. Вчерашняя или третьегодняшняя газета сравнительно съ сегодняшней—то же, что рѣчь, прочитанная у себя дома, въ сравненіи съ рѣчью, слышанной въ громадной толпѣ.

Подвергаясь безсознательно этому невидимому вліянію публики, часть которой мы сами составляемъ, мы склонны бываемъ объяснять его просто обаятельностью всего *настоящаго,* теперешняго, свѣжаго. Если сегодняшняя газета насъ занимаетъ, такъ это потому, что она разсказываетъ намъ о свѣжихъ, только-что случившихся событіяхъ, и лишь эта недавность, свѣжесть ихъ, повидимому, такъ и увлекаетъ насъ при чтеніи, а никакъ не то, что мы узнаемъ о нихъ одновременно съ другими. Но разберемъ поближе это странное *ощущеніе свѣжести* или недавности, возрастающее пристрастіе къ которой составляетъ одну изъ самыхъ рѣзкихъ отличительныхъ чертъ цивилизованной жизни. То ли только свѣже и ново, что сейчасъ лишь произошло? Нѣтъ, но это все то, что теперь представляетъ общій интересъ, хотя бы

то было и какое нибудь давнее событіе. Такъ, все, касавшееся Наполеона, за послѣдніе годы составляло интересъ дня. Свѣже и ново все то, что въ модѣ. Напротивъ, много новаго, не привлекающаго къ себѣ вниманія публики, занятой другимъ, не представляетъ интереса дня. Все время, какъ тянулось дѣло Дрейфуса, въ Африкѣ и въ Азіи происходили событія, способныя сильно занимать насъ, но о нихъ говорилось, что они совсѣмъ несвоевременны.

Вообще страсть къ вопросамъ дня растетъ вмѣстѣ съ общественностью, представляя одно изъ поразительнѣйшихъ ея проявленій; и такъ какъ періодической прессѣ, прессѣ по преимуществу ежедневной, свойственно заниматься одними лишь насущными предметами, то нѣтъ ничего удивительнаго, что между обычными читателями данной газеты завязывается тѣсная связь, образуется нѣкоторая ассоціація, очень мало замѣчаемая, но весьма важная.

Чтобы индивиды, составляющіе одну и ту же публику, могли подвергаться такому *внушенію на разстояніи*, необходима, разумѣется, продолжительная практика внушенія въ непосредственной близости, что достигается интенсивной общественной жизнью въ большихъ городахъ. Уже въ дѣтствѣ и юности мы живо начинаемъ чувствовать вліяніе того, *какъ смотрятъ* на насъ другіе; это помимо нашей воли выражается въ нашемъ способѣ держать себя, въ нашемъ поведеніи, въ мѣняющемся ходѣ нашихъ мыслей, въ смущеніи, или же въ излишнемъ возбужденіи, замѣчающемся въ нашемъ говорѣ, въ нашихъ сужденіяхъ и поступкахъ. И лишь много лѣтъ подвергаясь и подвергая другихъ этому властному вліянію чужого мнѣнія, мы становимся необыкновенно чувствительными даже къ самой *мысли* о мнѣніи другихъ, къ представленію о томъ, что мы составляемъ предметъ вниманія даже отдаленныхъ отъ насъ лицъ. Равнымъ образомъ, только привыкнувъ въ теченіе долгаго времени къ внушительности догматическаго и самоувѣреннаго голоса, раздающагося около насъ, мы легко подчиняемся прочтенному нами энергическому утвержденію и склонны бываемъ къ извѣстному мнѣнію даже потому только, что этого мнѣнія держатся очень многіе изъ намъ подобныхъ. Такимъ образомъ возникновеніе какой-нибудь публики предполагаетъ болѣе значительное умственное и общественное развитіе, чѣмъ образованіе толпы. Возбудимость исключительно

мысленнымъ путемъ, зараза безъ всякаго соприкосновенія, какую предполагаетъ эта чисто абстрактная и столь реальная группировка, эта одухотворенная толпа, эта сила, возведенная, такъ сказать, въ квадратъ, могла возникнуть лишь послѣ многихъ вѣковъ болѣе грубой, болѣе элементарной общественной жизни.

II.

Ни въ латинскомъ, ни въ греческомъ языкѣ нѣтъ слова, соотвѣтствующаго тому, что мы разумѣемъ подъ словомъ *публика*. Въ нихъ существуютъ слова для обозначенія народа, сборища вооруженныхъ или безоружныхъ гражданъ, собранія избирателей и всякихъ равновидностей толпы. Но кому изъ писателей древности пришло бы въ голову говорить о своей публикѣ? Каждый изъ нихъ зналъ только *свою аудиторію*, собиравшуюся въ залахъ, нанимаемыхъ для публичныхъ чтеній, гдѣ поэты, современники Плинія Младшаго, читали свои произведенія для небольшого кружка сочувствовавшихъ имъ. Что касается до рѣдкихъ читателей рукописей, переписывавшихся собственноручно и существовавшихъ въ немногихъ десяткахъ экземпляровъ, то у нихъ и въ мысляхъ не было, что они составляютъ нѣкоторый соціальный аггрегатъ въ видѣ нынѣшнихъ читателей одного журнала, одной газеты или иногда одного и того же моднаго романа. Существовала ли публика въ средніе вѣка? Нѣтъ, но существовали ярмарки, странничество, шумныя сборища, внезапно охватываемыя набожностью или воинственностью, гнѣвомъ или паническимъ страхомъ. Нарожденіе публики могло начаться только послѣ того, какъ широко распространилось изобрѣтеніе книгопечатанія въ XVI вѣкѣ. Передача силы на разстояніе ничего не значитъ въ сравненіи съ передачей на разстояніе мысли. И развѣ мысль не представляетъ собою соціальной силы по преимуществу? Фулье прямо разсматриваетъ мысли или идеи, какъ механическія силы. Тогда именно появилась величайшая новость, полная неисчислимыхъ послѣдствій—ежедневное и общее, одновременное чтеніе одной и той же книги, Библіи, изданной въ первый разъ въ милліонахъ экземпляровъ. Объединенная этимъ масса ея читателей почувствовала, что она составляетъ новое соціальное тѣло, отдѣльное отъ церкви. Но эта воз-

никающая публика сама представляла только особую церковь или тѣсно съ нею сливалась; въ этомъ именно и заключалась слабость протестанства, являвшагося одновременно и публикой и церковью, т. е. двумя аггрегатами, подчиняющимися различнымъ, несогласимымъ взаимно началамъ. Публика въ собственномъ смыслѣ начала появляться сколько нибудь замѣтно лишь при Людовикѣ XIV. Но даже въ эту эпоху, если существовали буйныя и столь же значительныя толпы, какъ теперь, напримѣръ при коронованіяхъ князей, въ большіе праздники, при возстаніяхъ, вызывавшихся періодическими голодовками, то публика составляла лишь тѣсный избранный кружокъ „порядочныхъ людей", читавшихъ газету, выходившую тогда разъ въ мѣсяцъ, и особенно книги, немногія книги, назначенныя для малочисленыхъ читателей. Да и эти читатели по большей части сосредоточены были въ Парижѣ и почти только при дворѣ.

Въ XVIII вѣкѣ эта публика быстро стала возрастать и дробиться. Я не думаю, чтобы до Беля могла существовать философская публика, отдѣльная или даже начавшая отдѣляться отъ публики литературной, потому что я не называю публикой группу объединенныхъ между собою ученыхъ, несмотря на то, что они разсѣяны по разнымъ провинціямъ и различнымъ государствамъ, связанныхъ сходствомъ занятій и чтеніемъ однихъ и тѣхъ же писаній, но столь малочисленныхъ, что они могли поддерживать между собою письменныя сношенія и почерпать въ личныхъ отношеніяхъ и знакомствѣ главную пищу для своего научнаго общенія. Особая публика появляется, начиная лишь съ того трудно опредѣлимаго момента, когда люди, предающіеся тѣмъ же самымъ занятіямъ, сдѣлались слишкомъ многочисленными, чтобъ имѣть возможность знать другъ друга лично, и стали чувствовать, что между ними устанавливается нѣкоторая прочная связь при помощи безличныхъ общеній, достаточно частыхъ и правильныхъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка нарождается и ростетъ политическая публика, которая вскорѣ поглощаетъ въ себѣ, какъ разлившаяся рѣка свои притоки, всякаго рода другія публики: литературную, философскую и научную. Однако до революціи жизнь публики сама по себѣ остается довольно слабой и начинаетъ имѣть значеніе лишь вслѣдствіе жизни

толпы, съ которою она еще связана, благодаря крайнему оживленію салоновъ и кофейныхъ.

Съ революціей связано истинное возникновеніе журнализма и слѣдовательно публики, для которой онъ былъ какъ бы лихорадкой быстраго роста. Это не значитъ, что революція не дѣйствовала возбудительно на разнаго рода толпы, но въ этомъ она ничѣмъ не отличается отъ гражданскихъ войнъ прошедшаго, въ XIV и XVI вѣкахъ или даже во времена Фронды. Толпы фрондеровъ, лигеровъ и тому подобное были не менѣе страшны и пожалуй не менѣе многочисленны, тѣмъ толпы 14 іюля или 10 августа. На самомъ дѣлѣ толпа не можетъ перерастать по своей численности извѣстнаго предѣла, который ей ставятъ зрѣніе и слухъ, вслѣдъ за чѣмъ она начинаетъ дробиться или становиться неспособной производить совмѣстную, всегда впрочемъ одну и туже дѣятельность, т. е. строить баррикады, грабить дворцы, заниматься поджогами, разрушеніями, убійствами. Нѣтъ ничего болѣе однообразнаго, какъ эти вѣковѣчныя проявленія ея дѣятельности. Но что служитъ отличительною чертою 1789 года, никогда дотолѣ невиданною въ прошедшемъ, такъ это — обильное появленіе жадно читаемыхъ газетъ, возникшихъ въ это время. И если многія изъ нихъ оказались мертворожденными, то нѣкоторыя представили небывалое зрѣлище необыкновенно обширнаго распространенія. Каждый изъ главныхъ и наиболѣе гнусныхъ публицистовъ (1): Маратъ, Демулэнъ, патеръ Дюшенъ, имѣлъ *свою* публику и толпы поджигателей, грабителей, убійцъ, каннибаловъ, опустошавшихъ тогда Францію съ сѣвера до юга и съ востока до запада, можно разсматривать, какъ наросты, какъ злокачественные нарывы на тѣлѣ той или иной публики, которую зловредные ея вдохновители изо дня въ день угощали одурякощимъ напиткомъ пустыхъ и буйныхъ словъ, и за это торжественно перенесены были послѣ своей

(1) Слово «публицистъ», говоритъ Литтрэ, появляется въ академическомъ словарѣ только съ 1762 года и фигурируетъ въ немъ, какъ еще и теперь въ большинствѣ словарей, только какъ названіе для пишущихъ по публичному праву. Смыслъ этого слова въ обыденномъ употребленіи расширился лишь въ теченіе XIX вѣка, при чемъ одновременно смыслъ слова «публика» по той же причинѣ постепенно сокращался, по крайней мѣрѣ въ томъ значеніи, въ какомъ употребляю его я.

смерти въ Пантеонъ. Это не значитъ, что мятежники, хотя бы только въ Парижѣ, не говоря уже о провинціи и деревняхъ, состояли исключительно изъ читателей газетъ и журналовъ, но они всегда составляли закваску, если не самое тѣсто. Точно также клубы и сборища въ кофейныхъ, игравшіе столь важную роль въ продолженіе революціоннаго періода, порождены были публикой, тогда какъ до революціи публика была скорѣе слѣдствіемъ, чѣмъ причиной собраній въ клубахъ и кофейняхъ.

Но революціонной публика была по преимуществу только парижская; за предѣлы Парижа она переходила очень мало. Артуръ Юнгъ, во время своего знаменитаго путешествія, былъ пораженъ крайне малымъ распространеніемъ листковъ и газетъ даже въ городахъ. Правда, замѣчаніе[1] это относится къ самому началу революціи; позже оно оказалось бы далеко не вѣрнымъ. Однако и вплоть до конца ея отсутствіе быстрыхъ сообщеній представляло неодолимое препятствіе могучему и широкому распространенію того, чѣмъ жила публика. Какимъ образомъ газеты, приходившія лишь два или три раза въ недѣлю и черезъ восемь дней послѣ своего появленія въ Парижѣ, могли бы сообщать своимъ читателямъ на югѣ Франціи впечатлѣніе современности и сознаніе единодушія и совмѣстности дѣйствій, безъ чего чтеніе газеты не отличается существеннымъ образомъ отъ чтенія книги? Только нашему вѣку съ его средствами усовершенствованнаго передвиженія и мгновенной передачи мысли на всякое разстояніе предоставлено было дать разнаго рода или, лучше, всякаго рода публикѣ то безпредѣльное расширеніе, къ какому она способна, — въ чемъ и заключается рѣзкое отличіе ея отъ толпы. Толпа, какъ соціальная группа, принадлежитъ прошедшему; послѣ семьи она самая древняя изъ всѣхъ общественныхъ группировокъ. Во всѣхъ своихъ видахъ или положеніяхъ, т. е. стоя на ногахъ или сидя, оставаясь на мѣстѣ или двигаясь, она неспособна превысить извѣстныхъ, довольно незначительныхъ размѣровъ; и какъ скоро вожаки перестаютъ держать ее in manu (въ рукахъ), какъ скоро она перестаетъ слышать ихъ голосъ, она разсѣивается. Аудиторія Колизея была самою обширной изъ всѣхъ извѣстныхъ, но и сюда не вмѣщалось болѣе сотни тысячъ человѣкъ. Аудиторія Перикла и Цицерона, аудиторіи величайшихъ

средневѣковыхъ проповѣдниковъ Петра Пустынника и святого Бернарда были безъ сомнѣнія значительно меньше. Такимъ образомъ сила краснорѣчія политическаго или духовнаго не сдѣлала замѣтныхъ успѣховъ ни въ древности, ни въ средніе вѣка. Публика же безконечно растяжима и, такъ какъ по мѣрѣ ея растяженія собственная жизнь ея становится напряженнѣе, то нельзя отрицать, что она представляетъ соціальную группу будущаго. Вотъ какъ, благодаря комбинаціи трехъ взаимно содѣйствующихъ другъ другу изобрѣтеній: книгопечатанія, желѣзныхъ дорогъ и телеграфа, создалось страшное могущество печати, этого чудодѣйственнаго телефона, столь безмѣрно увеличившаго древнія аудиторіи трибуновъ и проповѣдниковъ. Поэтому я не могу согласиться съ вліятельнымъ писателемъ Лебономъ, что наше время — „эпоха толпы“. Оно — эпоха публики или многихъ публикъ, что совсѣмъ другое дѣло.

III.

Публика до извѣстной степени сливается съ тѣмъ, что называютъ *міромъ*, какъ напримѣръ, „міръ политическій“, „міръ литературный“ и прочее, за исключеніемъ лишь того, что понятіе о послѣднемъ предполагаетъ между принадлежащими къ нему лицами личное соприкосновеніе, обмѣнъ визитами, пріемами у себя, чего можетъ не существовать между членами одной и той же публики. Но отъ толпы до публики, какъ мы видимъ, разстояніе громадно, хотя публика порождается отчасти извѣстнаго рода толпой, именно аудиторіей ораторовъ.

Между толпой и публикой есть много другихъ поучительныхъ различій, которыхъ я еще не указалъ. Въ одно и то же время можно принадлежать,—и на самомъ дѣлѣ это такъ и бываетъ,— ко многимъ видамъ публики, все равно, какъ принадлежатъ ко многимъ корпораціямъ или сектамъ; къ толпѣ же можно принадлежать только къ одной. Этимъ объясняется гораздо бо́льшая нетерпимость всякой толпы, а слѣдовательно и всякой націи, среди которой преобладаетъ духъ толпы, потому что толпа захватываетъ въ себя все существо человѣка и увлекаетъ его съ неопреодолимой силой, не встрѣчающей себѣ никакого противовѣса. Отсюда же вытекаетъ и выгодность постепенной замѣны толпы

публикою, ибо такое преобразованіе всегда сопровождается выигрышемъ въ терпимости, если не ведетъ даже къ сомнѣнію, къ скептицизму. Правда, что слишкомъ возбужденная публика, какъ это часто случается, можетъ иногда дать начало фанатическимъ толпамъ, расхаживающимъ по улицамъ съ криками *да здравствуетъ*! или *смерть*! тому или другому. Въ этомъ смыслѣ публику можно было бы опредѣлить, какъ возможную въ будущемъ толпу. Но такое паденіе публики до толпы, въ высшей степени опасное, бываетъ очень рѣдко, такъ что, не разбирая вопроса о томъ, что толпа, созданная публикой, можетъ-быть, окажется все-таки не столь неразумной и жестокой, какъ толпы, дѣйствовавшія до образованія всякой публики, мы считаемъ очевиднымъ, что самая противоположность двухъ публикъ, всегда готовыхъ слиться въ одну на своихъ нерѣзко опредѣленныхъ границахъ, дѣлаетъ ихъ значительно менѣе опасными для общественнаго спокойствія, чѣмъ столкновеніе между двумя противоположными толпами.

Толпа, какъ группа болѣе естественная, зависитъ въ большей степени отъ силъ природы; она зависитъ отъ дождя или отъ хорошей погоды, отъ тепла или холода, такъ что лѣтомъ она появляется чаще, чѣмъ зимою; солнечное сіяніе собираетъ ее, а дождь разгоняетъ. Бальи, въ бытность свою парижскимъ мэромъ, радовался дождливымъ днямъ и печалился, видя, что небо проясняется. Но публика, какъ группировка высшаго порядка, не подчинена такимъ перемѣнамъ, такимъ прихотямъ физической среды, временъ года или даже климата. Не только возникновеніе и ростъ, но и случаи *крайняго возбужденія* публики, эти соціальныя болѣзни, появившіяся въ послѣдній вѣкъ и становящіяся все болѣе и болѣе значительными, совершенно свободны отъ этихъ вліяній.

Такъ, самый острый изъ кризисовъ этого рода, какой мы знаемъ — дѣло Дрейфуса — свирѣпствовалъ во всей Европѣ именно въ самый разгаръ зимы. Была ли эта горячка, какъ то случается съ толпами, сильнѣе на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ? Нѣтъ, потому что въ Бельгіи, Пруссіи и Россіи она волновала умы пожалуй всего больше. Наконецъ племенныя или расовыя особенности сказываются гораздо слабѣе въ публикѣ, чѣмъ въ толпѣ. Впрочемъ это и не можетъ быть иначе въ силу слѣдующаго соображенія.

Почему, дѣйствительно, англійскій митингъ такъ глубоко отличается отъ любого французскаго клуба, почему сентябрскія убійства такъ не походятъ на американскую расправу по закону Линча? Почему опытный наблюдатель, по одной лишь національности толпы, можетъ предсказать почти навѣрно, какъ она будетъ дѣйствовать? Почему онъ можетъ это сдѣлать гораздо вѣрнѣе, чѣмъ предсказать дѣйствія каждаго изъ составляющихъ ее индивидовъ? Почему наконецъ, не смотря на громадныя перемѣны въ идеяхъ и нравахъ, произшедшія за послѣднія три или четыре столѣтія во Франціи и въ Англіи, французскія толпы нашего времени, напримѣръ, буланжискія или антисемитскія, имѣютъ такъ много общихъ чертъ съ толпами Лиги или Фронды, все равно, какъ и любая англійская современная толпа такъ походитъ на толпу временъ Кромвеля? Потому что индивиды вносятъ въ толпу свои этническія сходства, которыя складываются между собою и образуютъ одно цѣлое, а не частныя различія, взаимно нейтрализующіяся, такъ что въ толпѣ, какъ камни въ текущей рѣкѣ, всѣ индивидуальныя угловатости притупляются отъ взаимнаго тренія, вслѣдствіе чего рѣзче выступаетъ національный типъ. И это происходитъ, не смотря на индивидуальное вліяніе вожака или вожаковъ, которое всегда даетъ себя знать, но всегда же и уравновѣшивается воздѣйствіемъ со стороны ведомыхъ.

Но если вліяніе, оказываемое на публику ея публицистомъ, въ каждый данный моментъ бываетъ значительно слабѣе, то по своей непрерывности или длительности оно много сильнѣе краткаго и преходящаго дѣйствія на толпу со стороны ея вожака; а кромѣ того ему нисколько не мѣшаетъ, а напротивъ помогаетъ то гораздо болѣе слабое вліяніе, которое члены одной и той же публики оказываютъ другъ на друга въ силу одновременнаго сознанія тожественности своихъ идей и стремленій, убѣжденій и страстей, изо-дня въ день раздуваемыхъ одними и тѣми же кузнечными мѣхами.

Существовалъ пустой, хотя на первый взглядъ казавшійся основательнымъ, споръ о томъ, бываетъ ли у всякой толпы свой вожакъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ часто именно толпа ведетъ своего главаря. Но кто будетъ оспаривать, что у всякой публики есть свой вдохновитель, а иногда и свой создатель? Сказанное Сентъ-Бевомъ о геніи, что

„геній—это король, создающій себѣ народъ“, особенно справедливо по отношенію къ великому публицисту. Сколько мы видимъ публицистовъ, творящихъ свою публику!

Но, можетъ-быть, намъ скажутъ, что если каждый крупный публицистъ создаетъ себѣ публику, то и всякая достаточно многочисленная публика создаетъ своего публициста? Это послѣднее положеніе гораздо менѣе вѣрно, чѣмъ первое; часто очень многочисленнымъ группамъ въ теченіе многихъ лѣтъ не удается отыскать подходящаго къ ихъ направленію писателя. Въ такомъ, напримѣръ, положеніи оказывается теперь католичество.

Для возможности антисемитскаго движенія, вызваннаго Эдуардомъ Дрюмономъ, нужно было конечно, чтобъ его агитація соотвѣтствовала извѣстному настроенію, уже существовавшему тутъ и тамъ среди населенія; но пока не раздался сильный голосъ, давшій общее выраженіе этому настроенію умовъ, оно оставалось чисто личнымъ, слабымъ, недѣйствовавшимъ заразительно и даже плохо сознающимъ себя. Тотъ, кто ясно высказалъ его, сдѣлалъ изъ него коллективную силу, хотя и искусственную, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно существующую. Мнѣ извѣстны такія мѣстности во Франціи, гдѣ никто ни разу не видалъ еврея, но это не мѣшаетъ процвѣтать тамъ антисемитству, потому что тамъ читаютъ противуеврейскія газеты. Соціалистическое или анархистское направленіе умовъ было точно также ничѣмъ, пока нѣсколько знаменитыхъ публицистовъ, Карлъ Марксъ, Кропоткинъ и другіе, не выразили этого направленія и не пустили его въ обращеніе подъ собственной маркой. Поэтому легко понять, что на публикѣ гораздо глубже отпечатываются личность и духъ ея пророка, чѣмъ духъ національности ея, и что для толпы справедливо обратное. Точно также понятно, что публика какой-нибудь страны, въ каждомъ изъ главнѣйшихъ ея видовъ, сильно измѣняется въ очень немногіе годы, какъ скоро мѣняются ея вожди, и что, напримѣръ, французская соціалистическая публика настоящаго времени нисколько не походитъ на соціалистическую публику временъ Прудона, а между тѣмъ французская толпа всякаго рода сохраняетъ одну и ту же физіономію, которую легко прослѣдить на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ.

Намъ могутъ пожалуй возразить, что читатель газеты

располагаетъ большей свободой духа, чѣмъ личность, увлеченная толпою и затерявшаяся въ ней. Онъ можетъ въ своемъ уединеніи обдумать читаемое, потому что иногда, не смотря на свою обычную пассивность, онъ перемѣняетъ одну газету на другую, пока не найдетъ такой, которая, какъ ему кажется или и въ самомъ дѣлѣ, подходитъ для него всего лучше. Съ другой стороны, журналистъ старается ему угодить и его удержать. Статистика прибывающихъ и убывающихъ подписчиковъ оказывается превосходнымъ термометромъ, съ которымъ надо справляться очень часто, потому что онъ указываетъ редакторамъ, какъ нужно себя вести и какихъ мыслей держаться. Показанія такого рода опредѣлили въ одномъ хорошо извѣстномъ случаѣ внезанную перемѣну направленія одной большой газеты и такіе случаи не представляютъ исключительнаго явленія.

Такимъ образомъ и публика дѣйствуетъ иногда на журналиста, но этотъ послѣдній дѣйствуетъ на свою публику постоянно. Читатель послѣ нѣсколькихъ пробъ выбралъ себѣ газету, а газета разсортировала своихъ читателей и произошелъ взаимный подборъ, явилось взаимное приспособленіе. Одинъ отыскалъ подходящую для себя газету, потакающую его предразсудкамъ или страстямъ, другой нашелъ желаннаго для себя, послушнаго и довѣрчиваго читателя, котораго легко можетъ держать въ рукахъ при помощи нѣкоторыхъ уступокъ его предвзятымъ мнѣніямъ, какъ это дѣлали предусмотрительные ораторы древнихъ временъ. Говорятъ, что читающій одну только книгу опасенъ; но куда ему до читателя одной только газеты! И такой опасный человѣкъ въ сущности каждый или почти каждый изъ насъ. Вотъ въ чемъ опасность новѣйшаго времени. Слѣдовательно, далеко не препятствуя публицисту добиться, наконецъ, прямого и рѣшительнаго вліянія на свою публику, этотъ двойной подборъ, это обоюдное приспособленіе, дѣлающее изъ публики однородную группу, хорошо извѣстную писателю и легко ему поддающуюся, позволяетъ ему дѣйствовать съ большею силой и увѣренностью.

Толпа бываетъ вообще гораздо менѣе однородна, чѣмъ публика: въ ней заключается всегда много любопытныхъ, примыкающихъ къ ней лишь на половину; они очень быстро

присоединяются къ ней и вовлекаются въ нее, но это же самое представляетъ не мало затрудненій для общаго руководительства столь безсвязными элементами.

IV.

Можно оспаривать эту относительную однородность подъ тѣмъ предлогомъ, что „не всегда же мы читаемъ одну и ту же книгу“, какъ „не всегда купаемся въ одной и той же рѣкѣ“. Но помимо того, что этотъ античный парадоксъ заключаетъ въ себѣ много спорнаго, можно ли дѣйствительно сказать, что мы не читаемъ всегда одну и ту же газету? Иной пожалуй подумаетъ, что приведенная поговорка еще болѣе приложима къ газетѣ, чѣмъ къ книгѣ въ виду пестроты содержанія газеты. Но на самомъ дѣлѣ у всякой газеты есть свой конекъ, свой *гвоздь*, выступающій все яснѣе и яснѣе; на немъ-то и сосредоточивается вниманіе читателей, гипнотизируемыхъ этой блестящей точкой. Дѣйствительно, не смотря на крайнее разнообразіе статей, каждый газетный листъ отличается свойственною ему окраской, имѣетъ свои особенности, свой духъ, будетъ ли это порнографія, диффамація, извѣстная политика или что нибудь другое, чему жертвуютъ всѣмъ остальнымъ и на что жадно набрасывается извѣстнаго рода публика. Ловя ее на эту приманку, журналистъ и ведетъ ее, куда ему нужно.

Другое соображеніе. Публика, пожалуй, не что иное, какъ родъ кліентуры въ торговомъ мірѣ, но кліентуры совсѣмъ особенной стремящейся превзойти всякую другую. Уже то одно, что люди покупаютъ одинаковыя вещи въ лавкахъ одного и того же рода, одѣваются у той же портнихи или у того же портного, посѣщаютъ одинъ и тотъ же ресторанъ, устанавливаетъ между ними извѣстную соціальную связь и предполагаетъ взаимное сродство, подкрѣпляемое и подчеркиваемое этой связью. Каждый изъ насъ, покупая что нибудь, соотвѣтственно со своими потребностями, болѣе или менѣе ясно сознаетъ, что тѣмъ самымъ онъ выражаетъ и укрѣпляетъ свой союзъ съ тѣмъ классомъ общества, который питается, одѣвается и удовлетворяетъ всякія свои потребности почти что одинаковымъ образомъ. Этотъ экономическій фактъ, который одинъ

только и подмѣтили экономисты, усложняется такимъ образомъ симпатическими явленіями, заслуживающими, кажется, того, чтобы привлечь къ себѣ ихъ вниманіе. Они разсматриваютъ покупателей одного и того же товара, одной и той же услуги, лишь какъ соперниковъ, оспаривающихъ другъ у друга обладаніе желаемымъ предметомъ; но эти послѣдніе въ то же время и даже главнымъ образомъ родственные и подобные между собою люди, стремящіеся поддержать свое сходство и тѣмъ отличить себя отъ другихъ. Ихъ желанія питаются или поддерживаются желаніями подобныхъ имъ и въ самомъ ихъ соперничествѣ есть тайная симпатія, стремящаяся возрастать. Насколько же тѣснѣе и глубже та связь, что создается чтеніемъ одной и той же газеты ея обычными читателями! Здѣсь уже никто и не подумаетъ говорить о соперничествѣ; тутъ есть лишь общеніе подсказанныхъ мыслей и сознаніе такого общенія, но не внушенія, которое однако жъ очевидно.

Какъ у всякаго поставщика бываютъ двоякого рода покупатели, постоянные и случайные, точно также и публика у газетъ и журналовъ оказывается двоякою: она бываетъ постоянною и надежною, или же случайною и неустойчивой. Отношеніе между обѣими этими частями для разныхъ газетъ очень не одинаково. Для старыхъ изданій, служащихъ органами давнишнихъ партій, второго рода публика совсѣмъ или почти не идетъ въ счетъ и я сознаюсь, что здѣсь дѣятельность публициста сильно бываетъ стѣснена нетерпимостью того общества, въ какое онъ попалъ и откуда при первомъ обнаружившемся разногласіи ему придется уйти. Но зато публицистъ занимаетъ здѣсь особенно прочное и вліятельное положеніе, если ему удастся приспособиться къ своей публикѣ. Замѣтимъ впрочемъ, что вѣрная извѣстной газетѣ и привязанная къ ней по традиціи публика стремится совсѣмъ исчезнуть, все болѣе и болѣе замѣняясь публикою подвижной, на которую талантливый публицистъ можетъ оказывать хотя не столь прочное, но сильное вліяніе. Можно съ полнымъ правомъ сѣтовать на такой ходъ развитія журнализма, такъ какъ неизмѣнная публика порождаетъ честныхъ и убѣжденныхъ публицистовъ, а публика прихотливая создаетъ и публицистовъ легкомысленныхъ, перемѣнчивыхъ и безпокойныхъ; но это явленіе, повидимому, теперь неизбѣжно и неотвратимо, такъ

что позволяетъ уже предвидѣть все болѣе и болѣе растущее могущество, предстоящее людямъ пера, въ соціальномъ отношеніи. Возможно, что посредственные публицисты все болѣе и болѣе будутъ порабощать себя прихотямъ публики, но крупные публицисты навѣрно все сильнѣе и сильнѣе будутъ проявлять свой деспотизмъ надъ подчинившеюся имъ публикой. Эти послѣдніе создаютъ общественное мнѣніе и управляютъ міромъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ государственные люди и даже выдающіеся изъ нихъ. И какъ скоро они заручились довѣріемъ къ себѣ, что можетъ быть прочнѣе ихъ господства! Сравните необыкновенно быстрое отцвѣтаніе даже самыхъ популярныхъ государственныхъ людей съ несокрушимымъ и долго длящимся царствомъ публицистовъ высокаго полета, напоминающимъ долговѣчность какого-нибудь Людовика XIV или безпредѣльную славу знаменитыхъ комиковъ и трагиковъ. Для этихъ автократовъ нѣтъ старости!

Вотъ почему такъ трудно изобрѣсти удовлетворительные законы въ отношеніи печати. Это тоже самое, какъ если бы намъ захотѣлось подчинить регламентаціи самодержавіе короля-солнца или Наполеона. Злоупотребленія и даже самыя преступленія печати оказываются почти ненаказуемыми, какъ были такими въ древности злоупотребленія трибуны или злоупотребленія каѳедры въ средніе вѣка.

Если бы было справедливо, какъ это обыкновенно повторяютъ льстецы толпы, что историческому значенію личностей, по мѣрѣ развитія демократіи въ обществахъ, суждено все болѣе и болѣе уменьшаться, то насъ должна была бы крайне удивлять увеличивающаяся изо дня въ день важность публицистовъ. Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что они создаютъ общественное мнѣніе во время общественныхъ кризисовъ; и когда двумъ или тремъ главарямъ этихъ политическихъ или литературныхъ клановъ захочется заключить взаимный союзъ для одного и того же дѣла, какъ бы ни было оно дурно, успѣхъ его обезпеченъ. При этомъ замѣчательно, что именно новѣйшая изъ соціальныхъ группировокъ, все болѣе и болѣе развивающаяся съ ходомъ французской демократической цивилизаціи, т. е. общественная группировка по различнымъ родамъ публики, и предоставляетъ рѣзко выдающимся личностямъ возможность оказывать наибольшее вліяніе, а оригинальнымъ личнымъ мнѣніямъ—всего легче распространяться.

ИНСТИТУТ К. М. ... и ФР. ...

V.

Достаточно просто открыть глаза, чтобъ замѣтить, что раздѣленіе общества на нѣсколько видовъ публики, что это чисто психологическое подраздѣленіе, соотвѣтствующее различнымъ состояніямъ умовъ, стремится очевидно не вытѣснять собою, но въ сущности наслаиваться на подраздѣленія религіозныя, экономическія, эстетическія и политическія, т. е. на секты, корпораціи, школы и партіи. Не только прежнія толпы разнаго рода, не только аудиторіи трибуновъ или проповѣдниковъ усилились и увеличились соотвѣтствующей имъ публикой, какова, напримѣръ, публика парламентская или религіозная, но нѣтъ ни одной секты, которая не желала бы имѣть свою особую газету съ цѣлію окружить себя публикой, распространенной далеко за предѣлы секты и облекающей ее подобно атмосферѣ, въ которой она нѣжится, подобно собирательному сознанію, въ которомъ она отражается. И впрочемъ нельзя сказать, что это сознаніе лишь какой-то *эпифеноменъ*, бездѣятельный самъ по себѣ и не дѣйствительный. Равнымъ образомъ нѣтъ такой мелкой или крупной профессіи, которая не желала бы обладать своей газетой или журналомъ подобно тому, какъ въ средніе вѣка каждый цѣхъ имѣлъ своего священника или обычнаго проповѣдника, или какъ у древнихъ грековъ каждый классъ общества имѣлъ собственнаго оратора. И развѣ первая забота каждой новой литературной или художественной школы не состоитъ также въ основаніи своего журнала, безъ чего она считаетъ свое существованіе неполнымъ? Найдется ли такая партія или даже часть партіи, которая не старалась бы крикливо высказаться въ какомъ-нибудь періодическомъ или ежедневномъ объявленіи, надѣясь этимъ путемъ распространиться и ужъ навѣрное укрѣпиться въ ожиданіи видоизмѣненія, сліянія или раздробленія? Партія безъ газеты представляется намъ въ самомъ дѣлѣ какъ-то безголовымъ чудовищемъ, хотя всѣ партіи древности, среднихъ вѣковъ и даже новой Европы вплоть до французской революціи обыкновенно отличались именно такою мнимой чудовищностью.

Это преобразованіе всякой группы въ соотвѣтственную публику объясняется возрастающей потребностью въ общительности, которая вызываетъ необходимость правильнаго об-

щенія между членами ассоціаціи посредствомъ непрерывнаго потока извѣстій и соотвѣтственныхъ возбужденій. Слѣдовательно, оно неизбѣжно. И было бы важно опредѣлить, какія слѣдствія оно оказываетъ или по всей вѣроятности окажетъ на судьбу видоизмѣненныхъ такимъ образомъ группъ съ точки зрѣнія ихъ долговѣчности, прочности, силы, взаимной борьбы или взаимнаго союза.

По части долговѣчности и прочности древнія группы безъ сомнѣнія ничего не выиграютъ отъ той перемѣны, о которой мы здѣсь говоримъ. Періодическая печать приводитъ въ движеніе и оживляетъ все, чего она ни коснется, и нѣтъ такой закоренѣлой, повидимому, религіозной общины, которая, разъ подчинившись модѣ, непрестанно говоритъ обо всемъ въ печати, не указала бы на явные признаки тщетно скрываемыхъ внутреннихъ перемѣнъ. Чтобы убѣдиться въ этой присущей всякой газетѣ способности одновременно все разлагать и возстановлять, достаточно сравнить политическія партіи безгазетныхъ временъ съ такими же партіями современными. Не были ли онѣ прежде болѣе спокойными и прочными и хотя не столь живыми, но болѣе упорными, болѣе связными и нерасторжимыми, болѣе враждебными ко всякимъ попыткамъ обновленія и дробленія? Что осталось въ современной Англіи отъ столь рѣзкой вѣковой противоположности виговъ и торіевъ? Въ древней Франціи не было болѣе рѣзкаго явленія, какъ возникновеніе новой партіи, а въ наше время партіи то-и-дѣло подвергаются преобразованіямъ, перерожденіямъ и самопроизвольно зарождаются вновь. Поэтому ихъ знамена страшатъ и безпокоятъ все меньше и меньше, такъ какъ хорошо извѣстно, что если онѣ и достигнутъ власти, то совершенно видоизмѣнившись. Отъ традиціонныхъ и наслѣдственныхъ партій прошлаго скоро останется одно лишь воспоминаніе.

Такимъ образомъ относительная крѣпость старыхъ соціальныхъ аггрегатовъ сильно измѣняется отъ вмѣшательства прессы. Прежде всего замѣтимъ, что она далеко не благопріятна для преобладанія группировки по профессіямъ. Профессіональные журналы, посвященные интересамъ занятій или ремеслъ, какъ-то судебные, промышленные, земледѣльческіе, читаются всего менѣе, они всего менѣе интересны и дѣйствуютъ напменѣе возбудительно, если только подъ видомъ работы рѣчь не идетъ о стачкѣ

или о политикѣ. Печать подчеркиваетъ и отдаетъ видимое предпочтеніе лишь соціальному дѣленію на группы по теоретическимъ идеямъ, по идеальнымъ стремленіямъ и чувствамъ. Всякія выгоды она, къ ея чести, выражаетъ не иначе, какъ подъ прикрытіемъ теорій или обращаясь къ чувствамъ или страстямъ, такъ что, даже относясь къ нимъ пристрастно, она ихъ одухотворяетъ и идеализируетъ. И какъ ни опасно иногда такое преображеніе, въ общемъ оно благотворно. Мысли и страсти, сколько бы шума и пыли ни поднимали онѣ при столкновеніи, всегда легче могутъ быть примирены, чѣмъ интересы.

Религіозныя или политическія партіи — вотъ соціальныя группы, на которыя печать дѣйствуетъ всего сильнѣе и которыя ею выставляются всего рѣзче. Партіи, обращенныя въ состояніе публикъ, мѣняютъ свой видъ, принимаютъ новый и преобразуются съ такой быстротой, которая привела бы въ изумленіе нашихъ предковъ. И нужно согласиться, что ихъ подвижность и сплоченность мало походятъ на дѣйствія парламентскаго механизма на англійскій ладъ. Это бы бѣда не большая, если бы она не вносила, какъ неизбѣжное слѣдствіе, глубокихъ видоизмѣненій въ парламентскіе порядки. Нынѣшнія партіи то поглощаются одна другою и уничтожаются въ немногіе годы, то разрастаются до неслыханныхъ размѣровъ, пріобрѣтая тогда громадную силу, хотя и на короткое время. Онѣ стали обладать двумя особенностями, какихъ за ними прежде не знали, а именно сдѣлались способными взаимно проникать одна другую и обращаться въ международныя. Онѣ становятся взаимно проницаемыми, потому что, какъ мы сказали выше, каждый изъ насъ принадлежитъ или можетъ принадлежать къ различнымъ видамъ публики. Онѣ обращаются въ международныя, потому что крылатое газетное слово безъ труда перелетаетъ чрезъ границы, за которыя прежде никогда не переходилъ голосъ оратора, хотя бы и самаго знаменитаго, или вожака какой нибудь партіи. Такъ, публика нѣкоторыхъ большихъ газетъ, напримѣръ *Таймса* или *Фигаро*, или нѣкоторыхъ важныхъ журналовъ разсѣяна по всему свѣту. Публика религіозная, научная, экономическая, эстетическая по самой своей сущности *постоянно* бываетъ международною. Замѣтимъ кстати, что *толпа*—религіозная, научная и проч.—становится международной лишь изрѣдка въ видѣ конгрес-

совъ, да и конгрессы могли обратиться въ международные лишь потому, что имъ предшествовали на этомъ пути соотвѣтствующіе виды публики.

Только печать предоставила парламентскому или клубному краснорѣчію свои крылья и лишь она стала распространять его по всему міру. И если такая международная обширность партій, превратившихся въ соотвѣтственные виды публики, дѣлаетъ ихъ враждебность болѣе опасной, то ихъ взаимное проникновеніе и неопредѣленность ихъ границъ облегчаютъ между ними союзы, даже и безнравственные, позволяя надѣяться, что онѣ заключатъ наконецъ между собою миръ. Итакъ, повидимому, преобразованіе всякой партіи въ публику болѣе вредитъ ея долговѣчности, чѣмъ согласію, мѣшаетъ скорѣе ея спокойствію, чѣмъ примиренію, и что производимое этимъ движеніе подготовляетъ преимущественно пути къ соціальному единству, объединенію. Это настолько вѣрно, что, несмотря на враждебность многихъ видовъ публики, существующихъ совмѣстно и перемѣшанныхъ между собою въ обществѣ, они какъ будто составляютъ вмѣстѣ одну только публику вслѣдствіе частнаго согласія ихъ по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ. Вотъ это согласіе и называется общественнымъ мнѣніемъ, политическое значеніе котораго все болѣе и болѣе растетъ. Въ извѣстные критическіе моменты въ жизни народовъ, когда націи грозитъ какая нибудь опасность, это объединеніе, о которомъ я говорю, достигаетъ поразительныхъ размѣровъ и становится почти полнымъ. И тогда мы видимъ, какъ нація, эта по преимуществу соціальная группа, преобразуется подобно всѣмъ другимъ въ громадное сборище лихорадочно возбужденныхъ читателей, съ жадностью набрасывающихся на телеграммы. Во время войны вся соціальная группировка Франціи — ея классы, синдикаты, партіи —какъ будто исчезаетъ и остается только французская армія, да еще „французская публика.“

Однако изъ всѣхъ соціальныхъ аггрегатовъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ публикѣ находится все-таки толпа. Хотя публика часто бываетъ не болѣе, какъ обширной и разсѣянной аудиторіей, но разница между ней и толпой, какъ мы видѣли, большая и притомъ рѣзкая и характеристичная. Разница эта доходитъ до того, что между прогрессомъ толпы и прогрессомъ публики устанавливается,

такъ сказать, обратное отношеніе. Правда, слишкомъ возбужденная публика даетъ начало шумнымъ уличнымъ сборищамъ, а такъ какъ одна и таже публика можетъ быть распространенной по обширной территоріи, то возможно, что во многихъ городахъ одновременно начнутся порождаемыя ею шумныя сборища, что граждане будутъ толпиться на улицахъ, кричать, грабить и производить избіенія. Все это уже бывало (1). Но чего еще не бывало, такъ это — соединенія въ одно цѣлое всѣхъ сборищъ, если бы не существовало разныхъ видовъ публики. Если бы, напримѣръ, всѣ газеты были запрещены и лишились бы каждая своей публики, то не появилось ли бы у населенія несравненно большей, чѣмъ теперь, потребности собираться въ видѣ болѣе многочисленныхъ и болѣе плотныхъ аудиторій около всякихъ лекторовъ и даже проповѣдниковъ, наполнять всякія публичныя мѣста, кофейни, клубы, салоны, кабинеты для чтенія, не говоря уже о театрахъ, и вести себя вездѣ болѣе безпокойно и шумливо?

Мы даже и понятія не имѣемъ о всѣхъ жаркихъ спорахъ, происходящихъ въ кофейняхъ, салонахъ или клубахъ, отъ которыхъ избавляетъ насъ полемика въ печати, это сравнительно безвредное предохранительное средство. Дѣйствительно, число слушателей въ публичныхъ собраніяхъ вообще становится меньше или по крайней мѣрѣ не возрастаетъ и самыя выдающіеся наши ораторы далеко не имѣютъ такого успѣха, какъ нѣкогда Абеляръ, увлекавшій за собою въ угрюмую долину Параклета до тринадцати тысячъ учениковъ. Притомъ, когда слушатели столь многочисленны, они бываютъ не такъ внимательны, какъ это было до изобрѣтенія книгопечатанія, когда послѣдствія невнимательности были непоправимы.

Современная Сорбонна и понятія не имѣетъ о томъ наплывѣ слушателей и о томъ вниманіи, какое нѣкогда царило

---

(1) Можно даже сказать, что всякая публика получаетъ окраску отъ особенностей порождаемой ею толпы. Набожная публика характеризуется паломничествами въ Лурдъ, великосвѣтская—Лоншанскими скачками, балами и праздниками, литературная — театральными представленіями и пріемами членовъ во Французскую Академію, промышленная—стачками, политическая—своими выборными собраніями и палатами представителей, революціонная—возстаніями и баррикадами.

въ ея теперь на три четверти пустыхъ амфитеатрахъ. Большинство тѣхъ, которые прежде со страстнымъ любопытствомъ шли бы слушать какую нибудь рѣчь, теперь говорятъ себѣ: „Я прочитаю ее въ своей газетѣ...“ И вотъ такимъ образомъ мало-по-малу всякая публика растетъ, между тѣмъ какъ соотвѣтственная толпа уменьшается, при чемъ значеніе ея уменьшается еще быстрѣе.

Что осталось теперь отъ времени, когда вдохновенное краснорѣчіе какого нибудь проповѣдника въ родѣ Коломбана или Патрика, кончалось обращеніемъ цѣлыхъ народностей, страстно внимавшихъ ихъ слову? Теперь великія обращенія массъ совершаются лишь журналистами.

Такимъ образомъ, каковы бы ни были свойства тѣхъ группъ, на которыя разбивается всякое общество, будутъ ли онѣ характера религіознаго, экономическаго, политическаго, даже національнаго, публика является до нѣкоторой степени ихъ конечнымъ, послѣднимъ состояніемъ, такъ сказать, приведеніемъ къ общему знаменателю; къ этой именно чисто психологической группѣ непрестанно мѣняющихся состояній ума сводится обыкновенно все. И замѣчательно, что профессіональные аггрегаты, основанные на взаимномъ извлеченіи пользы и приспособленіи желаній и выгодъ, всего больше подвергаются этому цивилизующему превращенію. Вопреки всѣмъ отмѣченнымъ нами несходствамъ, толпа и публика, эти два крайніе члена соціальной прогрессіи [1]), имѣютъ то общее, что связь между составляющими ихъ личностями состоитъ не въ томъ лишь, что онѣ взаимно приспособляются даже въ своихъ различіяхъ, въ своихъ полезныхъ другъ для друга спеціальностяхъ, но еще въ томъ, что онѣ взаимно отражаютъ другъ друга и сливаются вслѣдствіе своихъ врожденныхъ или пріобрѣтенныхъ сходствъ въ какой-то простой и могучій *унисонъ*, въ зараженіе одинаковыми мыслями и страстями, что впрочемъ не препятствуетъ проявляться индивидуальнымъ различіямъ. Нечего и говорить, что этотъ унисонъ несравненно полнѣе и сильнѣе въ публикѣ, чѣмъ въ толпѣ.

---

[1]) Семья и орда—двѣ отправныя точки этой эволюціи. Но орда, это дикое грабительское сборище, не болѣе, какъ движущаяся толпа.

VI.

Показавъ возникновеніе и ростъ публики, отмѣтивъ отличительныя ея черты, касающіяся ея сходства и несходства съ толпою, и указавъ ея генеалогическія отношенія къ различнымъ соціальнымъ группамъ, попытаемся намѣтить въ общихъ чертахъ классификацію ея разновидностей сравнительно съ разновидностями толпы.

Классифицировать виды публики, какъ и виды толпы можно съ весьма различныхъ точекъ зрѣнія. По отношенію, напримѣръ, къ полу существуетъ публика мужская и публика женская, какъ и толпа можетъ состоять изъ мужчинъ или изъ женщинъ. Но женская публика, состоитъ ли она изъ читательницъ романовъ и модныхъ стихотвореній, или же модныхъ и феминистскихъ журналовъ, нисколько не походитъ на всякую толпу того же пола. Численность ея имѣетъ совершенно иное значеніе и она отличается значительно большею безобидностью. Я не буду говорить о собраніяхъ женщинъ въ храмахъ; но когда онѣ неожиданно собираются на улицахъ, онѣ всегда поражаютъ крайнею степенью возбужденности и жестокости. Въ этомъ отношеніи достаточно перечитать Тэна. Первый разсказываетъ намъ о храброй колдуньѣ Гофманъ, бывшей предводительницею сборищъ крестьянъ и крестьянокъ, вызванныхъ лютеровыми проповѣдями въ 1529 г. „Она жаждала лишь пожаровъ, грабежей и убійствъ“ и произносила заклинанія, имѣвшія цѣлью сдѣлать участниковъ этихъ сборищъ неуязвимыми и тѣмъ доводившія ихъ до фанатизма. Второй рисуетъ намъ поведеніе женщинъ, даже молодыхъ и красивыхъ, въ дни 5 и 6 октября 1789 г. Онѣ только и говорятъ о томъ, какъ растерзать и четвертовать королеву, какъ „надѣлать кокардъ изъ ея драгоцѣнностей“, „искусать ея сердце“; имъ не приходитъ въ голову никакихъ другихъ мыслей кромѣ каннибальскихъ и онѣ, повидимому, были готовы ихъ осуществить.

Значитъ ли это, что женщины, не смотря на ихъ кажущуюся кротость, таятъ въ себѣ дикіе инстинкты и склонность къ убійствамъ, проявляющіеся въ ихъ сборищахъ? Нѣтъ, но очевидно, что въ подобнаго рода женскихъ сборищахъ происходитъ подборъ всего, что есть между женщинами самаго разнузданнаго и дерзкаго; я чуть не сказалъ—самаго муж-

ского. Это—corruptio optimi pessima. Безъ сомнѣнія вовсе не нужно такой наглости и испорченности, чтобъ читать даже самую дерзкую и распущенную газету, а потому и составъ всякой женской публики бываетъ несравненно лучше, при чемъ вообще проявляетъ скорѣе эстетическія, чѣмъ политическія наклонности.

По отношенію къ возрасту, юношескія толпы, каковы шумныя сборища студентовъ или уличныхъ парижскихъ мальчишекъ, имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ всякая юношеская публика, хотя бы даже литературная, никогда еще не проявлявшая значительнаго вліянія. Но зато разнаго рода старческая публика управляетъ дѣловымъ міромъ, въ которомъ не принимаютъ никакого участія толпы стариковъ. Эта незамѣтная *геронтократія* составляетъ благодѣтельный противовѣсъ *эфебократіи* избирательныхъ собраній, гдѣ преобладаетъ молодой элементъ, еще не пресытившійся своимъ избирательнымъ правомъ. Впрочемъ старческая толпа вообще—крайне рѣдкое явленіе. Можно было бы лишь указать на нѣсколько шумныхъ соборовъ въ первые вѣка христіанства, состоявшихъ изъ старыхъ епископовъ, да на нѣсколько бурныхъ засѣданій въ древнихъ и новѣйшихъ сенатахъ, какъ на единственные примѣры крайностей или увлеченій, до которыхъ могутъ доходить собравшіеся вмѣстѣ старики, и коллективнаго ребячества, какое имъ случается иногда выказывать на своихъ собраніяхъ. Стремленіе собираться вмѣстѣ повидимому усиливается отъ дѣтства до юности, а затѣмъ уменьшается, начиная съ этого возраста до старости. Иное дѣло—наклонность собираться въ корпораціи, которая продолжаетъ расти не только до зрѣлаго возраста, но даже до старости, начинаясь лишь съ юношескихъ лѣтъ.

Затѣмъ можно различать вліяніе на толпу погоды, временъ года и даже географической широты мѣста. Мы уже говорили, почему это различіе не приложимо ни къ какой публикѣ. Вліяніе физическихъ дѣятелей или силъ на образованіе и ростъ публики почти незамѣтно, между тѣмъ какъ вліяніе ихъ на возникновеніе и поведеніе толпы—безгранично велико. Солнце—одинъ изъ главнѣйшихъ возбудителей всякихъ сборищъ и лѣтнія толпы несравненно безпокойнѣе зимнихъ. Если бы Карлъ X подождалъ съ обнародованіемъ своихъ знаменитыхъ ордонансовъ до декабря или до января,

то, можетъ-быть, послѣдствія этого были бы другія.—Но и вліяніемъ расы или національности на публику пренебрегать нельзя: оно отражается на ней, какъ и на толпѣ, и въ характеристической заносчивости французской публики ясно сказывается furia francesa.

Однако важнѣйшее различіе между разными видами публики, какъ и между разными видами толпы, зависитъ отъ того, какова ихъ *цѣль* или ихъ *вѣра*. Прохожіе на улицѣ, идущіе каждый по своимъ дѣламъ, крестьяне, собравшіеся на деревенскій базаръ, или просто гуляющіе люди могутъ составлять очень плотную группу, но они останутся простымъ сборищемъ, пока общая вѣра или общая цѣль не овладѣетъ ими или не поведетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Какъ только какое нибудь новое зрѣлище привлечетъ къ себѣ ихъ взгляды и умы, какъ только какая нибудь непредвидѣнная опасность или внезапное негодованіе заронитъ въ ихъ сердце одно и то же желаніе, они послушно начинаютъ составлять одно цѣлое и эта первая ступень соціальнаго объединенія будетъ толпа.

Точно также можно сказать, что даже обычные читатели извѣстной газеты, пока они просматриваютъ только объявленія, да практическія указанія, относящіяся къ ихъ частнымъ дѣламъ, еще не составляютъ публики. И если бы я могъ повѣрить, что объявленіямъ газеты, какъ утверждаютъ нѣкоторые, предстоитъ все расти на счетъ ея трибуны, то я поспѣшилъ бы зачеркнуть все написанное выше о соціальныхъ преобразованіяхъ, производимыхъ журнализмомъ. Но ничего подобнаго нѣтъ даже и въ Америкѣ [1]). И вотъ лишь съ той минуты, когда читатели какого нибудь листка начи-

---

[1]) Американскій писатель Гиддингсъ въ своей прекрасной книгѣ о *Началахъ соціологіи* говоритъ между прочимъ, какую важную роль съиграли газеты въ войнѣ между Сѣверными и Южными Штатами. И по этому поводу онъ оспариваетъ общераспространенное мнѣніе о томъ, что будто бы «пресса теперь топитъ всякое личное вліяніе въ ежедневномъ наплывѣ *безличныхъ* мнѣній»... Печать, говоритъ онъ, производила наибольшее вліяніе на общественное мнѣніе, когда она являлась выразительницей мыслей какой нибудь замѣчательной личности въ родѣ Гаррисона или Грилея. Притомъ же публика обыкновенно не думаетъ, что въ редакціяхъ газетъ можетъ быть какой нибудь *цѣнный человѣкъ*, никому не извѣстный, но хорошо знакомый своимъ товарищамъ по газетѣ и накладывающій печать своей личности на ихъ мысль и работу.

наютъ поддаваться извѣстной мысли или возбуждаемому ей чувству, они и составляютъ дѣйствительную публику.

Итакъ мы должны различать всякія толпы, равно какъ и публики, прежде всего по сущности той цѣли или вѣры, которая ихъ одушевляетъ. Но сначала обратимъ вниманіе на то, въ какой мѣрѣ преобладаетъ въ нихъ доля вѣры, идеи, или же доля извѣстной цѣли, желанія. Толпа бываетъ вѣрящей или желающей; равнымъ образомъ и публика можетъ быть вѣрящей или желающей; а такъ какъ у людей, собравшихся вмѣстѣ, или даже разсѣянныхъ, но объединившихся, всякая мысль, всякое желаніе быстро доходитъ до крайностей, то вѣрнѣе будетъ сказать, что толпа или публика бываетъ убѣжденной и фанатической, или же страстной и деспотической. Выбирать приходится только между этими двумя категоріями. Согласимся однако, что всякая публика менѣе склонна къ крайностямъ, чѣмъ толпа, что она не такъ деспотична или догматична, но что ея деспотизмъ или догматизмъ, будучи менѣе острымъ, оказывается гораздо болѣе упорнымъ и долговѣчнымъ.

Толпа, будетъ ли она вѣрующей или желающей, отличается еще по свойствамъ той корпораціи или секты, съ которою она связана; то же самое приложимо и къ публикѣ, происходящей всегда, какъ мы знаемъ, отъ организованной соціальной группы и представляющей ея неорганическое преобразованіе [1]). Но займемся пока лишь толпою. Толпа, эта аморфная группа, зарождающаяся повидимому самопроизвольно, всегда на самомъ дѣлѣ побуждается къ бунту какимъ нибудь соціальнымъ тѣломъ (корпораціей), одинъ изъ членовъ котораго служитъ для нея ферментомъ и придаетъ ей свою окраску [2]). Поэтому мы не смѣшаемъ деревенскихъ сборищъ крестьянъ, знакомыхъ и родственныхъ между собою, во время праздниковъ въ семьѣ сюзерена собравшихся ради удовлетворенія его тщеславія, какъ то было въ средніе вѣка, съ толпами самобичующихся того же времени, со-

---

[1]) Новое доказательство того, что связь органическая и соціальная различны и что прогрессъ одной нисколько не подразумѣваетъ прогресса другой.

[2]) Такъ бываетъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда толпа, какъ сказано выше, является наростомъ на тѣлѣ публики; дѣйствительно, сама публика представляетъ собою преобразованную партію, секту, корпорацію, всякую организованную соціальную группу.

бравшимися подъ вліяніемъ проповѣдей монаховъ и шумно исповѣдовавшими свою вѣру по дорогамъ. Мы не смѣшаемъ и распѣвающихъ священныя пѣсни процессій, направляющихся подъ предводительствомъ клириковъ въ Лурдъ, съ бунтовскими и крикливыми толпами, поднятыми какимъ нибудь якобинцемъ, или съ жалкими и голодными толпами стачечниковъ, предводимыхъ какимъ нибудь рабочимъ синдикатомъ. Деревенскія толпы трудно сдвинуть съ мѣста, но разъ приведенныя въ движеніе, онѣ опаснѣе другихъ. Ни одно изъ парижскихъ возстаній не сдѣлало столько разрушеній, какъ жакерія.

Религіозныя толпы – самыя безобидныя изъ всѣхъ; онѣ бываютъ способны къ преступленіямъ лишь въ томъ случаѣ, когда встрѣча съ толпою разномыслящихъ и явно враждебныхъ задѣваетъ ихъ нетерпимость, одинаковую у нихъ со всякими другими толпами, но ни какъ не болѣе сильную. Въ самомъ дѣлѣ, отдѣльныя личности могутъ быть либеральны, могутъ отличаться терпимостью сами по себѣ, но собравшись въ толпу, онѣ становятся самолюбивыми и властолюбивыми, деспотичными. Это зависитъ отъ того, что всякія вѣрованія доходятъ до крайняго возбужденія при взаимномъ соприкосновеніи, и нѣтъ такого сильнаго убѣжденія, которое могло бы выносить противорѣчіе. Отсюда, напримѣръ, истребленіе аріанъ со стороны католиковъ и католиковъ со стороны аріанъ, эти убійства, заливавшія кровью улицы Александріи въ IV вѣкѣ.

Политическія толпы, по большей части городскія, бываютъ наиболѣе страстными и всего сильнѣе поддаются гнѣву, но къ счастію онѣ непостоянны и съ крайнею легкостью переходятъ отъ презрѣнія къ восхищенію, къ избытку веселости. Толпы хозяйственныя, промышленныя, подобно деревенскимъ, гораздо однороднѣе другихъ, гораздо единодушнѣе и настойчивѣе другихъ въ своихъ требованіяхъ; онѣ массивнѣе и сильнѣе, но вообще, даже при крайней степени гнѣва, менѣе склонны къ убійствамъ, чѣмъ къ разрушеніямъ.

Не знаю, почему до сихъ поръ не обращали вниманія на толпы эстетическія, которыя вмѣстѣ съ толпами религіозными служатъ исключительными образчиками вѣрующей толпы. Я называю такимъ образомъ тѣ толпы, которыя возбуждаетъ за или противъ какого нибудь произве-

денія, напримѣръ, драматическаго, или музыкальнаго, какая либо старая или новая школа или партія въ литературѣ или въ художествѣ. Такія толпы отличаются, пожалуй, наибольшею нетерпимостью, именно по причинѣ произвольности и субъективности провозглашаемыхъ ими мнѣній, зависящихъ главнымъ образомъ отъ вкуса. Онѣ чувствуютъ непреоборимую потребность видѣть широкое распространеніе своего энтузіазма по отношенію къ тому или другому художнику, къ Виктору Гюго, Вагнеру, Эмилю Золя, или наоборотъ, своего отвращенія къ произведеніямъ Эмиля Золя, Вагнера, Виктора Гюго, и эта потребность тѣмъ настоятельнѣе, что распространеніе такой вѣры почти единственное ея оправданіе. Поэтому, когда такая толпа сталкивается со сборищемъ противомыслящихъ людей, ихъ вражда можетъ дойти до кровопролитія. Развѣ въ XVIII вѣкѣ не лилась кровь въ борьбѣ между сторонниками и противниками итальянской музыки?

Но какъ бы ни были различны между собою толпы по своему происхожденію, равно какъ и по другимъ признакамъ. всѣ онѣ представляютъ нѣкоторыя общія черты, каковы: поразительная нетерпимость, смѣшная гордость, болѣзненная впечатлительность, увлекающее сознаніе безотвѣственности, рождающееся отъ иллюзіи всемогущества, и полная потеря чувства мѣры, зависящая отъ взаимно поддерживаемаго крайняго возбужденія. Для толпы нѣтъ середины между проклятіемъ и благоговѣніемъ, презрѣніемъ и восторгомъ, между криками „да здравствуетъ!“ и „на висѣлицу!“ При этомъ „да здравствуетъ“ значитъ обыкновенно „да здравствуетъ навсегда“, т. е. заключаетъ въ себѣ пожеланіе божественнаго безсмертія, начинаетъ собою апоѳеозъ. Но достаточно какого нибудь пустяка, чтобъ превратить это обоготвореніе въ вѣчное проклятіе.

И вотъ мнѣ кажется, что многія изъ этихъ особенностей, изъ этихъ соображеній оказываются приложимыми и къ разнымъ видамъ публики, хотя здѣсь вышеотмѣченныя черты не столь рѣзки. Всякая публика, какъ и всякая толпа, тоже нетерпима, горда, пристрастна, надменна и подъ видомъ *общественнаго* мнѣнія требуетъ, чтобы все ей уступало, даже сама истина, когда она непріятна. Не очевидно ли также, что чувство мѣры въ нашихъ современныхъ обществахъ все болѣе теряется по мѣрѣ того, какъ

распространяется духъ стадности, духъ публики, если не духъ толпы вслѣдствіе ускоряющагося постоянно обращенія мыслей и чувствъ? Люди и дѣла восхваляются и унижаются съ одинаковой поспѣшностью. Даже литературная критика, становясь услужливымъ отголоскомъ такихъ стремленій своихъ читателей, почти потеряла способность соразмѣрять и приспособлять свои сужденія и также склонна или превозносить, или относиться съ полнымъ презрѣніемъ. Какъ мы далеки теперь отъ столь осторожныхъ сужденій Сентъ-Бева? Въ этомъ отношеніи публика, какъ и толпа, напоминаетъ пьяныхъ. Дѣйствительно, крайне напряженная коллективная жизнь представляетъ ужасный алкоголь для ума.

Но публика отличается отъ толпы тѣмъ, что число вѣрующихъ и идейныхъ развидностей ея, каково бы ни было ихъ происхожденіе, значительно превышаетъ пропорціонально число разновидностей страстныхъ и дѣйствующихъ; между тѣмъ какъ вѣрующія и идеалистическія толпы крайне малочисленны сравнительно съ толпами страстными и безпокойными. Какое-нибудь credo, какой-нибудь идеалъ приводятъ въ движеніе не только религіозную или эстетическую публику, порождаемую религіозной общиной или художественной школой, но также и публику научную и философскую въ ихъ многочисленныхъ разновидностяхъ, наконецъ публику экономическую, которая, не скрывая своихъ стремленій, старается ихъ идеализировать. Такимъ образомъ, чрезъ это преобразованіе всякой соціальной группы въ соотвѣтствующую публику міръ подвигается впередъ въ своемъ умственномъ развитіи. Что касается до публикъ дѣйствующихъ, то можно было бы подумать, что, собственно говоря, ихъ не существуетъ вовсе, если бы мы не знали, что, возникая изъ политическихъ партій, онѣ навязываютъ государственнымъ людямъ свои желанія, внушаемыя извѣстными публицистами. Кромѣ того, будучи разсудительнѣе и просвѣщеннѣе, публика можетъ дѣйствовать и часто дѣйствуетъ гораздо плодотворнѣе, чѣмъ толпа.

Можно, пожалуй, отмѣтить еще одно отличіе. Публика всегда проявляетъ свое существованіе полемикою въ печати и мы присутствуемъ тогда при борьбѣ двухъ публикъ, нерѣдко сводящейся къ дуэлямъ между ихъ публицистами. Но столкновеніе между двумя толпами, подобныя тѣмъ,

что по словамъ Ларрумэ происходили иногда между процессіями въ Іерусалимѣ, чрезвычайно рѣдки. Толпа любитъ двигаться и развертываться, какъ одно цѣлое, показывать свою силу и подавлять ею побѣжденнаго, сдающагося безъ борьбы. Все, что иногда наблюдается, это—борьба военныхъ отрядовъ съ толпою, которая разбѣгается, если она слабѣе отряда, или же бросается на него и избиваетъ его, если сильнѣе. Иногда также и парламентъ представляетъ, если не двѣ толпы, то одну двухголовую, дѣлясь на двѣ партіи, борющіяся между собою словесно, а въ иныхъ случаяхъ и на кулакахъ, какъ бывало въ Вѣнѣ и даже въ Парижѣ.

VII.

Указанныя различія между толпою и публикой легко доказать. Всякія толпы, возникаютъ ли онѣ въ началѣ вслѣдствіе общности желаній или общности вѣрованій, могутъ представлять только четыре существенныхъ разновидности, соотвѣтствующія разнымъ степенямъ ихъ активности или пассивности. Онѣ могутъ быть *выжидающими* и *внимающими* или *заявляющими* о себѣ и *дѣйствующими*. Разнаго рода публика представляетъ такого же рода особенности.

Примѣръ ожидающей толпы представляютъ люди, собравшіеся въ театрѣ предъ поднятіемъ занавѣса или окружающіе гильотину предъ прибытіемъ осужденнаго на казнь и ждущіе, когда поднимется занавѣсь или когда покажется осужденный. Такова же толпа, собравшаяся взглянуть на проѣздъ короля, какого-нибудь царственнаго гостя, поджидающая поѣзда, съ которымъ долженъ прибыть какой-нибудь пользующійся общею извѣстностью человѣкъ, какой-нибудь трибунъ, полководецъ-побѣдитель. Собирательное любопытство въ такого рода толпахъ достигаетъ неслыханныхъ размѣровъ, часто не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ предмету этого любопытства, иногда весьма ничтожному. Оно бываетъ здѣсь еще сильнѣе и преувеличеннѣе, чѣмъ у ожидающей публики, у которой оно, однако, заходитъ крайне далеко, когда милліоны читателей, доведенные до крайняго возбужденія какимъ-нибудь соціальнымъ дѣломъ, ждутъ рѣшенія, приговора, какой-нибудь новости. Наименѣе любопытный и самый серьезный человѣкъ, попавъ въ одно изъ такихъ лихорадочныхъ сборищъ, не можетъ себѣ

дать отчета, что удерживаетъ его здѣсь, не смотря на неотложныя дѣла, что за странная потребность явилась у него, какъ и у всѣхъ его окружающихъ, видѣть проѣздъ царскихъ каретъ или взглянуть на черную лошадь генерала.

Вообще нужно замѣтить, что ожидающія толпы всегда гораздо терпѣливѣе, чѣмъ отдѣльныя личности въ подобныхъ случаяхъ. Во время франко-русскихъ празднествъ тѣсныя толпы парижанъ безъ всякаго признака недовольства простаивали неподвижно по три или по четыре часа на томъ пути, по которому долженъ былъ проѣхать царскій кортежъ. Время отъ времени какую-нибудь карету принимали за начало кортежа, но когда ошибка обнаруживалась, всѣ снова начинали ждать, при чемъ часто повторявшіяся ошибки и разочарованія нисколько, повидимому, не вызывали раздраженія, какъ это обыкновенно бываетъ. Извѣстно также, что иногда толпы любопытныхъ готовы стоять какъ угодно долго подъ дождемъ, даже ночью, въ ожиданіи какого-нибудь большого военнаго смотра. Наоборотъ, часто случается, напр. въ театрахъ, что та же самая публика, которая покорно выносила несоразмѣрное замедленіе хода пьесы, вдругъ начинаетъ раздражаться и не хочетъ больше ждать ни минуты. Почему толпа бываетъ такимъ образомъ всегда или терпѣливѣе, или же нетерпѣливѣе отдѣльной личности?

Въ обоихъ случаяхъ это объясняется одною и той же психологической причиной—взаимнымъ зараженіемъ, взаимнымъ возбужденіемъ чувства у собравшихся личностей. Пока въ собраніи не проявилось никакого признака нетерпѣнія—топанья ногами, шиканья, стука палками,—каждый поддается впечатлѣнію спокойствія или веселости, замѣчаемому имъ на лицахъ сосѣдей, и безсознательно отражаетъ на себѣ ихъ покорность или веселость. Понятно, что когда подобные знаки нетерпѣнія ни къ чему не могутъ привести, напримѣръ при ожиданіи казни или смотра, они и не проявляются. Но когда это можетъ сократить ожиданіе, какъ напримѣръ въ театрѣ, то если кто-нибудь начнетъ приходить въ нетерпѣніе, ему тотчасъ станутъ подражать постепенно все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ числѣ и нетерпѣніе каждаго будетъ усугубляться нетерпѣніемъ другихъ. Индивиды въ толпѣ одновременно доходятъ до высшей степени взаимнаго нравственнаго притяженія и

взаимнаго физическаго отталкиванія, — антитеза, не существующая для публики. Они отталкиваются отъ другихъ локтями, но видимо желаютъ выражать чувства лишь согласныя съ чувствами сосѣдей и въ разговорахъ, завязывающихся иногда между ними, они стараются понравиться другъ другу, не взирая на ранги и классы.

Толпа внимательная — это толпа, тѣснящаяся около каѳедры проповѣдника или наставника, вокругъ трибуны, подмостковъ или передъ сценой, гдѣ разыгрывается какая-нибудь патетическая драма. Ея вниманіе—а также и невнимательность — всегда сильнѣе и упорнѣе, чѣмъ онѣ могли бы быть у каждаго изъ составляющихъ ее индивидовъ безъ присутствія всѣхъ остальныхъ. Одинъ профессоръ по поводу толпы высказалъ мнѣ слѣдующее, по моему мнѣнію, справедливое замѣчаніе: „Аудиторія изъ молодыхъ людей юридическаго или всякаго другого факультета всегда бываетъ внимательна и почтительна, когда она не особенно многочисленна; если же вмѣсто двадцати или тридцати человѣкъ ихъ наберется сотни двѣ-три, то они часто перестаютъ уважать и слушать своего профессора и поднимаютъ шумъ. Но раздѣлите на четыре группы по двадцати-пяти человѣкъ сотню непокорныхъ и буйныхъ студентовъ и вы получите четыре аудиторіи, полныя вниманія и почтительности». Горделивое сознаніе своей численности именно и опьяняетъ людей, собравшихся вмѣстѣ, побуждая ихъ относиться съ презрѣніемъ къ единичному, отдѣльному человѣку, говорящему съ ними, по крайней мѣрѣ если ему не удастся ослѣпить и „очаровать“ ихъ. Но слѣдуетъ прибавить, что когда очень многочисленная аудиторія позволила оратору увлечь себя, она становится тѣмъ почтительнѣе и внимательнѣе, чѣмъ численность ея больше.

Другое замѣчаніе. Въ толпѣ, очарованной какимъ-нибудь зрѣлищемъ или рѣчью, лишь очень немногіе хорошо видятъ или слышатъ, многіе же видятъ и слышатъ только на половину или даже совсѣмъ ничего не видятъ и не слышатъ и однако, какъ бы ни были плохи ихъ мѣста и какъ бы дорого эти мѣста ни стоили, они довольны и не жалѣютъ ни времени, ни денегъ. Пусть, напримѣръ, эти люди цѣлыхъ два часа ждали проѣзда царя и вотъ онъ наконецъ ѣдетъ. Но стоя позади многихъ рядовъ зрителей, они ничего не увидали; все удовольстіе ихъ лишь въ томъ,

что они слышали болѣе или менѣе сильный, болѣе или менѣе обманувшій ихъ шумъ отъ проѣхавшихъ каретъ. Однако, вернувшись домой, они самымъ добросовѣстнымъ образомъ будутъ разсказывать объ этомъ зрѣлищѣ, какъ очевидцы, потому что они дѣйствительно его видѣли, хотя и глазами другихъ. И вы сильно ихъ удивили бы, сказавъ, что любой провинціалъ, разсматривающій сейчасъ гдѣ-нибудь за 200 льё отъ Парижа мгновенную фотографію императорскаго проѣзда въ своемъ иллюстрированномъ журналѣ, гораздо болѣе видѣлъ это зрѣлище, чѣмъ они. Почему же они убѣждены въ противномъ? Собственно говоря, лишь потому, что въ этихъ случаяхъ сама толпа, главнымъ образомъ, служитъ для себя зрѣлищемъ. Толпа притягиваетъ къ себѣ и восхищаетъ всѣхъ.

Между такими болѣе или менѣе пассивными толпами, о которыхъ мы сейчасъ говорили, и толпами активными занимаютъ мѣсто толпы манифестирующія, заявляющія о себѣ. Подобная толпа, заявляетъ ли она о своемъ убѣжденіи, о своей страстной любви или ненависти, о радости или горѣ, всегда впадаетъ въ исключительно свойственную ей крайность. Она отличается двумя чертами, въ которыхъ проявляется что-то женственное: замѣчательно сильнымъ символизмомъ, соединеннымъ съ большою бѣдностью воображенія по части изобрѣтенія этихъ символовъ, всегда тѣхъ же самыхъ и повторяющихся до пресыщенія. Носить въ процессіяхъ флаги и знамена, статуи, реликвіи и иногда отрубленныя головы, насаженныя на пики, оглашать воздухъ виватами или другими криками, пѣть гимны или пѣсни— вотъ почти все, что такія толпы могли изобрѣсти для выраженія своихъ чувствъ. Но если у нихъ мало мыслей, то онѣ крѣпко за нихъ держатся и имъ не надоѣдаетъ повторять одни и тѣже крики и возобновлять свои шествія.

Но и всякая публика, дойдя до извѣстной степени возбужденія, начинаетъ заявлять о себѣ. И она дѣлаетъ это не только косвенно, чрезъ возникающія въ ней толпы, но прежде всего прямо, посредствомъ увлекающаго вниманія, оказываемаго ею тѣмъ, кто привелъ ее въ движеніе, своимъ публицистамъ, которые уже не въ состояніи ее сдержать, посредствомъ тѣхъ потоковъ хвалы или ругани, лести или хулы, безумнаго утопизма или кроваваго бѣшенства, которые по ея требованію текутъ теперь съ перьевъ

этихъ покорныхъ публицистовъ, обратившихся изъ господъ въ рабовъ. Поэтому манифестаціи публики гораздо разнообразнѣе и много опаснѣе манифестацій толпы, такъ что приходится лишь пожалѣть о той геніальной изобрѣтательности, какая затрачивается въ извѣстныхъ газетахъ на замысловатую ложь, на заманчивыя сказки, непрестанно опровергаемыя, но непрестанно же и появляющіяся вновь съ единственною цѣлью предоставить той или другой публикѣ любимое ею блюдо, сказать то, что она считаетъ вѣрнымъ или что ей *желательно* считать вѣрнымъ.

Перейдемъ теперь къ толпамъ дѣйствующимъ. Но что же такое можетъ дѣлать толпа? Я хорошо знаю, что она умѣетъ все портить и разрушать, но что такое она можетъ производить, создавать при свойственной ей безсвязности и безпорядочности усилій? Корпораціи, секты, организованныя ассоціаціи одинаково способны какъ производить, такъ и разрушать. Средневѣковые *братья-мостовщики* строили мосты; западные монахи расчищали лѣса и дебри и основывали города; іезуиты въ Парагваѣ произвели весьма любопытный опытъ жизни въ фаланстерахъ, оказавшійся успѣшнымъ; корпораціи каменьщиковъ воздвигли большую часть французскихъ каѳедральныхъ храмовъ. Но можно ли указать хотя одинъ домъ, построенный толпою, землю, расчищенную и обработанную толпой, какую-нибудь отрасль промышленности, созданную толпой? На нѣсколько чахлыхъ деревьевъ „свободы“, посаженныхъ толпою, сколько приходится сожженныхъ лѣсовъ, разграбленныхъ дворцовъ, разрушенныхъ замковъ? На какого нибудь одного популярнаго заключеннаго, котораго удается иногда толпѣ освободить, сколько приходится казней по закону Линча, сколько тюремъ, взятыхъ съ бою американскими или революціонными толпами съ цѣлью избіенія заключенныхъ, вызывающихъ въ народѣ ненависть, зависть или опасеніе!

Между дѣйствующими толпами нужно различать толпы, проникнутыя любовью, отъ проникнутыхъ ненавистью. Но даже любовно настроенныя толпы—на какое дѣйствительно полезное дѣло обращаютъ онѣ свою дѣятельность? Трудно сказать, что хуже: ненависть или любовь, негодованіе или восторгъ толпы. Когда она реветъ, охваченная каннибальскимъ бѣшенствомъ, она конечно ужасна; но когда она, въ своемъ обожаніи, валяется въ ногахъ какого нибудь изъ

своихъ человѣческихъ кумировъ, впрягается въ его карету или несетъ его на своихъ плечахъ, предметомъ ея преклоненія, нарождающимся тираномъ или диктаторомъ является всего чаще какой-нибудь полупомѣшанный въ родѣ Мазаніелло, дикій звѣрь въ родѣ Марата или генералъ-шарлатанъ въ родѣ Буланже. Даже когда она съ бѣшеными овиціями окружаетъ какого-нибудь нарождающагося героя, въ родѣ Бонапарта, возвращающагося изъ Италіи, она способна только подготовлять его пораженіе, возбуждая до крайности его гордость и обращая его геній въ безуміе. Но всего больше энтузіазма проявляетъ она по отношенію къ какому нибудь Марату. Апоѳеозъ этого изверга, почитаніе его „святого сердца", выставленнаго въ Пантеонѣ, представляетъ поразительный образчикъ силы взаимнаго ослѣпленія, взаимной галлюцинаціи, на которую способны собравшіеся вмѣстѣ люди. Въ это непреодолимое увлеченіе входила отчасти и трусость, но въ очень слабой степени, такъ что ея совсѣмъ было незамѣтно въ общей искренности.

Но, спѣшу замѣтить, есть одна разновидность любящей толпы и разновидность очень распространенная, которая играетъ въ высшей степени необходимую и благотворную роль, служа противовѣсомъ всему злу, совершаемому всякими другими сборищами. Я имѣю въ виду праздничную толпу, толпу радостную, влюбленную въ самое себя, пьянѣющую отъ одного удовольствія быть въ сборѣ, ради самаго сбора. Здѣсь я долженъ старательно вычеркнуть все, что есть матеріалистическаго и нетерпимаго въ сказанномъ мною выше насчетъ непроизводительности или безполезности всякой толпы. Разумѣется, производительность состоитъ не только въ постройкѣ домовъ, въ изготовленіи мебели, одежды или пищи; соціальный миръ, соціальный союзъ, поддерживаемый народными праздниками, пирушками, періодическимъ общимъ весельемъ во всей деревнѣ или во всемъ городѣ, когда всякіе раздоры забываются на мгновеніе въ какомъ нибудь общемъ желаніи, въ желаніи видѣться, встрѣтиться, выразить взаимное сочувствіе,—такой миръ, такой союзъ не менѣе драгоцѣненъ, чѣмъ всѣ произведенія земли и промышленности. Даже праздники Федераціи въ 1790 г., это столь краткое затишье между двумя ураганами, способствовали временному примиренію. Прибавимъ еще, что патріотическій энтузіазмъ, другая разновидность

любви, — самолюбія собирательнаго, національнаго, — тоже часто настраивалъ благороднымъ образомъ толпу, и если никогда не доставлялъ ей побѣдъ, то иногда дѣлалъ непобѣдимыми войска, возбужденныя ея энтузіазмомъ.

Наконецъ послѣ веселыхъ праздничныхъ сборищъ я не могу опустить изъ вида сборищъ печальныхъ, идущихъ въ глубокой скорби за гробомъ друга, великаго поэта, національнаго героя. Такія толпы—тоже сильные возбудители соціальной жизни; и подобными проявленіями общаго горя или общей радости, понятныхъ всѣмъ, народъ пріучается къ единству во всѣхъ своихъ желаніяхъ.

Вообще, сборища, взятыя во всей ихъ совокупности, далеко не заслуживаютъ тѣхъ дурныхъ отзывовъ, какіе о нихъ дѣлаютъ, что могъ бы при случаѣ сдѣлать и я. Если положить на вѣсы обыденныя и всюду распространенныя дѣла сборищъ, проникнутыхъ любовью, и особенно сборищъ праздничныхъ, а съ другой стороны—временно проявляемыя то въ той, то въ другой мѣстности дѣянія сборищъ, одушевленныхъ ненавистью, то придется по всей справедливости признать, что первыя гораздо болѣе способствовали закрѣпленію соціальныхъ связей, чѣмъ вторыя—ихъ незначительнымъ разрывамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Представьте себѣ страну, гдѣ никогда не бывало бунтовъ или ненавистническихъ возстаній какого бы то ни было рода, но гдѣ неизвѣстны также общественныя празднества, веселыя уличныя манифестаціи, народны восторги; такая безвкусная и безцвѣтная страна навѣрно будетъ гораздо менѣе проникнута глубокимъ сознаніемъ своей національности, чѣмъ самая безпокойная страна, потрясаемая политическими волненіями и даже междуусобіями, но въ промежуткахъ между этими буйствами сохраняющая, подобно средневѣковой Флоренціи, старинную привычку къ широкой религіозной или свѣтской откровенности и общительности, къ веселью сообща, къ играмъ, процессіямъ, къ карнавальнымъ забавамъ. Итакъ всякія толпы, сборища, толкотня, взаимныя влеченія людей гораздо болѣе полезны, чѣмъ вредны, для развитія общественности.

Но здѣсь, какъ и во всемъ другомъ, все бросающееся въ глаза препятствуетъ принимать во вниваніе то, что въ глаза не бросается съ перваго взгляда. Отсюда конечно и обычная строгость, съ какою соціологи относятся ко вся-

кимъ сборищамъ. Добрыя проявленія радостныхъ и одушевленныхъ любовью сборищъ скрыты въ тайникахъ сердца, гдѣ и долго спустя послѣ праздника продолжаютъ держаться наиболѣе симпатическія и дружественныя расположенія, выражающіяся во множествѣ незамѣчаемыхъ обыкновенно особенностей въ жестахъ, въ словахъ, во всѣхъ отношеніяхъ обыденной жизни. Наоборотъ, противообщественныя дѣйствія сборищъ, проникнутыхъ ненавистью, бросаются всѣмъ въ глаза и зрѣлище преступныхъ разрушеній, произведенныхъ ими, надолго переживаетъ ихъ, поддерживая въ насъ отвращеніе къ памяти о нихъ.

Могу ли я теперь говорить о какой бы то ни было *дѣйствующей* публикѣ, не злоупотребляя метафорой? Не представляется ли всякая публика, эта разсѣянная повсюду толпа, существенно бездѣйствующей? Дѣйствительно, когда она доходитъ до извѣстной степени возбужденія, о чемъ ея публицисты узнаютъ посредствомъ постоянной ея *аускультаціи*, она начинаетъ дѣйствовать чрезъ нихъ и, манифестируя посредствомъ ихъ, заставляетъ государственныхъ людей исполнять ея желанія. Именно это и называется силою общественнаго мнѣнія. Правда, она говоритъ преимущественно о силѣ приводящихъ эту публику въ движеніе вожаковъ, но разъ сила возникла, она увлекаетъ ихъ на такіе пути, какихъ они совсѣмъ не предвидѣли. Такимъ образомъ, это дѣйствіе публики представляетъ прежде всего противодѣйствіе съ ея стороны, ея, иногда страшно сильное, воздѣйствіе на своего публициста, который теперь подпадаетъ ея давленію, созданному имъ самимъ, его собственными внушеніями. Впрочемъ это воздѣйствіе—чисто духовное, какъ и самое существо публики. Какъ и въ случаѣ толпы, дѣйствіе это внушается любовью и ненавистью, но, въ отличіе отъ дѣйствія толпы, оно часто бываетъ, когда внушено любовью, непосредственно производительнымъ, потому что оказывается болѣе обдуманнымъ и разсчитаннымъ даже въ своихъ буйныхъ проявленіяхъ. Добро, творимое имъ, не ограничивается обыденнымъ вызываніемъ соціальной симпатіи между отдѣльными личностями, возбуждаемой изо-дня въ день возобновляющимся чувствомъ ихъ духовнаго общенія; оно внушило также не мало хорошихъ учрежденій взаимопомощи и милосердія. Если въ радостяхъ и печаляхъ публики нѣтъ ничего періодическаго и подчи-

неннаго традиціи, то онѣ все же не меньше праздничныхъ сборищъ обладаютъ даромъ усмирять борьбу и смягчать сердца, такъ что слѣдуетъ благословлять легкомысленную, но только не порнографическую, прессу, когда она поддерживаетъ въ публикѣ почти постоянно хорошее расположеніе, благопріятное для общественнаго спокойствія. Что касается до ненавистнической публики, то мы знаемъ и такую; и зло, совершаемое ею или ею вызываемое, гораздо больше, чѣмъ разрушенія, производимыя разъяренными толпами. Публика—это гораздо менѣе слѣпая и несравненно болѣе долговѣчная толпа и ея болѣе разсчитанная злоба накопляется и длится цѣлые мѣсяцы и годы.

Поэтому я не могу не удивляться, что о преступленіяхъ толпы наговорено уже такъ много, а о преступленіяхъ публики не сказано еще ничего. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ сомнѣнія, что подобно преступнымъ толпамъ существуютъ и преступныя, жестокія, кровожадныя разновидности публики. И если преступность послѣднихъ не столь очевидна, какъ первыхъ, то насколько она существеннѣе, утонченнѣе, глубже, а потому и непростительнѣе! Но обыкновенно остерегаются проступковъ и преступленій, совершаемыхъ надъ публикой, къ которымъ относятся обманъ, злоупотребленіе довѣріемъ или настоящія мошенничества въ грандіозныхъ размѣрахъ, продѣлываемыя надъ публикой ея вдохновителями. Въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы молчать и о преступленіяхъ, совершаемыхъ надъ толпами, преступленіяхъ не менѣе гнусныхъ и не менѣе, пожалуй, частыхъ. Имъ лгутъ на избирательныхъ собраніяхъ, у нихъ выманиваютъ голоса обманными обѣщаніями, торжественными обязательствами, которыя уже заранѣе рѣшено не выполнять, и всякаго рода позорящей клеветой на соперниковъ, нарочито изобрѣтаемой. А обмануть толпу легче, чѣмъ публику, потому что ораторъ, злоупотребляющій довѣріемъ толпы, всего чаще не встрѣчаетъ себѣ возраженій, тогда какъ разнаго направленія газеты постоянно служатъ другъ другу взаимнымъ противоядіемъ. Какъ бы то ни было, но изъ того, что публика можетъ сдѣлаться жертвою настоящаго преступленія, никакъ не слѣдуетъ, что она сама не можетъ быть преступной.

Такъ какъ у насъ зашла сейчасъ рѣчь о злоупотребленіяхъ довѣріемъ, предметомъ которыхъ становится публика,

то замѣтимъ въ скобкахъ, насколько совершенно индивидуалистическое понятіе о *правовой связи*, какъ понимали ее до настоящаго времени юристы, оказывается недостаточнымъ и требуетъ переработки, чтобы отвѣчать тѣмъ соціальнымъ измѣненіямъ, какія произведены въ нашихъ правахъ и обычаяхъ возникновеніемъ и ростомъ всякаго рода публикъ. Для возможности *правовой связи*, какъ слѣдствія обѣщанія, по существующимъ до сихъ поръ понятіямъ нужно, чтобы обѣщаніе было принято тѣмъ или тѣми, кому оно дано, а это предполагаетъ между ними *личныя* отношенія. Это было хорошо до книгопечатанія, когда обѣщаніе человѣка не могло распространяться дальше, чѣмъ хваталъ его живой, непосредственный голосъ, когда въ виду крайне тѣсныхъ предѣловъ соціальной группы, съ которою человѣкъ находился въ дѣловыхъ сношеніяхъ, покупатель всегда былъ лично извѣстенъ продавцу, одаряемый дарителю, должникъ заимодавцу; тогда взаимнообязывающій или двусторонній договоръ могъ считаться превосходной и почти исключительной формой обязательства.

Но съ развитіемъ печати люди все менѣе и менѣе имѣютъ дѣло съ опредѣленными лицами, а все болѣе и болѣе съ совокупностями или группами личностей, къ которымъ обращаются при посредствѣ газетъ, вступая во всякаго рода сношенія и взаимныя обязательства при помощи объявленій въ торговлѣ или при помощи программъ въ политикѣ. Вся бѣда въ томъ, что эти обязательства, даже самыя торжественныя изъ нихъ, оказываются простыми односторонними пожеланіями или намѣреніями, не скрѣпленными взаимностью одновременно проявляющихся воль, простыми обѣщаніями, не принятыми и даже не разсчитанными на непремѣнное принятіе, а потому и лишенными всякой юридической санкціи. Нѣтъ ничего болѣе благопріятнаго тому, что можно бы назвать соціальнымъ разбоемъ.

Когда рѣчь идетъ объ обѣщаніи, данномъ толпѣ, можно еще говорить, что трудно было бы его юридически санкціонировать по причинѣ измѣнчивости, присущей толпѣ, собирающейся на короткое время и никогда не воспроизводящейся въ прежнемъ составѣ. Мнѣ разсказывали объ одномъ кандидатѣ въ представители, который предъ четырьмя тысячами избирателей клялся отказаться при перебаллотировкѣ въ пользу своего соперника-республиканца, если

получитъ меньше голосовъ, чѣмъ тотъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ получилъ меньше, но отказаться не захотѣлъ и былъ избранъ окончательно. Это—прямое поощреніе политическихъ обманщиковъ и проходимцевъ. И я вполнѣ согласенъ на то, чтобы было отказано въ правѣ освящать послѣдствія такихъ обѣщаній, потому что какъ скоро толпа разсѣялась, то нѣтъ больше никого, кто могъ бы ее представлять или отъ ея имени дѣйствовать, хотя бы это былъ и входившій раньше въ ея составъ. Но публика существуетъ постоянно и разъ сообщено завѣдомо ложное извѣстіе, какъ истинное, я не вижу, почему бы довѣрчивые читатели, вовлеченные этой коварной, разсчитанной, продажной ложью въ какую нибудь несчастную спекуляцію или доведенные до раззоренія, не имѣли права притянуть къ суду обманувшаго ихъ плута-публициста и заставить его возмѣстить убытки. Можетъ-быть, тогда публичность обмана вмѣсто того, чтобы служить смягчающимъ или извиняющимъ обстоятельстомъ, какъ теперь, стала бы разсматриваться, какъ отягчающее вину обстоятельство и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ многочисленнѣе обманутая публика. Въ самомъ дѣлѣ, существуютъ виды публики, какъ и собраній, тѣмъ легче подвергающіеся обману, чѣмъ они многочисленнѣе, и всякіе фокусники отлично это знаютъ.

Совершенно непостижимо, какъ это писатель, тщательно остерегающійся отъ лжи въ частной жизни, можетъ безстыдно и съ легкимъ сердцемъ лгать предъ сотней тысячъ или предъ полумилліономъ людей, читающихъ его; и какъ большинство изъ нихъ, зная это, продолжаютъ считать его за честнаго человѣка! Но оставимъ этотъ вопросъ права и возвратимся къ проступкамъ и преступленіямъ публики.

Что существуютъ публики безумныя, это не подлежитъ сомнѣнію; какъ разъ таковою была аѳинская публика, когда она принудила греческое правительство объявить нѣсколько лѣтъ тому назадъ войну Турціи. Не менѣе вѣрно также, что существуютъ и преступные виды публики: развѣ не было министерствъ, которыя подъ давленіемъ публики или господствующей печати, не желая честно пасть, должны были предлагать и проводить законы, имѣющіе въ виду преслѣдованіе и ограбленіе той или другой категоріи гражданъ? Конечно, преступленія публики не такъ ярки и жестоки на видъ, какъ преступленія толпы. Они отличаются отъ послѣд-

нихъ четырьмя чертами: 1) они не такъ возмутительны; 2) въ нихъ меньше мести и больше своекорыстія, меньше насилія и больше коварства; 3) ихъ гнетъ гораздо обширнѣе и продолжительнѣе; 4) наконецъ для нихъ больше обезпечена безнаказанность.

Хотите вы типическаго примѣра преступленій толпы? *Революція* Тэна даетъ намъ такихъ примѣровъ больше, чѣмъ нужно. Въ сентябрѣ 1789 г. въ Труа создается легенда, враждебная для мэра Гуеза: онъ *скупщикъ*, онъ хочетъ *заставить народъ пасть съно*. Гуезъ извѣстенъ своей благотворительностью; онъ оказалъ большія услуги городу. Но что за важность! 9 сентября на трехъ возахъ мука оказалась дурною; народъ сталъ собираться и кричать: «долой мэра"! „смерть мэру"! Гуеза, выходящаго изъ суда, сшибаютъ съ ногъ, бьютъ ногами и кулаками и онъ умираетъ, пораженный ударомъ деревяннаго башмака въ голову. Одна женщина бросается на поваленнаго старика, топчетъ его лицо ногами и нѣсколько разъ вонзаетъ ему ножницы въ глаза. Его тащутъ съ веревкой на шеѣ къ мосту, бросаютъ въ воду, затѣмъ вытаскиваютъ и снова волочатъ по улицамъ, по лужамъ „съ клочкомъ сѣна во рту". Послѣ этого начались грабежи и разгромы домовъ, при чемъ у одного нотаріуса было похищено и роспито болѣе шести сотъ бутылокъ вина.— Въ ту же эпоху толпа поступила еще ужаснѣе въ Капѣ: майоръ Бельзонсъ былъ разорванъ на части подобно Лаперузу на островахъ Фиджи и одна женщина съѣла его сердце.

Эти сообща совершаемыя убійства внушаются очевидно не корыстью, какъ у нашихъ громилъ, и не походятъ также на преступленія революціонной публики того же времени, которая чрезъ посредство своихъ публицистовъ и своихъ запуганныхъ представителей вынуждала составлять списки изгнанниковъ или издавать законы о конфискаціи, чтобъ захватить имущество потерпѣвшихъ. Нѣтъ, они внушаются местью подобно фамильнымъ или родовымъ убійствамъ у варварскихъ племенъ, потребностью наказать за дѣйствительныя или мнимыя злодѣянія, подобно американскимъ линчеваніямъ. Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ подобныя толпы убійцъ и грабителей считаютъ себя дѣйствующими справедливо и совершаемая ими гуртовая расправа замѣчательнымъ образомъ напоминаетъ какъ мстительнымъ

характеромъ наказаній, такъ и ихъ страшною жестокостью—сѣно во рту Гуеза—правосудіе первобытныхъ временъ.

По правдѣ сказать, можно ли называть преступной толпу, обезумѣвшую отъ глубокой увѣренности, что ее обманываютъ, морятъ голодомъ и хотятъ истребить? Здѣсь нѣтъ другихъ преступниковъ, кромѣ подстрекателя или группы подстрекателей, истинныхъ виновниковъ во внушенныхъ ими убійствахъ. Главнѣйшее оправданіе толпы, даже въ случаѣ самыхъ ужасныхъ ея крайностей, заключается въ ея поразительномъ легковѣріи, въ автоматичности, напоминающей пассивность гипнотика. Въ публикѣ все это значительно меньше, а потому и отвѣтственность ея гораздо больше. Собравшіеся люди бываютъ гораздо легковѣрнѣе, чѣмъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности; уже одно то, что ихъ вниманіе сосредоточено на томъ же самомъ предметѣ, уже одна эта собирательная *одноидейность* приближаетъ ихъ къ гипнотическому или сонному состоянію, при которомъ сильно съуженная область сознанія всецѣло заполняется первою же появившеюся мыслью. А въ такомъ состояніи всякое утвержденіе, произнесенное рѣшительно и властно, представляется уже доказательствомъ, неотразимымъ доводомъ. Во время войны 1870 г., послѣ первыхъ нашихъ неудачъ, во многихъ мѣстахъ ходили слухи, что нѣкоторые богатые землевладѣльцы и духовныя лица посылали пруссакамъ громадныя суммы денегъ — по сту, по двѣсти тысячъ франковъ. Объ этомъ разсказывали люди очень почтенные, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно обремененные долгами, такъ что имъ трудно было добыть даже десятую часть такой суммы. У многихъ изъ нихъ сыновья находились въ дѣйствующихъ войскахъ.

Эти преступныя сказки не находили себѣ никакого довѣрія среди крестьянъ, пока они оставались на мѣстахъ, разсѣянные по деревнямъ; но какъ скоро они собирались на базары и ярмарки, у нихъ вдругъ появлялась сильная склонность вѣрить въ эти гнусныя нелѣпости. Преступленіе въ Отфаѣ является кровавымъ доводомъ въ пользу этого.

Толпы бываютъ не только легковѣрны, но и безумны. Многія черты, подмѣченныя нами у нихъ, оказываются у нихъ общими съ призрѣваемыми въ нашихъ убѣжищахъ: таковы—безграничная гордость, нетерпимость и крайняя во всемъ неумѣренность. Подобно безумцамъ онѣ постоянно колеблются между двумя противоположными полюсами край-

няго возбужденія или крайняго угнетенія, становясь отчаянно смѣлыми или поддаваясь паническому страху. Толпы поддаются также настоящимъ коллективнымъ галлюцинаціямъ. Собравшіеся вмѣстѣ люди увѣрены, что они видятъ или слышатъ такія вещи, которыхъ въ одиночку они не видятъ и не слышатъ. И когда толпѣ кажется, что ее преслѣдуютъ воображаемые враги, то такая увѣренность ея основывается на тѣхъ же соображеніяхъ, что и у помѣшанныхъ. Превосходный примѣръ этого мы находимъ у Тэна. Въ концѣ іюля 1789 г., подъ вліяніемъ глубокаго волненія въ народѣ, вызывавшаго всюду лихорадочныя сборища людей на улицахъ, на городскихъ площадяхъ, начали мало-помалу распространяться какіе-то темные слухи и вскорѣ объ этомъ заговорили всѣ въ обширной мѣстности Ангумуа, Перигора и Оверни: идутъ разбойники, десять тысячъ, двадцать тысячъ разбойниковъ; они уже показались; вонъ какую пыль они подняли на горизонтѣ; сейчасъ придутъ и всѣхъ вырѣжутъ. „Вслѣдъ за этимъ цѣлыя селенія разбѣгались ночью по лѣсамъ, покидая свои дома и захватывая съ собою все, что можно унести“. Потомъ все дѣло разъяснилось. Бѣглецы возвратились въ свои деревни; но тутъ уже принялись за выдумки, совершенно такія-же, какъ у страдающихъ маніей преслѣдованія, которые, ощущая въ себѣ болѣзненное чувство тоски, выдумываютъ для объясненія его какихъ-то враговъ. „Коли разбѣжались, значитъ была опасность, говорили между собою эти сельчане; *и если не разбойники, такъ грозитъ что нибудь другое*; что нибудь другое, это значитъ предполагаемые заговорщики. И вотъ начинаются уже далеко не мнимыя преслѣдованія.

Значитъ ли это, что собирательныя преступленія существуютъ только по имени? И вѣрно ли, что приходится имѣть въ виду только индивидуальныя преступленія вожаковъ? Это значило бы зайти очень далеко и довести до крайнихъ предѣловъ совершенно условную лишь справедливость предыдущихъ разсужденій. Когда толпа въ римскомъ циркѣ, ради своего удовольствія, дѣлала извѣстный знакъ, требуя смерти побѣжденнаго гладіатора, не совершала ли она жестокаго человѣкоубійства, несмотря на смягчающія обстоятельства, проистекающія изъ наслѣдственности этого обычая? Впрочемъ существуютъ толпы прирожденно-преступныя, а не сдѣлавшіяся таковыми случайно, толпы столь же

преступныя, какъ и вожаки, избранные ими лишь за сходство съ собою. Таковы толпы, состоящія изъ злодѣевъ, сгруппировавшихся между собою вслѣдствіе внутренно сознаваемаго сродства, злодѣевъ, порочность которыхъ сильно увеличивается отъ такого объединенія. Она доходитъ, правда до такой экзальтаціи, что подобная толпа бываетъ не столь преступна, какъ всякій *помѣшанный преступникъ*, такъ что къ собирательной преступности нельзя примѣнить выраженія, относящагося къ преступности индивидуальной. *Помѣшанный преступникъ*, этотъ опасный и вызывающій отвращеніе безумецъ, совершающій убійство или насиліе по болѣзненному побужденію, при чемъ въ этой ненормальности сказывается не случайное измѣненіе, а, напротивъ, крайнее проявленіе обычныхъ сторонъ его характера, его коварства, эгоизма и злобы,—такой человѣкъ развертывается во всю ширь въ собирательномъ видѣ, при общественныхъ волненіяхъ, когда всѣ, неуспѣвшіе еще попасть въ острогъ, начинаютъ предаваться кровавымъ оргіямъ.

Насколько все это далеко отъ преступленій публики! Публика становится преступной скорѣе изъ партійныхъ интересовъ, чѣмъ изъ мести, скорѣе изъ трусости, чѣмъ изъ жестокости; она—террористъ по своей боязливости, а вовсе не по излишнему гнѣву. Она особенно расположена къ преступной снисходительности по отношенію къ своимъ вождямъ, къ своимъ руководителямъ. Но какая польза заниматься ея преступленіями? Вѣдь публика, это—общественное мнѣніе, а оно, какъ таковое, самодержавно и неотвѣтственно!

За эти преступленія можно преслѣдовать, главнымъ образомъ, когда они замышляются, а не тогда, когда они уже совершены; да и преслѣдованія здѣсь могутъ быть направлены только противъ публицистовъ, внушавшихъ ихъ, или противъ вожаковъ толпы, созданной публикою и желающей осуществить ея стремленія. Что касается до публики, то она остается въ тѣни, оказывается неуловимой и ждетъ лишь минуты, чтобъ начать свое дѣло снова.

Когда какая-нибудь толпа, начиная съ парламентовъ, этихъ полукорпоративныхъ сборищъ, нерѣдко дѣйствующихъ заодно съ деспотами, совершаетъ преступленія, то всего чаще позади нея стоитъ и ее направляетъ публика. Развѣ публика избирателей, пославшая въ палату своими представителями сектантовъ и фанатиковъ, нисколько не отвѣт-

ственна за ихъ преступленія, за ихъ покушенія на свободу, имущество и жизнь гражданъ? Развѣ очень нерѣдко она ихъ же не избираетъ вновь и такимъ образомъ не беретъ на себя ихъ преступленій? Но не одна только избирающая публика, является соучастницею съ преступниками. Даже и публика, непричастная къ выборамъ и повидимому совершенно пассивная, на самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ чрезъ тѣхъ, которые стараются ей льстить и нравиться.

Съ тѣхъ поръ, какъ начала нарождаться публика, величайшія историческія преступленія совершались почти всегда при соучастіи преступной публики. И если это еще сомнительно относительно Варѳоломеевской ночи, то вполнѣ вѣрно по отношенію къ преслѣдованіямъ протестантовъ при Людовикѣ XIV и къ столь многимъ другимъ. Сентябрскія убійства встрѣтили восторженное одобреніе со стороны извѣстной публики и, если бы не было этой публики, если бы не было ея поощреній къ этому, то они бы и не совершились.

Подъ парламентскими преступленіями, такъ сказать, въ нижнемъ ихъ этажѣ, мы видимъ избирательныя мошенничества, какія въ изобили то и дѣло происходятъ въ разныхъ городахъ, и не представляютъ ли они групповыхъ преступленій, совершаемыхъ при болѣе или менѣе сознательномъ соучастіи всей публики? Общее или почти общее правило: за преступной толпой стоитъ еще болѣе преступная публика, а во главѣ публики—еще гораздо болѣе преступные публицисты.

Сила публицистовъ заключается прежде всего въ присущемъ имъ инстинктивномъ знаніи психологіи публики. Они знаютъ, что ей нравится и что—нѣтъ; знаютъ, что съ ней можно, напримѣръ, безнаказанно позволить себѣ такую смѣлость въ порнографическихъ писаніяхъ, какой толпа не потерпѣла бы; такъ, у толпы, наполняющей театръ, есть нѣкоторая собирательная стыдливость, сдерживающая индивидуальный цинизмъ составляющихъ ее отдѣльныхъ личностей; у специальной же публики извѣстныхъ газетъ такой стыдливости совсѣмъ нѣтъ. Можно сказать даже, что такая публика, какъ собирательное цѣлое, безстыднѣе, чѣмъ каждый изъ ея членовъ въ отдѣльности. Между тѣмъ толпа безчестныхъ людей можетъ иногда проявить собирательную честность. Въ 1720 году, послѣ горячки денежныхъ спекуляцій, англійскій парламентъ, почти всѣ члены котораго принимали,

каждый въ отдѣльности, участіе въ этой разнузданной азартной игрѣ, заклеймилъ ее, какъ корпорація, и постановилъ преслѣдовать судомъ зачинщиковъ ея за развращеніе лицъ, состоящихъ на общественной службѣ (Клодіо Жаннэ, *Капиталъ*).

Но всякое собирательное цѣлое, публика или толпа—все равно, отличается, къ сожалѣнію, одной прискорбной особенностью: оно слишкомъ склонно подчиняться побужденіямъ зависти и ненависти. Для любой толпы потребность ненавидѣть соотвѣтствуетъ потребности дѣйствовать. Возбужденіемъ въ ней энтузіазма ее не заведешь далеко; но указать ей на поводъ или на предметъ ненависти, значитъ дать широкій просторъ для ея дѣятельности, которая, какъ мы знаемъ, бываетъ существеннымъ образомъ разрушительной, насколько вообще выражается въ опредѣленныхъ поступкахъ. Отсюда успѣхъ объявленій объ изгоняемыхъ изъ отечества лицахъ во время возстаній. Чего требуетъ толпа въ своемъ гнѣвѣ? Всегда—головы или многихъ головъ. Дѣйствія публики, къ счастію, не такъ прямолинейны и столь же легко склоняются къ идеалу реформъ или утопій, какъ и къ мыслямъ объ остракизмѣ, преслѣдованіи и грабежѣ. Но, обращаясь къ ея прирожденному недоброжелательству, вдохновители публики очень легко могутъ руководить ею въ видахъ собственныхъ дурныхъ цѣлей. Открыть или изобрѣсти новый какой-нибудь крупный предметъ ненависти для публики, это одно изъ вѣрныхъ средствъ попасть въ цари журналистики. Ни въ какой странѣ и никогда апологетика не имѣла такого успѣха, какъ диффамація.

Однако мнѣ не хотѣлось бы закончить вопросъ этимъ пессимистическимъ соображеніемъ. Я склоненъ все-таки думать, что глубокія преобразованія, которыми мы обязаны печати, ведутъ къ союзу и къ окончательному замиренію. Замѣняя собою старыя группировки или наслаиваясь на нихъ, какъ мы видѣли, всѣ новыя группировки, все болѣе и болѣе обширныя и массивныя, группировки, которымъ мы даемъ названіе публики, замѣняютъ прежде всего господство обычая господствомъ моды, силу преданія—силой новшествъ; но кромѣ того онѣ замѣняютъ укоренившіяся и рѣзкія раздѣленія между многочисленными разновидностями человѣческой ассоціаціи съ ихъ безчисленными столкновеніями, неполной и измѣнчивой сегментаціей съ мало-

замѣтными границами, сегментаціей, постоянно обновляющейся и взаимно проницаемой. Вотъ заключеніе, къ которому, какъ мнѣ кажется, ведетъ это длинное изслѣдованіе.

Но спѣшу прибавить, что было бы глубокой ошибкой приписывать честь человѣческаго прогресса какимъ-либо собирательностямъ, даже въ наиболѣе духовномъ ихъ видѣ. Всякій плодотворный починъ исходитъ непремѣнно изъ независимой и сильной индивидуальной мысли; а чтобы мыслить, нужно уединиться не только отъ толпы, какъ говоритъ Ламартинъ, но и отъ публики. Это именно и забываютъ великіе восхвалители народа, взятаго во всей его массѣ, не замѣчая противорѣчія, заключающагося въ ихъ аналогіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, они расточаютъ свое удивленіе предъ такъ называемыми анонимными и собирательными великими дѣлами лишь для того, чтобы выразить свое презрѣніе ко всѣмъ индивидуальнымъ геніямъ кромѣ своего собственнаго. И надо замѣтить, что знаменитые превозносители однѣхъ лишь народныхъ массъ и въ то же время хулители всѣхъ людей въ отдѣльности отличались чудовищною гордостью. Никто болѣе Вагнера или, можетъ-быть, Виктора Гюго послѣ Шатобріана и Руссо не придерживался той теоріи, по которой выходитъ, что „народъ является истинной движущей силой въ дѣлѣ искусства“, а уединенная личность не могла бы ничего изобрѣсти и можетъ лишь присваивать себѣ общее изобрѣтеніе“. Всѣ такія преклоненія предъ собирательнымъ ничего не стоятъ для личнаго самолюбія человѣка и подобны безличнымъ сатирамъ, не оскорбляющимъ ровно никого, такъ какъ относятся безразлично ко всѣмъ.

Опасность новѣйшихъ демократій—это все болѣе и болѣе возрастающая трудность для людей мысли ускользнуть отъ чаръ соблазнительной общественной суеты и волненій. Когда море очень бурно, трудно опуститься на его дно въ водолазномъ колоколѣ. Руководящими личностями, выдвигающимися въ нашихъ современныхъ обществахъ, все болѣе и болѣе становятся писатели, живущіе съ обществомъ въ постоянномъ соприкосновеніи; и могучее вліяніе, оказываемое ими, вліяніе гораздо болѣе важное, разумѣется, чѣмъ обольщеніе безтолковой толпы, является сильнымъ опроверженіемъ теоріи творческой дѣятельности народныхъ массъ. Но этого недостаточно; и какъ было бы недостаточно распространять

всюду лишь среднюю образованность, не заботясь, напротивъ, постоянно о высокомъ поднятіи высшей образованности, подобно этому можно уже вмѣстѣ съ Сомнэромъ Мэномъ нѣсколько задуматься надъ судьбою, ожидающей въ будущемъ послѣднихъ *представителей* самостоятельной *мысли*, услуги которыхъ чувствуются вообще такъ поздно, что вовсе не замѣчаются. Если горы на землѣ еще не срыты и не обращены въ пахотныя земли, не заняты виноградниками или клеверными полями, то это вовсе не потому, что горное населеніе понимаетъ пользу, оказываемую землѣ этими естественными водохранилищами, а просто потому, что прочность этихъ горныхъ вершинъ и твердость ихъ породы таковы, что оказывается слишкомъ дорого взрывать ихъ динамитомъ. И одиноко возвышающіяся пирамиды ума и чувства могутъ сохраниться въ человѣчествѣ отъ демократической нивеллировки, какъ можно опасаться, не вслѣдствіе признательности за добро, оказанное ими міру, не вслѣдствіе справедливой оцѣнки ихъ открытій. Что же сохранитъ ихъ отъ этого? Хотѣлось бы думать, что это будетъ сила ихъ собственнаго сопротивленія. И бѣда, если онѣ сами начнутъ разлагаться.

II.

Общественное мнѣніе и разговоры.

Общественное мнѣніе.

I.

Въ новѣйшія времена, общественное мнѣніе для публики—то же, что душа для тѣла, и, изучая одно, мы естественно переходимъ къ изученію другого. Вы скажете, что общественное мнѣніе существовало всегда, тогда какъ общество въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ, появилось сравнительно недавно. Это вѣрно, но мы сейчасъ же покажемъ, къ чему сводится подобное возраженіе.

Что такое общественное мнѣніе? Какъ оно возникаетъ? Каковы его разные источники? Какъ оно сказывается, когда растетъ, а выражаясь, растетъ ли оно, какъ то показываютъ способы его современнаго выраженія — всеобщая подача голосовъ и ежедневная печать? Въ чемъ его польза и соціальная важность? Какимъ преобразованіямъ оно подвергается? Наконецъ, въ какое общее русло, если таковое существуетъ, сливаются его многочисленные потоки? На всѣ эти вопросы мы попытаемся какъ-нибудь отвѣтить.

Скажемъ прежде всего, что подъ именемъ *общественнаго мнѣнія* разумѣются обыкновенно два понятія, входящія, правда, одно въ другое, но все же различимыя при основательномъ анализѣ. Съ одной стороны тутъ мы имѣемъ дѣло съ мнѣніемъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. съ совокупностью сужденій, а съ другой—съ общею волей или, иначе, съ сово-

купностью желаній. Здѣсь мы будетъ заниматься преимущественно, хотя и неисключительно, лишь общественнымъ мнѣніемъ въ первомъ смыслѣ.

Какъ ни велика важность общественнаго мнѣнія, не слѣдуетъ все же преувеличивать его роль, несмотря на крайности, какихъ оно нынѣ достигло. Попробуемъ охватить мысленно границы его области. Его не должно смѣшивать съ двумя другими сторонами соціальнаго духа, одновременно питающими его и ограничивающими, постоянно оспаривающими предѣлы его распространенія. Одна изъ нихъ Преданіе, этотъ сгущенный и содержательный экстрактъ изъ того, что было общественнымъ мнѣніемъ людей, сошедшихъ теперь въ могилу, это наслѣдство необходимыхъ и благодѣтельныхъ предразсудковъ, часто тягостныхъ для живыхъ. Другая будетъ то, что я позволю себѣ для краткости назвать Разумомъ въ собирательномъ смыслѣ. Подъ этимъ я разумѣю личныя, болѣе или менѣе основательныя, а еще чаще неосновательныя мнѣнія избранныхъ мыслящихъ людей, уединившихся отъ другихъ, выдѣлившихся изъ общаго потока съ цѣлію его направлять или ограждать. Сначала жрецы, затѣмъ философы, ученые, законовѣды, или же соборы, университеты, суды поочередно или одновременно являются воплощеніемъ этого противодѣйствующаго и направляющаго разума, рѣзко отличающагося какъ отъ страстныхъ и стадныхъ влеченій толпы, такъ и отъ тѣхъ вѣковыхъ причинъ или началъ, что заложены въ глубинѣ ихъ сердца. Мнѣ кажется, можно прибавить къ этому списку также и парламенты, палаты представителей народа и сенаты. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ члены ихъ избираются не для того именно, чтобы разсуждать обо всемъ съ полною независимостью мысли и служить для обузданія общественныхъ теченій? Но дѣйствительность здѣсь пока еще слишкомъ далека отъ идеала.

Гораздо раньше, чѣмъ появится общественное мнѣніе, сознаваемое, какъ таковое, личности, составляющія извѣстный народъ, сознаютъ, что они имѣютъ общія преданія, и сознательно подчиняются требованіямъ того, что представляется имъ высшею мудростью. Такимъ образомъ, изъ этихъ трехъ развѣтвленій общественнаго духа позже всѣхъ развивается, но, начиная съ извѣстнаго момента, всего быстрѣе растетъ общественное мнѣніе. И растетъ оно

на счетъ двухъ остальныхъ частей. Его періодически повторяющимся нападеніямъ не можетъ противостоять никакое національное учрежденіе; предъ его требованіями и угрозами дрожитъ и нѣмѣетъ всякій индивидуальный разумъ. Которому изъ двухъ своихъ соперниковъ всего болѣе вредитъ общественное мнѣніе? Это зависитъ отъ его направителей. Когда они составляютъ мыслящую часть избраннаго общества, имъ иногда удается, возбудивъ общественное мнѣніе, направить его, какъ таранъ, чтобъ сдѣлать пробоину въ твердынѣ національныхъ преданій, и ослабивъ послѣднія, придать ему гораздо большее значеніе, что вообще не безопасно. Но когда управленіе толпой предоставлено первому встрѣчному, то такимъ руководителямъ бываетъ легче, опираясь на преданіе, возстановить общественное мнѣніе противъ разума, хотя послѣдній въ концѣ концовъ все-таки одерживаетъ побѣду.

Все шло бы наилучшимъ образомъ, если бы общественное мнѣніе ограничивалось распространеніемъ требованій разума, подчиняя послѣдній преданію. Въ такомъ случаѣ сегодняшній разумъ завтра обратился бы уже въ общее мнѣніе, а послѣзавтра сдѣлался бы преданіемъ. Но общественное мнѣніе, вмѣсто того, чтобы служить соединительной чертой, связью между этими своими сосѣдями, любитъ принимать участіе въ ихъ распряхъ и, опьяняя себя новыми модными ученіями, разрушаетъ привычныя понятія и учрежденія, или же, оставаясь подъ властью обычая, гонитъ и преслѣдуетъ новаторовъ-раціоналистовъ или хоть заставляетъ ихъ надѣвать на себя традиціонную ливрею и лицемѣрную маску.

Эти три силы, различныя по своей сущности, различаются также по своимъ причинамъ и по своимъ слѣдствіямъ. Всѣ онѣ вмѣстѣ, но въ различной мѣрѣ и очень неодинаковымъ образомъ содѣйствуютъ опредѣленію *цѣнности* вещей, такъ что эта цѣнность бываетъ совершенно различной, смотря по тому, оказывается ли она преимущественно дѣломъ привычки, дѣломъ моды, или же дѣломъ размышленія. Мы покажемъ ниже, что разговоры во всякое время, а въ настоящее время печать, какъ главный источникъ разговоровъ, являются главнѣйшими факторами общественнаго мнѣнія, не считая конечно преданія и разума, которые никогда не преминутъ принять въ нихъ участіе и наложить на нихъ

свой отпечатокъ. Факторами *) преданія, кромѣ самого общественнаго мнѣнія, являются семейное воспитаніе, профессіональное ученичество и школьное обученіе, по крайней мѣрѣ въ самой первоначальной его части. Разумъ во всѣхъ своихъ областяхъ: судебной, философской, научной и даже клерикальной, въ которыхъ онъ обработывается, имѣетъ своими главнѣйшими источниками наблюденіе, опытъ, разслѣдованіе или во всякомъ случаѣ мышленіе и выводъ, основанный на текстахъ писаній.

Взаимная борьба или союзъ этихъ трехъ силъ, стычки между ними, нападенія другъ на друга, ихъ взаимодѣйствія, многочисленныя и разнообразныя отношенія представляютъ одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ исторіи. Въ соціальной жизни нѣтъ ничего ни болѣе глубокаго, ни болѣе плодотворнаго, чѣмъ эта долгая работа противорѣчія и приспособленія, нерѣдко поливаемая кровью. Преданіе, всегда остающееся національнымъ, заключено между болѣе тѣсными границами, но зато безконечно-болѣе глубоко и устойчиво, чѣмъ общественное мнѣніе, всегда легкомысленное и непостоянное, какъ вѣтеръ, и подобно вѣтру же стремящееся расшириться, разойтись и сдѣлаться международнымъ, какъ и разумъ. Можно сказать вообще, что берега преданія непрестанно разрушаются и размываются волнами общественнаго мнѣнія, этимъ безотливнымъ приливомъ.

Общественное мнѣніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе преданіе, но отсюда не слѣдуетъ, что въ такомъ случаѣ и разумъ тоже слабѣе. Въ средніе вѣка разумъ, представлявшійся университетами, соборами и судами, имѣлъ гораздо больше силы противостоять общественному мнѣнію и отражать его, чѣмъ нынѣ; однако у него было значительно меньше силы бороться съ преданіемъ или видоизмѣнять его. Бѣда въ томъ, что современное общественное мнѣніе сдѣлалось всесильнымъ въ борьбѣ не только противъ преданія, что уже очень важно, но и противъ разума, разума судебнаго, научнаго, законодательнаго, а при случаѣ и государственнаго. Если оно еще не наводнило собою лабора-

*) Слово *факторъ* впрочемъ двусмысленно; оно означаетъ и *каналъ* и *источникъ*. Здѣсь оно значитъ *каналъ*. Въ самомъ дѣлѣ, разговоры и воспитаніе передаютъ только мысли, изъ которыхъ состоятъ общественное мнѣніе или преданіе. *Источникомъ* же всегда служитъ личный починъ, великія или малыя изобрѣтенія.

торіи ученыхъ—единственное пока недоступное мѣсто,—то уже совсѣмъ залило суды и затопило парламенты, такъ что нѣтъ ничего тревожнѣе, какъ этотъ потопъ, конца которому нигдѣ не видно. — Давъ его общее описаніе, постараемся точнѣе опредѣлить его.

Общественное мнѣніе, скажемъ мы, это—кратковременная и болѣе или менѣе логичная группа сужденій, отвѣчающихъ на поставленные въ данное время вопросы и воспроизведенныхъ во множествѣ экземпляровъ среди личностей одной и той же страны, одного и того же времени, одного и того же общества.

Всѣ эти условія существенно важны. Важно также, чтобы каждая изъ этихъ личностей болѣе или менѣе ясно сознавала сходство ея собственныхъ сужденій съ сужденіями другихъ, потому что если каждая изъ нихъ будетъ считать себя одинокой въ своемъ мнѣніи, то ни одна изъ нихъ не будетъ себя чувствовать, да и дѣйствительно не будетъ находиться въ тѣсномъ союзѣ съ себѣ подобными, съ безсознательно такими же. Но чтобы между членами даннаго общества существовало сознаніе о такомъ сходствѣ мыслей, не нужно ли, чтобы причиной этого сходства было появленіе въ словѣ, въ письмѣ, въ печати какой-нибудь мысли, въ началѣ чисто личной, а потомъ мало-по-малу сдѣлавшейся общею? Преобразованіе личнаго мнѣнія въ мнѣніе соціальное, т. е. въ „общественное мнѣніе“, совершалось въ древности и въ средніе вѣка посредствомъ публичныхъ рѣчей, а въ наше время происходитъ путемъ печати, но прежде всего и во всѣ времена это дѣлается посредствомъ частныхъ разговоровъ, о чемъ мы сейчасъ и будемъ говорить.

Говорятъ всегда о мнѣніи, какъ о чемъ-то одномъ, но постоянно бываетъ въ наличности два мнѣнія, какой бы вопросъ ни былъ поставленъ на обсужденіе. Только одно изъ нихъ довольно быстро успѣваетъ затмить другое, залить его своимъ болѣе яркимъ и быстрѣе расходящимся свѣтомъ, или же оно становится болѣе замѣтнымъ, какъ самое рѣзкое, хотя и менѣе распространенное. Какое-нибудь мнѣніе можетъ-быть очень сильно распространено, но если оно *умѣренно*, то совсѣмъ о себѣ *не заявляетъ*; рѣзкое же и сильное мнѣніе, какъ бы мало оно ни было распространено, *заявляетъ* о себѣ много. И вотъ эти заявленія или манифестаціи играютъ громадную роль въ сліяніи и во вза-

имномъ проникновеніи мнѣній различныхъ группъ и въ ихъ распространеніи. Путемъ заявленій всего быстрѣе и яснѣе узнаютъ о своемъ существованіи самыя крайнія и сильныя мнѣнія, вслѣдствіе чего это необыкновенно сильно благопріятствуетъ ихъ распространенію.

Во всѣ времена, даже самыя варварскія, существовало общественное мнѣніе, но оно глубоко отличалось отъ того, что разумѣемъ подъ нимъ мы. Въ кланѣ, въ племени, въ античномъ городѣ и даже въ городѣ средневѣковомъ всѣ были знакомы между собою лично и, когда путемъ частныхъ разговоровъ или ораторскихъ рѣчей овладѣвала умами общая мысль, она не представлялась чѣмъ-то въ родѣ камня, упавшаго съ неба, чѣмъ-то безличнымъ и отъ того особенно чудеснымъ; каждый связывалъ ее въ своемъ представленіи съ извѣстнымъ тембромъ голоса, съ выраженіемъ лица, съ знакомою личностью, отъ которой она исходила и которая сообщала ей что-то живое. По той же причинѣ мысль эта служила связью лишь между людьми, видѣвшимися и говорившими между собою изо-дня въ день, а потому вовсе не злоумышлявшими другъ противъ друга.

До тѣхъ поръ, пока размѣры государствъ не выступали за укрѣпленія города или по крайней мѣрѣ не превышали границъ небольшого кантона, образовавшееся такимъ образомъ общественное мнѣніе было самобытнымъ и отличалось большою силой въ борьбѣ иногда даже съ преданіемъ, но въ особенности съ индивидуальнымъ разумомъ; въ управленіи людьми оно играло болѣе значительную роль, чѣмъ хоръ въ греческой трагедіи, и такую же роль стремится получить въ свою очередь совершенно иное по происхожденію, новѣйшее общественное мнѣніе въ нашихъ большихъ государствахъ или въ громадныхъ и постепенно увеличивающихся союзахъ государствъ. Но за страшно длинный промежутокъ, раздѣляющій эти двѣ историческія фазы, важность общественнаго мнѣнія подверглась сильному уменьшенію, объясняющемуся раздробленіемъ его на мнѣнія мѣстныя, обыкновенно не имѣющія связи между собою и взаимно неизвѣстныя другъ другу.

Въ феодальномъ государствѣ, каковы средневѣковыя Англія или Франція, каждый городъ, каждый посадъ или пригородъ представлялъ внутреннія несогласія, велъ свою отдѣльную политику и потоки или скорѣе вихри мыслей и

мнѣній, обращавшихся въ каждомъ изъ этихъ замкнутыхъ мѣстъ, были столь же различны между собою, какъ и чужды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и взаимно индифферентны, по крайней мѣрѣ въ обыденное время. Въ такихъ городахъ мѣстная политика не только поглощала собою все, но и національная политика, какъ ни мало ею занимались, интересовала горожанъ лишь съ мѣстной точки зрѣнія и они имѣли очень смутное представленіе о томъ, какъ такіе вопросы рѣшались въ сосѣднихъ городахъ. Тогда не существовало общаго мнѣнія, а были тысячи отдѣльныхъ мнѣній безъ всякой постоянной связи между ними.

Эта связь установлена была сначала книгою, а потомъ съ гораздо большею силой газетой и только ими одними. Періодическая печать дала возможность этимъ первичнымъ группамъ единодушно настроенныхъ личностей образовать изъ себя вторичный аггрегатъ, гораздо болѣе сложный, въ которомъ единицы вступаютъ въ тѣсный союзъ, никогда не видавши и не знавши другъ друга. Отсюда—важныя различія и между прочимъ слѣдующее: въ первичныхъ группахъ голоса скорѣе *взвѣшиваются* (ponderantur), чѣмъ *считаются* (numerantur), между тѣмъ какъ въ гораздо болѣе обширной вторичной группѣ, въ которую люди вступаютъ заглазно и другъ друга не видятъ, голоса могутъ только считаться, но не взвѣшиваться. Такимъ образомъ печать помимо своей воли работала надъ созданіемъ *могущества числа* и надъ ослабленіемъ силы воли и чувства, а пожалуй и ума.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она устранила условія, дѣлавшія возможной неограниченную власть правителей. Въ самомъ дѣлѣ власти этой сильно благопріятствовало мѣстное раздробленіе общественнаго мнѣнія. Больше того, въ этомъ она находила себѣ оправданіе, это составляло причину самаго ея существованія. Что такое страна, когда различныя части ея, большіе и малые города не связаны никакимъ общимъ сознаніемъ, не имѣютъ никакого единства взглядовъ? Будетъ ли она на самомъ дѣлѣ націей? Не будетъ ли это чисто географическимъ или—самое большее—политическимъ терминомъ? Конечно, это нація, но въ томъ только смыслѣ, что политическое подчиненіе этихъ различныхъ частей государства одному и тому же правителю представляетъ уже начало націонализаціи. Напримѣръ, во Франціи временъ Филиппа Краснваго, за исключеніемъ немногихъ рѣдкихъ

случаевъ, когда общая опасность выдвигала на первый планъ во всѣхъ городахъ и ленахъ одинъ и тотъ же предметъ безпокойства, никакого *общественнаго духа* не существовало, а въ каждой мѣстности былъ свой общественный духъ, руководившійся какою-нибудь односторонней страстью. Но король чрезъ своихъ чиновниковъ зналъ объ этихъ весьма различныхъ состояніяхъ умовъ и, сосредоточивая ихъ въ своей головѣ въ видѣ того общаго понятія, какое онъ о нихъ составлялъ и какое служило основаніемъ для его намѣреній, такимъ образомъ ихъ объединялъ.

Конечно, это объединеніе было очень хрупко, очень несовершенно и лишь одному королю давало нѣкоторое смутное понятіе о томъ, что было общаго въ мѣстныхъ желаніяхъ и стремленіяхъ. Его личное *я* было единственнымъ поприщемъ для ихъ взаимнаго проникновенія. Когда были созваны Главные Штаты, былъ сдѣланъ новый шагъ къ національзаціи мѣстныхъ и областныхъ мнѣній. Въ головѣ каждаго депутата имъ пришлось столкнуться между собою, опознать себя, какъ сходныя или несходныя, и вся страна цѣликомъ, пристально глядѣвшая на своихъ представителей, но лишь въ слабой степени интересовавшаяся ихъ трудами, заботившаяся объ нихъ почти безконечно мало въ сравненіи съ нынѣшнимъ, представлялась тогда, вслѣдствіе исключительныхъ условій, сознающей себя націей. И это перемежающееся, слишкомъ исключительное сознаніе было также очень смутнымъ, темнымъ и лѣнивымъ. Засѣданія не были публичными. Во всякомъ случаѣ, за отсутствіемъ печати, рѣчи не были обнародованы, а за отсутствіемъ даже почтъ, не существующія газеты не могли быть восполнены и частными письмами. Въ общихъ чертахъ, по болѣе или менѣе извращеннымъ извѣстіямъ, передававшимся устно и разносившимся пѣшеходами и проѣзжавшими верховыми, каковы странствующіе монахи и торговцы, было извѣстно, что собраны государственные чины и что они занимаются тѣмъ-то и тѣмъ-то, вотъ и все.

Замѣтимъ, что члены этихъ собраній во время своихъ короткихъ и рѣдкихъ засѣданій даже сами-то представляли нѣкоторую мѣстную группу, центръ сильнаго, но чисто мѣстнаго общественнаго мнѣнія, возникшаго отъ заразы, переходившей отъ человѣка къ человѣку, отъ личныхъ сношеній и взаимныхъ вліяній. И вотъ благодаря этому

высшему мѣстному собранію, собранію временному и выборному, низшія мѣстныя группы, наслѣдственныя и постоянныя, состоящія изъ родственниковъ и старинныхъ знакомыхъ въ городкахъ и помѣстьяхъ, почувствовали себя объединенными и временно сплоченными въ одно цѣлое.

II.

Развитіе почтовыхъ сношеній, увеличившее сначала публичную, а затѣмъ и частную переписку; устройство и развитіе путей сообщенія, умножившее личныя встрѣчи и соприкосновенія съ новыми людьми; развитіе постоянныхъ армій, позволявшее знакомиться и брататься на однихъ и тѣхъ же поляхъ битвъ солдатамъ изъ всѣхъ провинцій; наконецъ развитіе придворной жизни, привлекавшее къ монархическому центру націи отборное дворянство со всей земли— все это вело къ постепенной выработкѣ общественнаго духа. Но лишь печатающей машинѣ суждено было довести это великое дѣло до самой высокой степени. Лишь печати, дошедшей до формы ежедневной газеты, принадлежитъ заслуга обращать въ національное, европейское, міровое все чисто мѣстное, все, что прежде должно было оставаться неизвѣстнымъ за предѣлами крайне ограниченной области, каковъ бы ни былъ внутренній интересъ этого.

Совершено гдѣ-нибудь ужасное преступленіе; тотчасъ же оно дѣлается достояніемъ печати и въ теченіе извѣстнаго времени публика во Франціи, въ Европѣ, во всемъ мірѣ только и занимается, что какимъ нибудь Габріелемъ Бонпаромъ, Пранцини или Панамскимъ хищеніемъ. Дѣло Лафаржа по поводу одного женоубійства, совершеннаго въ Лимузенскомъ замкѣ, было однимъ изъ первыхъ судебныхъ процессовъ, получившихъ національную извѣстность, благодаря періодической печати, достигшей въ эту эпоху поры юности или хотя отрочества. Полтора вѣка тому назадъ кто бы могъ говорить о подобномъ дѣлѣ внѣ Лимузена? Если говорили о дѣлѣ Каласа и о другихъ подобныхъ, то лишь по причинѣ громадной извѣстности Вольтера и совсѣмъ несудебнаго интереса, привлекавшаго современныя страсти къ этимъ знаменитымъ процессамъ. А интересъ этотъ былъ вовсе не мѣстнымъ, а напротивъ какъ нельзя болѣе общимъ, такъ какъ здѣсь, справедливо или нѣтъ, рѣчь шла о судеб-

ныхъ ошибкахъ, предъявлялось важное обвиненіе къ французскимъ судебнымъ установленіямъ, ко всей магистратурѣ. Тоже я могъ бы сказать о національномъ волненіи, возбужденномъ въ другое время дѣломъ рыцарей храма.

Можно сказать утвердительно, что до французской революціи не было столь громкаго преступленія противъ общаго права, т. е. преступленія не политическаго, усиленно разглашаемаго изъ партійныхъ цѣлей,—къ которому бы столь страстно относилась вся Франція.

Судебная хроника, какъ она намъ извѣстна теперь, этотъ столь важный нынѣ, къ несчастію, элементъ собирательнаго сознанія или общественнаго мнѣнія, безъ всякаго шума, благодаря лишь безкорыстной любознательности, простому и праздному любопытству, по цѣлымъ недѣлямъ привлекаетъ внимательные взоры безчисленныхъ, разсѣянныхъ повсюду зрителей, весь этотъ громадный и невидимый Колизей, къ одной и той же преступной драмѣ. Такое кровавое зрѣлище, сдѣлавшееся самымъ необходимымъ и самымъ любимымъ для всѣхъ современныхъ народовъ, было совсѣмъ неизвѣстно нашимъ предкамъ; и лишь наши дѣды первые начали понимать въ этомъ вкусъ.

Постараемся выражаться точнѣе. Въ великомъ человѣческомъ обществѣ, подраздѣляющемся на народы, дѣлящіеся далѣе на провинціи, помѣстья, города, всегда существовало, даже и до періодической печати, нѣкоторое международное мнѣніе, дѣйствовавшее на большихъ разстояніяхъ; подъ нимъ, перемежаясь, скрывались уже болѣе частныя національныя мнѣнія; наконецъ подъ этими таились уже почти непрерывныя областныя и помѣстныя мнѣнія. Это были какъ бы постепенныя наслоенія духа общественности. Только относительная важность или толща этихъ различныхъ слоевъ значительно измѣнялась, а въ какую сторону измѣнялась,—легко разглядѣть. Чѣмъ дальше мы заберемся въ прошедшее, тѣмъ замѣтнѣе будетъ преобладаніе мѣстнаго мнѣнія. Дѣломъ періодической печати было постепенная національзація духа общественности и все большее и большее обращеніе его въ международный.

Ежедневная печать, это какой-то всасывающій и нагнетательный насосъ извѣстій, получаемыхъ каждый день утромъ со всѣхъ точекъ земного шара и въ тотъ же день сообщаемыхъ во всѣ концы земли, гдѣ становится извѣстно все,

что въ нихъ было интереснаго на самомъ дѣлѣ или на взглядъ журналиста въ видахъ цѣли, преслѣдуемой имъ лично или той партіей, голосомъ которой онъ служитъ. Эти его сообщенія въ дѣйствительности обращаются въ нѣкоторыя понужденія, становящіяся мало-по-малу непреоборимыми. Газеты начали дѣло съ выраженія мнѣній чисто мѣстныхъ, съ мнѣній извѣстныхъ привилегированныхъ группъ,—двора, парламента, столичнаго города, воспроизводя ихъ сплетни, пересуды, споры или разговоры; кончили же его тѣмъ, что почти по своему произволу стали направлять или даже вызывать общественное мнѣніе, доставляя для всякихъ рѣчей и бесѣдъ наибольшую часть ихъ ежедневнаго матеріала.

III.

Никакъ невозможно понять или представить себѣ, до какой степени періодическая печать, газета преобразовала, обогатила и вмѣстѣ съ тѣмъ выровнила, *объединила въ пространствѣ и уразнообразила во времени* разговоры между личностями, даже если онѣ не читаютъ газетъ сами, а только разговариваютъ съ читателями ихъ и тѣмъ вовлекаются въ колею ихъ заимствованныхъ мыслей. Достаточно одного только пера, чтобы привести въ движеніе милліоны языковъ.

Парламенты, существовавшіе *до печати*, столь глубоко отличаются отъ парламентовъ *при печати*, что, можно сказать, не имѣютъ между собою ничего общаго, кромѣ лишь названія. Они различны по своему происхожденію, по свойству депутатскихъ полномочій, по способу отправленія ими своихъ обязанностей, по обширности и властности ихъ постановленій. До появленія періодической печати депутаты Конгресовъ, Сеймовъ, Сословныхъ представителей не могли выражать несуществовавшаго еще тогда общественнаго мнѣнія; они выражали только мнѣнія мѣстныя, т. е. мнѣнія совершенно другого рода, какъ мы знаемъ, да еще національныя преданія. Эти собранія были въ сущности только сопоставленіемъ разнородныхъ мнѣній, касавшихся различныхъ частныхъ вопросовъ и уже съ перваго раза дававшихъ понять ихъ согласіе или разногласіе. Эти частныя мнѣнія, передаваясь такимъ образомъ взаимно, и сознавались тоже мѣстно, не выходя за предѣлы дома собраній, или распро-

странялись сколько нибудь значительно лишь въ томъ городѣ, гдѣ собранія эти происходили. Поэтому, когда такимъ городомъ была столица въ родѣ Лондона или Парижа, то ея муниципальный совѣтъ могъ считать себя въ правѣ соперничать по своему достоинству съ Палатою народныхъ представителей, — чѣмъ и объясняются во время даже самой французской революціи выходящія изъ ряду вонъ притязанія Парижской Общины, презиравшей или даже порабощавшей себѣ и Учредительное Собраніе и Народное Собраніе и Конвентъ. Это конечно потому, что тогдашняя печать, лишенная могучихъ крыльевъ, какія дали ей желѣзныя дороги и телеграфы, могла приводить парламентъ въ быстрое и сильное общеніе лишь съ общественнымъ мнѣніемъ Парижа. Въ настоящее время, всякій парламентъ, благодаря достигшей полной зрѣлости печати, находится постоянно и въ каждую минуту въ живомъ соотношеніи дѣйствія и противодѣйствія съ общественнымъ мнѣніемъ уже не только одного большого города, но всей страны, для которой онъ служитъ одновременно и однимъ изъ проявленій ея дѣятельности и однимъ изъ главныхъ возбужденій, представляя какъ бы отражающее и вмѣстѣ съ тѣмъ зажигательное зеркало. Вмѣсто сопоставленія мѣстныхъ и различныхъ между собою убѣжденій, парламентъ заставляетъ проникаться эти разнообразныя мнѣнія съ мѣстной окраской однимъ и тѣмъ же общенаціональнымъ духомъ.

Старые парламенты были группами людей съ разнородными полномочіями, касавшимися различныхъ между собою началъ, правъ и пользъ; новые парламенты состоятъ изъ выборныхъ съ однородными полномочіями, хотя бы даже и противорѣчивыми, такъ какъ имѣютъ въ виду тожественныя стремленія, при чемъ сознаютъ эту тожественность. Кромѣ того, прежніе уполномоченные были несходны между собою вслѣдствіе своеобразныхъ особенностей ихъ избранія, основанныхъ всецѣло на началахъ неравенства и различія правъ выборщиковъ, на слишкомъ личномъ характерѣ избирательнаго права. Могущество числа тогда еще не существовало или не считалось еще законнымъ, а по этой самой причинѣ при рѣшеніяхъ собраній людей, выбранныхъ такимъ образомъ, простое численное большинство никѣмъ еще не разсматривалось, какъ придающее силу закону.

Въ государствахъ наиболѣе „отсталыхъ“ требовалось для

этого единогласіе и воля всѣхъ представителей безъ одного уничтожалась противодѣйствіемъ одного несогласнаго. Такимъ образомъ какъ при выборѣ представителей, такъ и при отправленіи ими своихъ обязанностей законъ числа оставался неизвѣстнымъ и непонятнымъ, пока не развилась ежедневная печать, а общественное мнѣніе не сдѣлалось національнымъ. Послѣ же этого стало казаться, что никакого другого закона нельзя себѣ и вообразить. Всеобщая подача голосовъ, вопреки всѣмъ опасностямъ и нелѣпостямъ, какія съ нею связаны, всюду во Франціи пользуется уваженіемъ и постепенно распространяется въ ожиданіи, что въ ней достаточно мудрости, чтобы исправить собственныя недостатки. И несмотря на очевидныя возраженія, всѣ допускаютъ, что даже въ самомъ важномъ вопросѣ необходимо преклониться предъ рѣшеніемъ, постановленнымъ половиною всѣхъ голосовъ плюсъ одинъ.

Общее и всемогущее голосованіе парламентскаго большинства стало возможно лишь послѣ продолжительнаго и дружнаго дѣйствія печати, этого conditio sine qua non великой и всеуравнивающей демократіи. Я не говорю здѣсь о малой демократіи, ограниченной укрѣпленіями какого-нибудь греческаго города или предѣлами швейцарскаго кантона.

Только что указанныя мною разницы объясняютъ собою и еще одну, именно присущее парламентамъ *со времени* развитія печати самодержавіе, на которое *до* развитія печати парламенты даже и не думали притязать. Парламентъ могъ сдѣлаться равнымъ, а затѣмъ стать и выше короля лишь послѣ того, какъ онъ подобно королю, а потомъ лучше его, сталъ воплощать въ себѣ національное сознаніе и отчетливо выражать существующее уже общественное мнѣніе и народную волю, участвовавшія, такъ сказать, въ его разсужденіяхъ и бывшія съ нимъ въ столь тѣсномъ единеніи, что монархъ не могъ не убѣдиться въ ихъ единствѣ и слѣдовательно въ совершенствѣ представительства. Пока эти условія не были осуществлены,—а осуществились они въ великихъ державахъ лишь съ появленіемъ ежедневной печати,—самыя любезныя народу собранія, даже во времена революціи, не имѣли силы убѣдить ни народъ, ни самихъ себя въ томъ, что они располагаютъ верховной властью. Вотъ почему въ присутствіи побѣжденнаго короля, обезоруженнаго, кажется, этими же народными представителями,

они почтительно договариваются съ нимъ и считаютъ для себя счастіемъ получить отъ него, какъ напримѣръ отъ какого-нибудь Іоанна Безземельнаго, жалованную грамоту и тѣмъ признаютъ, не вслѣдствіе суевѣрія, но вслѣдствіе глубокаго и тайнаго соціальнаго сознанія, необходимость его верховнаго права, его прерогативы. До развитія печати монархіи могли и были должны, быть болѣе или менѣе неограниченными, неприкосновенными и священными, потому что онѣ представляли полное національное единство. Съ появленіемъ ежедневной печати онѣ не могутъ уже быть таковыми, потому что національное единство стало осуществляться помимо ихъ и лучше, чѣмъ посредствомъ ихъ. Однако онѣ могутъ существовать, но столь же отличаясь отъ древнихъ монархій, какъ современные парламенты не походятъ на прежніе. Прежній монархъ высшею заслугой своей считалъ *составлять* одно цѣлое съ народомъ и быть его сознаніемъ; нынѣшній монархъ можетъ видѣть свое назначеніе лишь въ томъ, чтобы выражать это единство, образовавшееся помимо его, вслѣдствіе сплошного, всеобще распространеннаго національнаго мнѣнія, ясно сознающаго самого себя, и сообразоваться съ нимъ или приспособляться къ нему, не порабощая себя ему.

Чтобъ покончить съ соціальнымъ значеніемъ печати, остается сказать, не широкому ли развитію періодической печати обязаны мы преимущественно болѣе точнымъ и болѣе обширнымъ опредѣленіемъ, даже новымъ и рѣзче выраженнымъ чувствомъ національности, политически характеризующимъ нашу современную эпоху? Не она ли помогала расти вмѣстѣ съ нашимъ интернаціонализмомъ и нашему націонализму, который, казалось бы, долженъ быть отрицаніемъ перваго и могъ бы быть лишь его дополненіемъ? И если растущій націонализмъ, заступившій мѣсто ослабѣвающаго лоялизма, представляетъ собою новый видъ нашего патріотизма, то и этимъ не обязаны ли мы той же страшной и благотворной власти? Съ удивленіемъ приходится наблюдать, что, по мѣрѣ того, какъ государства смѣшиваются между собою, уподобляются другъ другу и духовно объединяются, ихъ національная рознь становится глубже и ихъ противоположныя стремленія начинаютъ казаться несогласимыми. На первый взглядъ нельзя совсѣмъ понять этого контраста націоналистическаго XIX вѣка съ космополитиз-

момъ предыдущаго вѣка. Но такой, повидимому, парадоксальный результатъ оказывается какъ нельзя болѣе логичнымъ. Въ то время, какъ происходилъ и умножался обмѣнъ товарами, мыслями и всякаго рода примѣрами между сосѣдними и отдаленными народами, вмѣстѣ съ тѣмъ въ частности, благодаря газетамъ, дѣлалъ еще гораздо большіе успѣхи обмѣнъ мыслями между индивидами каждаго даннаго народа, говорящаго на одномъ и томъ же языкѣ. Такимъ образомъ, хотя абсолютная разность между народами чрезъ это уменьшалась, но относительная и сознаваемая всѣми разница отъ того же самаго увеличивалась. Замѣтимъ, что географическія границы національностей въ наше время все болѣе и болѣе стремятся совпасть съ границами распространенія главныхъ языковъ. Есть государства, гдѣ борьба между языками совпадаетъ съ борьбой между національностями. Причина этого лежитъ въ томъ, что журналистика оживила національное чувство, такъ какъ истинно производительное или возбуждающее распространеніе газетъ и журналовъ ограничивается предѣлами того языка, на какомъ они издаются.

Вліяніе книги, предшествовавшей газетѣ и господствовавшей въ XVIII вѣкѣ такъ же, какъ и въ XVI, не могло произвести такого же дѣйствія; дѣйствительно, если и книга заставляла тоже всѣхъ, читавшихъ ее на одномъ и томъ же языкѣ, чувствовавать свое филологическое тожество, то все же рѣчь въ ней шла не о *современныхъ* вопросахъ, возбуждающихъ страстный интересъ во всѣхъ. О существованіи извѣстной національности отлично свидѣтельствуетъ литература, но однѣ лишь газеты разжигаютъ національную *жизнь* и возбуждаютъ общія движенія мыслей и желаній и ихъ величавое колебаніе въ ту или другую сторону изо дня въ день. Книга вмѣсто того, чтобы подобно газетѣ брать своимъ предметомъ сырую дѣйствительность и говорить лишь о современномъ, старается занять читателя *общностью* и отвлеченностью сообщаемыхъ ею мыслей. Поэтому она болѣе способна возбудить гуманитарное теченіе, какъ это и сдѣлала французская литература XVIII вѣка, чѣмъ вызвать потокъ національный или даже международный. Въ самомъ дѣлѣ, международное и гуманитарное или общечеловѣчное не одно и тоже; европейская федерація, какъ вполнѣ ясно представляютъ себѣ ее наши интернаціоналисты, не имѣетъ ничего общаго съ „человѣчествомъ“, обоготвореннымъ энци-

клопедистами, идеи которыхъ въ этомъ отношеніи были возведены въ догматъ Огюстомъ Контомъ. Вслѣдствіе этого есть основаніе полагать, что именно отъ преобладанія книги надъ газетой въ дѣлѣ воспитанія общественнаго мнѣнія и зависѣлъ космополитическій и отвлеченный характеръ стремленій общественнаго духа въ тотъ моментъ, когда вспыхнула революція 1789 года.

Разговоры.

I.

Мы бросили сейчасъ лишь бѣглый взглядъ на нашъ предметъ, сдѣлали первоначальный и краткій обзоръ его, чтобы дать понятіе о его сложности. Сдѣлавъ опредѣленіе общественнаго мнѣнія, мы старались главнымъ образомъ указать на соотношенія его съ печатью. Но періодическая печать не болѣе, какъ одна изъ причинъ общественнаго мнѣнія и притомъ изъ причинъ новѣйшихъ. Если же мы занялись ею прежде всего, такъ это потому, что она всего болѣе на виду. Но теперь нужно изслѣдовать и притомъ съ гораздо большею подробностью, такъ какъ эта область еще не тронута, другой факторъ общественнаго мнѣнія, уже признаннаго нами самымъ непрерывнымъ и всеобщимъ, изслѣдовать мелкій и незамѣтный его источникъ, теченіе котораго продолжается во всякое время и во всякомъ мѣстѣ съ разною силою,—однимъ словомъ: разговоры.

Сначала скажемъ о разговорахъ въ избранной части общества. Въ одномъ изъ писемъ Дидро къ Неккеру, въ 1775 г., я нахожу слѣдующее очень точное опредѣленіе: „Общественное мнѣніе, эта могучая причина добра и зла, всю силу которой мы знаемъ, въ своемъ началѣ бываетъ лишь ничтожнымъ дѣйствіемъ очень немногихъ людей, думающихъ о дѣлѣ, а затѣмъ разговаривающихъ и непрестанно образующихъ въ разныхъ мѣстахъ общества центры обученія, откуда обоснованныя истины или заблужденія распространяются мало-по-малу до самыхъ окраинъ города, гдѣ они получаютъ силу правилъ вѣры“. Если бы люди не разговаривали, то газеты могли бы выходить—впрочемъ тогда трудно понять, для чего бы онѣ издавались,—но онѣ не

производили бы на умы никакого прочнаго и продолжительнаго дѣйствія и походили бы на приведенныя въ колебаніе струны безъ резонансовыхъ досокъ. Напротивъ, при отсутствіи газетъ и даже рѣчей, разговоры могли бы съ теченіемъ времени восполнить до извѣстной степени соціальную роль трибуны и печати, какъ производителей общественнаго мнѣнія.

Подъ разговорами я разумѣю всякіе діалоги, не имѣющіе въ виду прямой и непосредственной пользы, когда говорятъ, главнымъ образомъ, лишь для того, чтобъ говорить, говорятъ изъ удовольствія, въ шутку или изъ вѣжливости. Такое опредѣленіе сразу исключаетъ изъ нашего предмета и судебные допросы и дипломатическіе или коммерческіе переговоры и церковные соборы и даже научные съѣзды, хотя послѣдніе и изобилуютъ излишней болтовней. Однако оно не исключаетъ ни свѣтскаго флирта, ни любовныхъ разговоровъ, несмотря на всю прозрачность ихъ стремленій, что не мѣшаетъ имъ быть пріятными по своей сущности. Оно обнимаетъ кромѣ того всѣ торжественныя рѣчи и привѣтствія у варваровъ и дикарей. И если бы я занимался лишь разговорами изысканными и вѣжливыми, какъ особаго рода искусствомъ, то начало ихъ, по крайней мѣрѣ послѣ временъ классической древности, я не могъ бы указать раньше XV вѣка для Италіи, XVI или XVII вѣка для Франціи, а потомъ и Англіи, и XVIII для Германіи. Но уже гораздо раньше, чѣмъ распустился этотъ эстетическій цвѣтокъ цивилизаціи, начали показываться его первыя почки на деревѣ языковъ; и хотя низменныя бесѣды первобытныхъ краснобаевъ были не столь плодотворны по осязаемымъ послѣдствіямъ, какъ блестящіе разговоры въ избранномъ обществѣ, но и онѣ имѣли свою соціальную важность.

Никогда, за исключеніемъ дуели, мы не смотримъ на человѣка съ такимъ вниманіемъ, къ какому только способны, какъ въ случаѣ разговора съ нимъ. Это самое постоянное, самое важное и всего менѣе замѣчаемое явленіе при разговорѣ. Оно показываетъ наивысшую степень *самопроизвольнаго вниманія*, оказываемаго взаимно другъ другу людьми, посредствомъ чего они взаимно проникаются безконечно глубже, чѣмъ при всякихъ другихъ соціальныхъ отношеніяхъ. Разговаривая одинъ на одинъ, люди безсознательно и непреоборимо входятъ въ тѣсное взаимное общеніе. Слѣ-

довательно разговоръ является самымъ могущественнымъ дѣятелемъ подражанія, распространенія чувствъ, мыслей и способовъ дѣйствія. Увлекательная рѣчь, вызывающая рукоплесканія, часто оказывается менѣе возбудительной, потому что въ ней угадывается намѣреніе быть таковою. Собесѣдники дѣйствуютъ другъ на друга взаимною близостью, особенностями своего говора, взглядомъ, выраженіемъ лица, всѣмъ магнетизмомъ тѣлодвиженій, а не только одними словами. Не даромъ про хорошаго говоруна говорятъ, что онъ способенъ *заговорить*, понимая это слово въ смыслѣ очарованія, колдовства. Вотъ почему разговоры по телефону, при которыхъ большая часть этихъ выгодныхъ сторонъ бесѣды отсутствуетъ, отличаются большою скукою, если они не чисто дѣловые.

Всякіе деспоты отлично знаютъ это свойство задушевныхъ бесѣдъ. Поэтому они очень подозрительно смотрятъ на разговоры своихъ подданныхъ и всячески мѣшаютъ, насколько это возможно, имъ говорить между собою. Строгія хозяйки въ домахъ не любятъ, чтобы ихъ слуги разговаривали и знались съ чужими слугами, такъ какъ знаютъ, что прислуга отъ этого начинаетъ „задирать носъ“. Во времена Катона Старшаго римскія матроны собирались другъ у друга, чтобъ поболтать о томъ, о семъ; и суровый цензоръ очень косо смотрѣлъ на эти мелкіе женскіе кружки, зачатки *феминистскихъ* собраній. Давая совѣтъ своему управляющему, онъ говоритъ ему насчетъ его жены: „Надо, чтобы она тебя боялась, чтобы не очень любила роскошь и возможно меньше видалась бы со своими сосѣдками и другими женщинами“.

Очертимъ въ возможно краткихъ словахъ психологію или скорѣе соціологію, такъ сказать, разговоровъ. Какія разновидности они представляютъ? Черезъ какія фазы они прошли? Какова ихъ исторія и историческое развитіе? Каковы ихъ причины и каковы послѣдствія? Въ какихъ отношеніяхъ находятся они съ соціальнымъ міромъ, съ любовью, съ измѣненіями языка, нравовъ и литературы? Каждая изъ сторонъ этого столь обширнаго предмета потребовала бы цѣлаго тома. Но мы не можемъ заявлять притязаній исчерпать этотъ вопросъ.

Разговоры сильно зависятъ отъ личныхъ особенностей разговаривающихъ, отъ степени ихъ образованности, отъ

ихъ общественнаго положенія, отъ ихъ проживанія въ деревнѣ или въ городѣ, отъ ихъ профессіональныхъ привычекъ и отъ ихъ религіозныхъ мнѣній. Они различаются по своему содержанію или предмету, по тону, по пріемамъ, по продолжительности, по степени горячности. Въ разныхъ міровыхъ столицахъ была измѣрена средняя скорость ходьбы пѣшеходовъ и опубликованная статистика этого показала довольно большія разницы въ этой скорости и въ то же время постоянство ея для одного мѣста. Я убѣжденъ, что если бы, въ случаѣ надобности, можно было измѣрить равнымъ образомъ и скорость говора, свойственную каждому изъ городовъ, то оказалось бы, что и она различна въ разныхъ городахъ, равно какъ и у лицъ разнаго пола. Кажется, что постепенно подвигаясь по пути цивилизаціи, люди начинаютъ ходить и говорить все скорѣе и скорѣе. Беллесоръ, въ своемъ *Путешествіи по Японіи* отмѣчаетъ „медлительность японскихъ разговоровъ, качаніе головой, неподвижность при стояніи на колѣняхъ около очага". Всѣ путешественники упоминаютъ также о медленности говора арабовъ и другихъ первобытныхъ народовъ. Кому же принадлежитъ будущее? Медленно ли говорящимъ народамъ, или же говорящимъ быстро?—Вѣроятно, говорящимъ быстро, но я полагаю, нужно было бы не мало труда, чтобъ съ ариѳметическою точностью говорить объ этой сторонѣ нашего предмета, изученіе котораго выходило бы до нѣкоторой степени изъ предѣловъ соціальной психофизики. Въ настоящее время для этого не хватаетъ еще матеріаловъ.

Разговоръ отличается совершенно другимъ тономъ и совершенно иною быстротой, когда онъ происходитъ между низшимъ и высшимъ или между равными людьми, между своими и чужими, между лицами одного пола или между мужчинами и женщинами. Разговоры въ какомъ нибудь маленькомъ городкѣ между горожанами, связанными между собою наслѣдственными дружественными чувствами, очень отличаются, какъ и должно быть, отъ разговоровъ въ большомъ городѣ между образованными людьми, знающими другъ друга очень мало. Какъ тѣ, такъ и другіе говорятъ о томъ, что наиболѣе извѣстно и обще для всѣхъ ихъ по части идей. Только все, что есть общаго въ этомъ отношеніи между послѣдними, обще у нихъ со множествомъ другихъ лицъ,

*

такъ какъ лично они между собою незнакомы; отсюда ихъ склонность говорить объ общихъ предметахъ и разсуждать о положеніяхъ, не касающихся частныхъ интересовъ. У первыхъ же нѣтъ мыслей, которыя были бы для нихъ болѣе общими и извѣстными, чѣмъ мелочи жизни и поведенія ихъ знакомыхъ; отсюда ихъ наклонность къ кумовству и сплетничеству. Если въ просвѣщенныхъ столичныхъ кружкахъ меньше сплетничаютъ, то это не потому, что здѣсь меньше ненависти и злобы, но потому, что здѣсь меньше пищи для этого, если только злорѣчіе не находитъ себѣ удовлетворенія, какъ это часто бываетъ, въ пересудахъ выдающихся государственныхъ людей или театральныхъ знаменитостей. Эти политическіе сплетники не выше впрочемъ сплетниковъ частныхъ, которыхъ они замѣняютъ, но вреднѣе ихъ, потому что ихъ слушаетъ, къ несчастію, гораздо большее число людей.

Оставляя въ сторонѣ многія второстепенныя различія, отмѣтимъ прежде всего разницу между разговоромъ-борьбой и разговоромъ-обмѣномъ, т. е. между споромъ и взаимнымъ обмѣномъ мыслей и извѣстій. Нѣтъ сомнѣнія, какъ мы это увидимъ, что второй все болѣе и болѣе развивается во вредъ первому. Тоже самое происходитъ и въ теченіе жизни индивида; всякій склоненъ спорить, какъ и драться, въ пору отрочества и юности, а съ лѣтами начинаетъ избѣгать противорѣчій и старается согласовать свои мысли съ чужими.

Будемъ различать также разговоръ обязательный—обрядовый, зависящій отъ церемоній—и разговоръ произвольный и свободный. Послѣдній вообще можетъ происходить только между равными и равенство людей благопріятствуетъ его развитію, насколько это способствуетъ съуженію области интересовъ другого. Если бы многое не объяснялось исторически, то нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ обязанность, налагаемая на чиновниковъ предписаніями, а на частныхъ людей приличіями, дѣлать или отдавать время отъ времени визиты, при которыхъ люди, сидя вмѣстѣ, принуждены въ теченіе получаса или часа подвергать пыткѣ свой умъ, чтобы разговаривать и ничего не сказать или говорить то, чего они не думаютъ, и не сказать того, что думаютъ. Всеобщее подчиненіе такому насилію можетъ сдѣлаться понятнымъ, лишь когда мы дойдемъ до его источника. Первые визиты, дѣлавшіеся высокопоставленнымъ людямъ или начальникамъ ихъ

подчиненными и вообще низшими, сюзеренамъ вассалами, имѣли главнымъ своимъ предметомъ поднесеніе подарковъ, сначала добровольныхъ и разновременныхъ, позже же обычныхъ и періодическихъ, какъ это съ большою подробностью доказалъ Гербертъ Спенсеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ было естественно, что такія посѣщенія были поводами для болѣе или менѣе краткаго разговора, состоявшаго въ преувеличенныхъ любезностяхъ съ одной стороны и покровительственныхъ благодарностяхъ съ другой. Здѣсь разговоръ не болѣе, какъ добавленіе къ подарку, и такъ онъ еще понимается и теперь многими крестьянами глухихъ мѣстностей въ ихъ сношеніяхъ съ лицами высшаго класса. Мало-помалу эти два элемента архаическихъ визитовъ разъединились, при чемъ подарокъ обратился въ подать, въ налогъ, а разговоръ, развиваясь отдѣльно, все-таки, даже и между равными, сохранялъ кое-что изъ своихъ прежнихъ церемоніальныхъ особенностей. Отсюда всѣ тѣ формулы и священныя формальности, какими начинается и кончается разговоръ. Несмотря на нѣкоторыя разницы, онѣ всѣ согласуются въ изъявленіи живѣйшаго участія къ драгоцѣнному существованію того, съ кѣмъ говорятъ, или сильнаго желанія его видѣть. Эти выраженія и формальности, постепенно сокращающіяся, но все же входящія въ неизмѣнныя рамки разговора, налагаютъ на него печать несомнѣннаго соціальнаго учрежденія.

Обычай посѣщать другъ друга въ извѣстное время и обычай дѣлать подарки несомнѣнно находятся въ связи между собою, и очень вѣроятно, что визитъ явился, какъ необходимое слѣдствіе поднесенія подарка. Вообще, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ явленіемъ переживанія. Причиной посѣщенія былъ подарокъ и слѣдствіе пережило свою причину. Однако еще остается кое-что и отъ причины и при многихъ деревенскихъ посѣщеніяхъ, когда ходятъ въ гости къ людямъ, имѣющимъ дѣтей, то по существующему въ разныхъ странахъ обычаю приносятъ съ собою конфекты и лакомства. Любезности въ прежнее время являлись необходимымъ дополненіемъ къ подаркамъ, какъ было имъ и самое посѣщеніе. И точно такъ же съ выходомъ изъ употребленія подарковъ остались еще привѣтствія и любезности, но мало-по-малу они сдѣлались *взаимными* и обратились просто въ *разговоръ*.

Другою начальной причиной обязательныхъ разговоровъ должна была послужить сильная скука, какую приходилось выносить прежнимъ людямъ, особенно неграмотнымъ, когда у нихъ оказывались досуги. Тогда низшій по положенію считалъ своею обязанностью сходить, даже и безъ подарка въ рукахъ, къ высшему и поговорить съ нимъ, чтобъ разогнать его скуку. Этой причиной, какъ и предыдущею, безъ труда объясняется ритуальная сторона обязательныхъ разговоровъ.

Что касается до разговоровъ произвольныхъ, то ихъ источникъ лежитъ въ человѣческой общительности, которая во всякое время свободно проявлялась по всякому поводу между товарищами и вообще равными между собою людьми.

II.

Такъ какъ мы коснулись сейчасъ историческаго развитія разговора, то не слѣдуетъ ли намъ искать его первыхъ зародышей еще глубже? Разумѣется, должны, хотя я и не чувствую охоты спускаться до животныхъ обществъ, до шумливаго щебетанья воробьевъ на деревѣ и карканія воронъ въ воздухѣ. Но безъ всякаго опасенія можно утверждать, что уже съ самыхъ первыхъ началъ членораздѣльной рѣчи, сопровождавшейся жестами, должно было дать о себѣ знать удовольствіе говорить лишь для того, чтобъ говорить, т. е. вообще разговаривать. Созданіе слова непостижимо, если не допустить, что языкъ былъ первою эстетическою роскошью человѣка, первымъ важнѣйшимъ приложеніемъ его изобрѣтательнаго генія, которое любили и почитали само по себѣ, какъ предметъ искусства или еще скорѣе какъ игрушку, чѣмъ орудіе. Не возникла ли рѣчь изъ пѣнія, сопровождаемаго пляскою, подобно тому, какъ письмо родилось позже изъ рисунка? Повидимому, прежде чѣмъ говорить между собою при навернувшемся досугѣ, первобытные люди начали съ того, что пѣли вмѣстѣ или одинъ для другого. Пережившіе остатки такихъ музыкальныхъ разговоровъ можно видѣть въ поперемѣнныхъ пѣсняхъ пастушескихъ стихотвореній или эклогъ, а также и въ существующемъ еще обычаѣ у эскимосовъ пѣть, встрѣчая кого нибудь, что значитъ издѣваться надъ нимъ. Ихъ сатирическія пѣсни, тоже поперемѣнныя, эти длящіеся и без-

обидные поединки, имѣютъ такое же значеніе, какъ горячіе споры у насъ.

Мнѣ представляется вѣроятной еще другая догадка и я сдѣлаю слѣдующее сравненіе. Искусство письма, гораздо раньше, чѣмъ оно начало служить для простого употребленія, для переписки между друзьями и родственниками, было годно только для надписей на камнѣ, для такъ называемыхъ лапидарныхъ надписей религіознаго или государственнаго значенія, для торжественныхъ записей событій или священныхъ повелѣній. Съ этихъ высотъ, посредствомъ ряда усложненій и распространенія этого въ народѣ въ теченіе вѣковъ, искусство письма спустилось на такую ступень, когда стали необходимы почты для пересылки писемъ. Тоже было и съ рѣчью. Задолго раньше, чѣмъ стать полезной для разговора, она могла быть только однимъ изъ средствъ давать приказанія или совѣты подчиненнымъ со стороны вождей или служила поэтамъ для ихъ нравоучительныхъ изрѣченій. Вообще, она необходимо была въ началѣ монологомъ; діалогъ могъ появиться лишь потомъ, согласно съ тѣмъ закономъ, по которому одностороннее всегда предшествуетъ обоюдному или взаимному.

Приложеніе этого закона къ занимающему насъ предмету допускаетъ нѣсколько разныхъ случаевъ, одинаково законныхъ. Прежде всего очень вѣроятно, что при первыхъ проявленіяхъ рѣчи, въ первой семьѣ или ордѣ, услышавшей первый лепетъ, исключительно воспользовался даромъ слова индивидъ, болѣе одаренный способностями, чѣмъ другіе. Всѣ другіе только слушали, будучи уже въ состояніи понимать, хотя и съ трудомъ, но еще не имѣя возможности подражать.—Этотъ особый даръ долженъ былъ способствовать возвышенію одного человѣка надъ другими. Отсюда можно заключить, что монологъ отца, говорящаго къ своимъ дѣтямъ или рабамъ, начальника, приказывающаго своимъ подчиненнымъ, предшествовалъ діалогамъ между рабами, дѣтьми, солдатами или между ними и начальникомъ, господиномъ.—Съ другой стороны, какъ уже сказано выше, обратно съ этимъ, подчиненный или низшій впослѣдствіи первый сталъ обращаться къ высшему съ привѣтствіемъ, раньше чѣмъ этотъ послѣдній удостоивалъ его отвѣтомъ.

Если не принимать объясненія обычая привѣтствій, даваемаго Спенсеромъ, допускающаго, что они возникли не-

ключительно на почвѣ военнаго деспотизма, то приходится признать, что привѣтствіе было въ началѣ одностороннимъ, а затѣмъ, постепенно становясь взаимнымъ, по мѣрѣ того какъ неравенство уменьшалось, оно обратилось въ тотъ видъ разговора, который я называю обязательнымъ. Молитва къ богамъ, какъ и привѣтствіе начальникамъ, представляетъ обрядовый монологъ, потому что монологъ естественъ для человѣка и отличаетъ собою въ видѣ псалма или оды, этой лирики всѣхъ временъ, первую фазу религіозной или свѣтской поэзіи. Слѣдуетъ замѣтить, что, постепенно развиваясь, молитва стремится принять видъ діалога, какъ мы это видимъ въ католической обѣднѣ; извѣстно также, что пѣсни въ честь Бахуса послужили первоначальнымъ зерномъ греческой трагедіи. Историческое же развитіе этой послѣдней представляетъ намъ въ переживаніи хора, значеніе котораго постепенно уменьшалось, много переходныхъ ступеней между монологомъ и діалогомъ. Греческая трагедія была вначалѣ и осталась до конца религіозною церемоніей, которая, какъ и всѣ религіозныя церемоніи, дошедшія до послѣдней ступени въ высшихъ религіяхъ, обнимаетъ собою одновременно обрядовые монологи и діалоги, молитвы и разговоры. Но потребность разговаривать все болѣе и болѣе беретъ верхъ надъ потребностью просить или молиться. Въ судебныхъ церемоніяхъ древнѣйшаго Рима также есть обрядовые разговоры. Любопытно, не предшествовали ли имъ монологи?

Во всякое время люди говорятъ о томъ, чему научили ихъ жрецы или наставники, родители или учители, ораторы или журналисты. Выходитъ слѣдовательно, что монологи, произносимые высшими, служатъ пищей для діалоговъ между равными. Добавимъ къ этому, что очень рѣдко бываетъ въ случаѣ двухъ собесѣдниковъ, чтобы роли ихъ были совершенно одинаковы. Всего чаще одинъ изъ нихъ говоритъ гораздо больше, чѣмъ другой. Примѣръ тому—діалоги Платона. Переходъ отъ монолога къ діалогу находитъ себѣ оправданіе въ развитіи парламентскаго краснорѣчія. Въ прежнихъ парламентахъ торжественныя, напыщенныя рѣчи, произносившіяся безъ перерыва, были обычнымъ явленіемъ; въ новыхъ парламентахъ онѣ составляютъ лишь очень рѣдкое исключеніе. Чѣмъ дальше впередъ, тѣмъ больше засѣданія въ палатахъ депутатовъ начинаютъ походить на споры, если

не салонные, такъ по крайней мѣрѣ на тѣ, что завязываются въ клубахъ и въ кофейняхъ. Между какой-нибудь рѣчью во французской палатѣ, то и дѣло прерываемой вопросами и замѣчаніями, и извѣстнаго рода горячими разговорами разница прямо ничтожная.

Мы говоримъ, чтобъ сообщить что-нибудь другимъ, чтобы о чемъ-либо попросить или что-либо приказать или, наконецъ, что-нибудь выспросить. Вопросъ, за которымъ слѣдуетъ отвѣтъ,— это уже зародышъ діалога. Но если постоянно одинъ и тотъ же все спрашиваетъ, а другой все отвѣчаетъ, то въ такомъ случаѣ это будетъ одностороній допросъ, а не разговоръ, т. е. допросъ взаимный или наборъ и сплетеніе вопросовъ и отвѣтовъ, взаимныхъ возраженій и взаимнаго обученія или обмѣна свѣдѣніями. Искусство разговора могло появиться лишь послѣ долгой шлифовки умовъ, чрезъ цѣлые вѣка предварительныхъ упражненій, начавшихся съ самыхъ отдаленныхъ временъ.

Нельзя думать, что въ самые древніе доисторическіе вѣка люди говорили или пытались говорить всего меньше. Такъ какъ всякіе разговоры предполагаютъ прежде всего досугъ, то полное случайностей, а часто и праздности, существованіе первобытныхъ охотниковъ и рыболововъ, которые такъ часто собирались вмѣстѣ, гоняясь за звѣрями, ловя рыбу или поѣдая все добытое совмѣстными усиліями, могло быть лишь благопріятнымъ для лучшихъ говоруновъ поломать ораторскія копья. Такъ, эскимосы, одновременно охотники и рыболовы, разговариваютъ очень часто. И этотъ младенческій народъ знакомъ уже съ визитами. „Мужчины собираются отдѣльно, чтобъ разговаривать между собою, а женщины въ свою очередь тоже сходятся вмѣстѣ и находятъ предметы для разговоровъ въ сплетничествѣ, поплакавъ предварительно объ умершихъ родственникахъ. Разговоры за трапезой могутъ тянуться цѣлые часы, вращаясь на главнѣйшемъ занятіи эскимосовъ, т. е. на охотѣ. Въ своихъ разсказахъ они описываютъ самомалѣйшія подробности всѣхъ движеній охотника и звѣря. Передавая какой-нибудь эпизодъ изъ охоты на тюленя, они изображаютъ лѣвой рукою скачки животнаго, а правой—всѣ движенія каюка (лодки) и оружія“ (Тенишевъ, *Дѣятельность человѣка*).

Въ палеолитическую эпоху доисторической жизни, когда процвѣтало простодушное искусство и когда по всѣмъ при-

знакамъ населеніе жило мирно и счастливо (Мортилье, *Образованіе французской національности*), несомнѣнно должно было происходить много разговоровъ среди великолѣпныхъ пещеръ, въ которыхъ тогда жили.—Въ *Поучительныхъ Письмахъ* часто идетъ рѣчь о вкусѣ дикихъ охотниковъ Америки и особенно ихъ женщинъ къ разговорамъ. Одну обращенную въ христіанство дикарку миссіонеръ хвалитъ за то, что она старалась не тратить своего времени на многочисленные визиты по обычаю мѣстныхъ женщинъ (въ Канадѣ). Въ другомъ мѣстѣ говорится, что всѣ согласно относились съ похвалой къ этой дѣвицѣ, несмотря на склонность дикарей къ злословію. Иллиносцы, читаемъ мы въ другомъ письмѣ, „довольно остроумны и очень удачно умѣютъ отразить насмѣшку".

Пастушеская жизнь позволяетъ имѣть столько же досуговъ, какъ и охотническая, но она идетъ правильнѣе и однообразнѣе, скучнѣе, потому что разбрасываетъ людей по разнымъ мѣстамъ на долгое время. Пастухи, даже ведущіе кочевой образъ жизни, каковы арабскія и татарскія племена, обыкновенно молчаливы. И если пастушескія стихотворенія Виргилія и Ѳеокрита показываютъ какъ будто противное, то не будемъ забывать, что оба эти поэта изображали нравы пастуховъ, значительно цивилизовавшихся отъ сосѣдства большихъ городовъ. Но съ другой стороны пастушеская жизнь связана съ патріархальностью, при которой обычай гостепріимства считается главнѣйшею добродѣтелью, а этотъ обычай, подобно соціальной іерархіи, родившейся также въ эту общественную фазу, могъ послужить и началомъ обязательнаго разговора.

Одна изъ причинъ, которая, до установленія прочной іерархіи, должна была всего болѣе замедлять возникновеніе разговоровъ, состоитъ въ томъ, что необразованные люди, въ средѣ равныхъ между собою, склонны говорить всѣ разомъ и безпрестанно другъ друга перерывать *). Это тотъ

---

*) Во время своего путешествія по Триполи (1840 г.) Пезанъ былъ пораженъ оглушительнымъ содомомъ на аудіенціяхъ у бея. «Мамелюки и негры, говоритъ онъ, всѣ смѣшивались въ общемъ спорѣ и кончили тѣмъ, что начали кричать всѣ вмѣстѣ, производя такой адскій шумъ, что я совершенно оглохъ, когда въ первый разъ побывалъ на этихъ препирательствахъ. Я спросилъ, почему бей встрѣчаетъ такое противодѣйствіе своимъ рѣшеніямъ и *что за при-*

же самый недостатокъ, который всего труднѣе устранить среди дѣтей. Позволеніе говорить собесѣднику—признакъ вѣжливости, на которую рѣшаются сначала лишь изъ уваженія къ высшему, а потомъ уже распространяютъ это на всѣхъ, когда обычай этого потребуетъ. Поэтому такая привычка можетъ всеобще распространиться въ какой-нибудь странѣ не иначе, какъ путемъ довольно долгой предварительной дисциплины. Вотъ почему слѣдуетъ, я полагаю, выводить успѣхи въ искусствѣ разговора, какъ мы его знаемъ, не изъ произвольныхъ, а изъ обязательныхъ собесѣдованій.

Съ этой точки зрѣнія, земледѣльческая жизнь, которая одна только позволила устройство городовъ и государствъ съ сильною властью, должна разсматриваться, какъ способствовавшая успѣхамъ разговора, хотя вслѣдствіе болѣе значительнаго разсѣянія людей, однообразія ихъ занятій и сокращенія ихъ досуговъ она же часто побуждала ихъ дѣлаться молчаливыми. Промышленная жизнь, собирая людей около мастерскихъ и въ городахъ возбудила въ нихъ гораздо бо́льшую склонность къ собесѣдованію.

Много было говорено объ извѣстномъ законѣ *сокращеннаго повторенія*, по которому фазы, проходимыя душею ребенка при постепенномъ ея формированіи, должны быть до извѣстной степени сокращеннымъ повтореніемъ развитія первичныхъ обществъ, хотя въ довольно смутномъ видѣ. Если въ такомъ воззрѣніи есть что-нибудь вѣрное, то изученіе разговора у дѣтей могло бы послужить для догадокъ о томъ, чѣмъ былъ разговоръ въ первые вѣка жизни человѣчества. Но дѣти задолго до того, какъ станутъ разговаривать (въ видѣ діалога), начинаютъ *спрашивать*. Этотъ допросъ, которому они подвергаютъ своихъ родителей и другихъ взрослыхъ людей, служитъ для нихъ первоначальною и одностороннею формой разговора. Позже они ста-

---

чина столь шумныхъ споровъ. Не умѣя отвѣтить мнѣ рѣшительно, они говорили мнѣ, что *это ихъ обычный способъ разсуждать между собою*». Но бываютъ и исключенія. По словамъ *Поучительныхъ писемъ*, жители Иллинойса обладали исключительнымъ даромъ вести разговоръ. «Они очень хорошо понимаютъ насмѣшку и не знаютъ, что значитъ спорить и горячиться при разговорѣ. Никогда они не прервутъ васъ въ бесѣдѣ. Мужчины, какъ намъ говорили, ведутъ совершенно праздную жизнь; они бесѣдуютъ, покуривая трубку,—вотъ и все. Женщины работаютъ, но тоже не прочь поболтать межъ собою».

новятся разсказчиками и слушателями *разсказовъ* или попеременно то разсказываютъ, то слушаютъ. Наконецъ еще позже они дѣлаютъ замѣчанія, высказываютъ все, что имъ вообще пришлось наблюдать, и это составляетъ зародышъ рѣчей; когда же и рѣчи въ свою очередь сдѣлаются взаимными, они переходятъ къ спору, а затѣмъ и къ разговору, собесѣдованію. Въ самомъ дѣлѣ, дитя бываетъ вѣрующимъ задолго раньше, чѣмъ становится спорщикомъ. И для него настаетъ фаза склонности противорѣчить, какъ раньше того оно прошло чрезъ фазу спрашиванья.

Но спрашиванье, разсказываніе, разговоръ, споръ—все это умственныя упражненія для ребенка. Этому предшествуютъ упражненія воли. Ребенокъ научается *повиноваться* и *приказывать* задолго раньше, чѣмъ научается учиться и учить. Повелительное наклоненіе онъ узнаетъ раньше изъявительнаго. Прежде чѣмъ спорить или разсуждать, ребенокъ дерется; онъ чувствуетъ противоположность желаній другого раньше, чѣмъ узнаетъ о противоположности сужденій другого. Онъ не можетъ чувствовать противоположности этихъ желаній, а потомъ этихъ вѣрованій иначе, какъ испытавъ на себѣ ихъ заразительное дѣйствіе. Его послушаніе и довѣрчивость составляютъ предварительное и необходимое условіе появленія въ немъ духа неповиновенія и противорѣчія. Итакъ ребенокъ оказывается спорщикомъ и говоруномъ, потому что прежде всего онъ подражатель.

Если мы по этимъ замѣткамъ будемъ дѣлать догадки о томъ, чѣмъ могло бы быть прошедшее разговора у человѣческихъ племенъ, то прежде всего придемъ къ заключенію, что разговоръ, несмотря на очень глубокую свою доисторическую древность, не долженъ восходить къ самому появленію человѣческаго рода. Ему долженъ былъ предшествовать не только длинный періодъ безмолвнаго подражанія, но позже еще и такая фаза, когда люди любили разсказывать и слушать разсказчиковъ, а не разговаривать. Это—фаза эпическихъ произведеній. Греки могли сколько угодно считать себя самымъ разговорчивымъ въ мірѣ народомъ, но не менѣе вѣрно и то, что во времена Гомера разговаривали мало, если исключить простое *спрашиваніе*. Всѣ разговоры имѣли въ виду какую-нибудь пользу, выгоду. Гомеровскіе герои слишкомъ много *разсказываютъ*, но очень мало *разговариваютъ*. Иначе сказать, ихъ разговоры не что иное, какъ

поперемѣнные разсказы. „При первыхъ лучахъ зари, говоритъ Менелай въ Одиссеѣ (пѣснь IV), мы съ Телемахомъ обмѣняемся длинными рѣчами и поговоримъ между собою". Обмѣниваться длинными рѣчами, это и называлось разговоромъ въ ту эпоху.

Единственные разговоры, казавшіеся тогда пустыми и праздными, все-таки были дѣловыми: это—разговоры любовные. Гекторъ, думая сходить и разыскать Ахилла, чтобы предложить ему условія мира, кончаетъ тѣмъ, что говоритъ себѣ: „Я не пойду къ этому человѣку; онъ не окажетъ мнѣ никакого сочувствія... Теперь не время разговаривать съ нимъ про дубы и про скалы, какъ говорятъ про это между собою юноши и дѣвицы. Гораздо лучше продолжать бой". Итакъ, молодые люди и дѣвицы любезничали уже и тогда, и ихъ любезности состояли въ разсказахъ „о дубахъ и скалахъ", т. е., повидимому, относившихся къ области народныхъ суевѣрій. Лишь цивилизовавшись и доживъ до эпохи Платона, греки стали находить удовольствіе въ разговорахъ для препровожденія времени подъ тѣнью тополей, окаймлявшихъ берега Илисса. Противоположно древнимъ эпопеямъ, а также и пѣснямъ, сопровождавшимся разными тѣлодвиженіями, въ которыхъ разговоры встрѣчаются рѣдко, новѣйшіе романы, начиная съ произведеній Скюдери, отличаются все болѣе и болѣе растущимъ обиліемъ разговоровъ.

III.

Чтобы лучше понять историческія преобразованія разговоровъ, очень важно будетъ пристальнѣе разобрать причины такихъ видоизмѣненій. Въ числѣ ихъ есть причины лингвистическія: богатство языка, его музыкальность, его особые оттѣнки сильно располагаютъ къ болтовнѣ. Есть причины религіозныя, потому что ходъ развитія разговоровъ мѣняется въ зависимости отъ того, больше или меньше даетъ свободы національная религія для всякихъ рѣчей, не мѣшаетъ она всякой легкомысленной болтовнѣ, пересудамъ и „духовному разврату", или же запрещаетъ все это подъ угрозой болѣе или менѣе тяжкихъ наказаній; враждебна она или нѣтъ развитію наукъ и народному просвѣщенію, налагаетъ или нѣтъ обязанность молчать на извѣстныя общественныя группы, какъ, напримѣръ, пиѳагоровскія общины или монашескія въ

христіанствѣ, вводитъ моду на такой или иной предметъ теологическихъ споровъ *). Есть причины политическія. Въ какой-нибудь демократіи разговоры находятъ для себя пищу въ вопросахъ, рѣшаемыхъ на трибунахъ или на выборахъ, а въ неограниченныхъ монархіяхъ — въ литературной критикѣ или въ психологическихъ наблюденіяхъ, за недостаткомъ другихъ болѣе важныхъ темъ, считающихся опасными. Есть и причины экономическія **), изъ которыхъ я указалъ уже самую главную: досугъ, свобода, какъ слѣдствіе удовлетворенія самыхъ настоятельныхъ потребностей.

Однимъ словомъ, нѣтъ ни одной стороны соціальной дѣятельности, которая не была бы въ тѣсномъ соотношеніи съ разговорами и перемѣны въ которой не измѣняли бы и разговоровъ. Укажу просто для памяти, какое вліяніе могутъ имѣть на разговоры извѣстныя особенности нравовъ, даже самыя маловажныя. Тонъ и направленіе разговора зависятъ, напримѣръ, отъ положенія тѣла, при которомъ разговоръ происходитъ. Когда собесѣдники *сидятъ*, то разговоры бываютъ самыми разсудительными и въ наше время они встрѣ-

---

*) Путешествуя по югу Испаніи Дюмонъ-Дюрвиль отмѣчаетъ слѣдующее: «Бой быковъ и споры о безпорочномъ зачатіи, возникшіе въ захолустныхъ монастыряхъ, занимаютъ всѣ умы, заглушая все остальное». Теперь онъ нашелъ бы, что здѣсь всѣ погружены въ политику, единственный предметъ разговоровъ въ Испаніи, какъ и во всѣхъ испанскихъ республикахъ Южной Америки.

**) Одно изъ главнѣйшихъ препятствій для устройства потребительныхъ обществъ, представляющихъ столь очевидныя выгоды для своихъ членовъ, по мнѣнію одного превосходнаго наблюдателя, заключается въ привычкѣ къ пересудамъ, находящей себѣ удовлетвореніе въ мелочныхъ лавочкахъ. «Тамъ именно всѣ встрѣчаются, тамъ обмѣниваются всѣми новостями квартала и тамъ происходитъ вся мелкая болтовня, столь любимая женщинами и такъ привязывающая ихъ къ торговцамъ. Такія именно привычки женщинъ и заставили нѣкоторыя общества продавать всѣмъ, а не членамъ только общества, потому что тогда потребительская лавка становится похожей на всѣ другія, и женщины думаютъ, что онѣ ходятъ въ обыкновенную лавочку». Отсюда видно, какъ силенъ и непреодолимъ потокъ говоренья, разъ онъ начался. Другимъ доказательствомъ того же служитъ общеизвѣстная трудность сохранить какую-нибудь тайну, когда человѣку извѣстно, что его собесѣднику любопытно ее знать, хотя бы ради собственной выгоды ему слѣдовало молчать. Эта трудность, иногда очень большая, можетъ служить мѣрой симпатическихъ наклонностей человѣка, его потребности въ духовномъ общеніи съ себѣ подобными.

чаются всего чаще; но не такъ было при дворѣ Людовика XIV, гдѣ право сидѣть предоставлялось только принцессамъ, а всѣ остальные должны были разговаривать *стоя*. Древніе въ своихъ *triclinіяхъ* предпочитали всякому другому разговоръ *лежа* *), который вѣроятно былъ не менѣе пріятенъ, если судить объ этомъ по характеристической медленности, тягучести, изнѣженности дошедшихъ до насъ писанныхъ разговоровъ. Но разговоры *на ходу* перипатетиковъ отмѣчены большою яркостью и живостью.

Несомнѣнно, что рѣчи, произносимыя стоя, глубоко отличаются по своей особенной торжественности отъ рѣчей, которыя говорятся сидя и бываютъ короче и проще. Что касается до рѣчей, которыя бы произносились человѣкомъ лежащимъ или расхаживающимъ, то я такихъ вовсе не знаю. Другое замѣчаніе. Довольно часто и тѣмъ чаще, чѣмъ ближе мы здѣсь къ первобытной жизни, мужчины и женщины, и особенно женщины, разговариваютъ между собою, что-нибудь дѣлая, напримѣръ занимаясь какой-нибудь нетрудной ручной работой, какъ это бываетъ у крестьянъ, на посидѣлкахъ, гдѣ мужчины лущатъ бобы или горохъ, а женщины прядутъ, шьютъ или вяжутъ чулки, или угощаясь напитками или купаньями, какъ бываетъ въ кофейняхъ, гостиницахъ, и проч. Сидѣть другъ противъ друга нарочно и исключительно лишь для разговора, это уже явленіе утонченной цивилизаціи. Очевидно, что дѣло, которымъ занимаются при разговорѣ, не остается безъ вліянія на способъ разговора. А вотъ и еще одинъ родъ вліянія: утренніе разговоры всегда кое-чѣмъ отличаются отъ разговоровъ послѣобѣденныхъ или вечернихъ. Въ Римѣ, гдѣ во времена Имперіи визиты дѣлались по утрамъ, не могло быть извѣстно ничего похожаго на наши разговоры въ „пять часовъ“ (five o'clock). Мы пропускаемъ еще много другихъ мелочей.

Прежде всего надо принять во вниманіе время, которое люди могутъ посвятить на разговоры, число ихъ и особенности лицъ, съ которыми они могутъ говорить. Время для разговоровъ увеличивается вмѣстѣ съ досугами, доставляе-

---

*) Не будемъ его смѣшивать съ тѣмъ, о которомъ говоритъ намъ Дюмонъ-Дюрвиль по поводу Гавайскихъ острововъ: «Въ числѣ странныхъ обычаевъ народа, говоритъ онъ, надо указать способъ разговора, *лежа животомъ* на циновкахъ».

мыми богатствомъ или усовершенствованіями въ производствѣ. Число лицъ, съ которыми можно говорить, увеличивается по мѣрѣ уменьшенія числа самостоятельныхъ языковъ и по мѣрѣ расширенія области ихъ распространенія. Совершенно понятно также, что оно увеличивается съ численностью и плотностью населенія. Гораздо меньше—caeteris paribus—происходитъ разговоровъ на поляхъ, чѣмъ въ городахъ. Переселеніе изъ селъ въ города благопріятствуетъ, такимъ образомъ, дѣлу разговоровъ и заставляетъ ихъ видоизмѣняться. Но можетъ быть въ мелкихъ городахъ, гдѣ много людей праздныхъ и гдѣ всѣ другъ друга знаютъ, разговариваютъ больше, чѣмъ въ большихъ городахъ? Нѣтъ, потому что не хватаетъ предметовъ для разговора. Разговоры, заслуживающіе этого названія, здѣсь могутъ быть лишь отголоскомъ разговоровъ въ большихъ городахъ.

Число темъ для разговоровъ увеличивается съ успѣхами знаній, наукъ и съ ихъ распространеніемъ, съ увеличеніемъ всякаго рода свѣдѣній и съ быстротою ихъ распространенія. Наконецъ, съ измѣненіемъ нравовъ въ сторону демократизаціи возрастаетъ не только число возможныхъ собесѣдниковъ, но измѣняется и ихъ качество. Люди разныхъ слоевъ общества свободнѣе вступаютъ между собою въ разговоръ; и вслѣдствіе переселенія изъ деревень въ города, чрезъ распространеніе городскихъ нравовъ въ сельскомъ даже населеніи, при повышеніи средняго уровня общаго образованія, свойства разговоровъ становятся совершенно иными и старыя темы ихъ замѣняются новыми.

Вообще, умѣть говорить на томъ же языкѣ, имѣть понятіе объ общихъ идеяхъ, обладать досугомъ—вотъ необходимыя условія для разговариванія. Слѣдовательно, все, что объединяетъ языки и обогащаетъ ихъ, все, что объединяетъ воспитаніе и образованіе, смѣшивая нарѣчія, все, что увеличиваетъ досуги, сокращая трудъ и дѣлая его болѣе производительнымъ и исполняемымъ силами природы, содѣйствуетъ и успѣхамъ разговоровъ.

Отсюда можно видѣть, какое громадное вліяніе на нихъ оказали главнѣйшія изобрѣтенія нашего вѣка. Благодаря имъ, печать могла наводнить собою весь міръ и пропитать своимъ содержаніемъ самые глубокіе слои народонаселенія. И величайшая сила, управляющая новѣйшими собесѣдованіями, не что иное, какъ книга, какъ газета. До потопа.

произведеннаго тою и другою, въ разныхъ городахъ и въ разныхъ странахъ не было ничего столь различнаго, какъ предметы, тонъ и ходъ разговоровъ, и все это въ нихъ почти нисколько не мѣнялось со временемъ, отличаясь поразительнымъ однообразіемъ. Теперь все стало наоборотъ. Печать объединяетъ и оживляетъ разговоры, дѣлаетъ ихъ однообразными въ пространствѣ и разнообразными во времени. Каждое утро газеты даютъ своей публикѣ матеріалъ для разговоровъ въ теченіе дня. Всякій можетъ знать почти во всякую минуту, о чемъ люди разговаривали въ какомъ-нибудь клубѣ или въ курильной комнатѣ, въ коридорахъ палаты. Но предметы этихъ разговоровъ мѣняются съ каждымъ днемъ, съ каждою недѣлей. За исключеніемъ рѣдкихъ, по счастію, случаевъ національнаго или интернаціональнаго помѣшательства на одномъ предметѣ, это все возрастающее сходство одновременныхъ разговоровъ въ болѣе и болѣе обширной географической области составляетъ одну изъ отличительнѣйшихъ чертъ нашего времени, потому что она объясняетъ въ наибольшей части возрастающее могущество общественнаго мнѣнія въ борьбѣ его съ традиціей, да и съ самимъ разумомъ. И это все увеличивающееся несходство послѣдовательныхъ разговоровъ объясняетъ намъ также и подвижность, легкомысліе общественнаго мнѣнія, этотъ противовѣсъ его силы.

Однако одинаковые или измѣнчивые разговоры свидѣтельствуютъ все же о громадныхъ успѣхахъ въ соціальной жизни, потому что сліяніе классовъ и профессій, нравственное единство сыновъ своего отечества можетъ дѣйствительно осуществиться лишь съ того дня, когда сдѣлается возможнымъ продолжительный разговоръ между личностями, принадлежащими къ самымъ различнымъ классамъ и профессіямъ. Этимъ благодѣяніемъ—въ обмѣнъ за множество золъ—мы обязаны ежедневной печати.

Сдѣлаемъ одно очень простое, но не лишенное извѣстной важности замѣчаніе. Развитіе разговора совершалось не самопроизвольно, не отъ того лишь, что люди могли говорить. Напротивъ, необходимо было, чтобъ возникали новые случаи и появлялись послѣдовательно новые источники для разговоровъ, частію случайные, частію же логически необходимые, вытекающіе изъ ряда открытій географическихъ, физическихъ или историческихъ, изъ ряда изобрѣтеній земле-

дѣльческихъ или промышленныхъ, изъ появившихся новыхъ понятій и мыслей религіозныхъ или политическихъ, изъ произведеній литературныхъ или художественныхъ. Вотъ эти новости, появившіяся гдѣ-нибудь одна за другой и распространившіяся въ группѣ избранныхъ людей, прежде чѣмъ разойтись дальше, преобразовывали и перевоспитывали эту группу, заставляя ее презирать извѣстныя архаическія формы бесѣдъ съ ихъ допотопными словами и выраженіями, съ ихъ шутовствомъ или жеманствомъ и со всею ихъ искусственностью. Слѣдовательно, если подъ словомъ развитіе, эволюція разумѣть непрерывное и самопроизвольное совершенствованіе разговора, то это будетъ ошибкой. Замѣчаніе это приложимо ко всякому роду развитія, потому что если присмотрѣться ближе, то при всякомъ такомъ процессѣ замѣчаются перемежающіяся включенія чего-нибудь со стороны, послѣдовательныя и другъ на друга налагающіяся прививки и новыя сѣмена. Въ какомъ-нибудь маленькомъ городкѣ, недоступномъ, положимъ, для газетъ и лишенномъ удобныхъ сообщеній съ внѣшнимъ міромъ, какъ это было въ старину, люди могутъ говорить между собой сколько угодно, но эти разговоры никогда не возвысятся сами собою надъ простыми пересудами и сплетнями. Безъ печати провинціальные дворяне или „передовые люди“, какими бы отчаянными говорунами они ни были, вѣчно продолжали бы говорить объ охотничьихъ похожденіяхъ, да о родословныхъ мѣстной знати, а самые краснорѣчивые ораторы изъ судебнаго сословія могли бы разсуждать безъ конца лишь о правахъ и о подсудности, подобно тому, какъ, по словамъ Шопенгауера, нѣмецкіе офицеры-кавалеристы умѣютъ говорить только о женщинахъ, да о лошадяхъ.

Постепенно распространяющееся какъ бы волнами, всеуравнивающее и цивилизующее подражаніе, по отношенію къ которому разговоръ оказывается однимъ изъ самыхъ чудодѣйственныхъ средствъ, весьма легко объясняетъ необходимость двойственности стремленій, съ перваго же взгляда открываемыхъ нами въ развитіи разговоровъ, т. е. съ одной стороны численное возрастаніе возможныхъ собесѣдниковъ и дѣйствительно происходящихъ одинаковыхъ разговоровъ, а съ другой стороны, уже въ силу этого численнаго роста, переходъ отъ вопросовъ узкихъ, занимающихъ собою лишь очень малочисленную группу, къ вопросамъ все болѣе и

болѣе высокимъ и общимъ. До XVIII вѣка такой *салонъ*, какъ собранія у барона Гольбаха, былъ чѣмъ-то непонятнымъ. Салонъ m-me Рамбулье былъ салономъ *литературы* и *изысканнаго жеманства* безъ всякаго свободомыслія—допускались нѣкоторыя вольности въ изысканныхъ любовныхъ разговорахъ, да и то съ разборомъ! Въ салонѣ же Гольбаха, по словамъ Морелье, „или самые свободные, самые поучительные и самые оживленные разговоры, какіе только могли гдѣ-нибудь происходить. Я говорю „свободные“, разумѣя подъ этимъ свободу обсужденія вопросовъ философскихъ, религіозныхъ и правительственныхъ, потому что всякія вольныя шутки въ какомъ-нибудь иномъ родѣ отсюда были изгнаны“. Совершенно противоположное было въ XVI вѣкѣ и въ средніе вѣка. Здѣсь *галлофильство* было освобожденіемъ отъ разговоровъ исключительно насчетъ половыхъ отношеній и замѣнило собою всякую другую свободу. Салонъ Гольбаха, подобно салону Гельвеціуса и всѣмъ другимъ салонамъ XVIII вѣка, совмѣщалъ въ себѣ собесѣдниковъ всякихъ классовъ общества и всякихъ національностей, а такой подборъ былъ невозможенъ раньше. По крайнему разнообразію собесѣдниковъ въ сословномъ отношеніи, какъ и по необычайному разнообразію темъ для разговора и свободѣ ихъ выбора, эти салоны сильно отличались отъ всякихъ прежнихъ собраній для обмѣна мыслей.

Но если вышеупомянутая двойственная склонность всюду одинакова, то это не мѣшаетъ разговору исторически развиваться въ различныхъ странахъ и въ различныхъ цивилизаціяхъ столь же различнымъ образомъ, какъ отличается теченіе Нила отъ теченія Ганга или Амазонки. Мы уже видѣли, что исходныя точки разговоровъ многочисленны и разнообразны, но не менѣе различны и ихъ пути и ихъ конечныя состоянія, если послѣднія были достигнуты. Не вездѣ встрѣчаются придворные шуты, глупыя шутки которыхъ доставляли такое развлеченіе въ средніе вѣка; не вездѣ же бывали и салоны Рамбулье, появленіе которыхъ имѣло слѣдствіемъ хотя то, что для общества сдѣлались невыносимыми всякіе юродивые *). Для Франціи несомнѣнно, что

*) Одинъ изъ нихъ, Брускэ, находилъ забавнымъ выдавать себя за лѣкаря и понятно отправлялъ ad patres всѣхъ, кого лѣчилъ. Вмѣсто того, чтобъ его повѣсить, Генрихъ II назначилъ его начальникомъ Парижскаго почтамта.

исчезновеніе этихъ кривляющихся и надоѣдливыхъ шутовъ является наилучшимъ свидѣтельствомъ успѣшности общественныхъ разговоровъ. Послѣднимъ шутомъ былъ Анжели, при Людовикѣ XIII. Но въ Римѣ, въ Аѳинахъ и на Крайнемъ Востокѣ ничего подобнаго не было.

Въ какого рода собесѣдованіяхъ пришло раньше всего къ самосознанію искусство разговора? Было ли это въ любовной болтовнѣ, въ дипломатическихъ ухищреніяхъ, или же въ церковныхъ и школьныхъ спорахъ? Это зависитъ отъ особенностей страны. Итальянскій разговоръ развивался преимущественно въ дипломатіи, французскій шлифовался особенно въ придворныхъ любезностяхъ, аѳинскій совершенствовался на софистическихъ измышленіяхъ, римскій разговоръ вырабатывался въ преніяхъ на форумахъ, а при Сципіонахъ на урокахъ греческихъ риторовъ. И если способы расцвѣта были столь различны, то можно ли удивляться, что окраска и запахъ цвѣтка оказались тоже крайне разнообразными? Лансонъ смотритъ на время Сципіоновъ, какъ на такое, когда римляне научились разговаривать изящно и вѣжливо. Въ діалогахъ Цицерона и Варрона онъ видитъ не только сколокъ съ разговоровъ Платона, но даже „идеализованный, хотя живой и вѣрный, образецъ разговоровъ въ римскомъ обществѣ». Впрочемъ, эти разговоры были суховаты и пахли школой, а не дворцомъ.

Женщины могли появиться въ кругу разговаривающихъ лишь значительно позже, при Северахъ или Антонинахъ, а во Франціи онѣ царили здѣсь все время подъ вліяніемъ христіанства и рыцарской любезности. Появленіе женщинъ въ соціальной жизни, не будучи безусловно необходимымъ, какъ мы видѣли, для всѣхъ успѣховъ разговора, одно только обладало даромъ довести разговоръ до той степени гибкости и красоты, какая придаетъ ему высшую прелесть во Франціи.

Можно указать еще и другое общее направленіе въ видоизмѣненіи разговора. Среди прихотливыхъ извилинъ различныхъ своихъ потоковъ онъ стремится быть все меньше и меньше борьбой, становясь все болѣе и болѣе обмѣномъ мыслей. Удовольствіе спорить соотвѣтствуетъ еще дѣтскому инстинкту, инстинкту, напримѣръ, котятъ и всякихъ молодыхъ животныхъ, которыя подобно нашимъ дѣтямъ забавляются притворной или сильно смягченной дракой. Но въ

діалогахъ между взрослыми людьми количество споровъ становится пропорціонально все меньше и меньше. Прежде всего есть цѣлая категорія споровъ, нѣкогда почти безчисленныхъ и весьма горячихъ и оживленныхъ, которые теперь быстро исчезаютъ: таковы всѣ запрашиванія, «препирательства» о цѣнахъ въ торговлѣ, замѣнившіяся опредѣленными разъ на всегда «цѣнами безъ запроса». Во вторыхъ, по мѣрѣ того, какъ свѣдѣнія обо всемъ становятся болѣе точными, правильными и разносторонними, по мѣрѣ того, какъ люди узнаютъ численныя данныя о разстояніяхъ, о населеніи городовъ и государствъ, и проч., всѣ жестокіе споры, возникавшіе изъ собирательнаго самолюбія, каковы напримѣръ споры о томъ, что такая-то корпорація, такой-то храмъ, такая-то фамилія важнѣе такихъ-то другихъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, богатству, славѣ, могуществу, или споры о томъ, какой изъ двухъ портовъ важнѣе по числу кораблей, по ихъ величинѣ, и проч., прекратились за отсутствіемъ предмета для нихъ. Еще болѣе жестокіе споры, возникавшіе изъ-за столкновеній на почвѣ личнаго самолюбія, личной гордости, вслѣдствіе взаимнаго незнанія другъ друга, прекращаются или ослабѣваютъ при болѣе частомъ соприкосновеніи съ другимъ и полномъ съ нимъ знакомствѣ. Всякое новое свѣдѣніе способствуетъ осушенію какого нибудь стараго источника споровъ. И сколько подобныхъ источниковъ уже высохло съ начала недавно окончившагося вѣка! Распространяющаяся привычка путешествовать много способствовала ясному пониманію того, какое представленіе составляютъ себѣ другъ о другѣ различныя провинціи и разные народы, и сдѣлала невозможнымъ возникновеніе новыхъ споровъ, порождаемыхъ невѣжественнымъ патріотизмомъ. Наконецъ, возрастающее безразличіе въ религіозномъ отношеніи съ каждымъ днемъ все легче и легче даетъ замѣтить появленіе новаго правила вѣжливости, запрещающаго всякіе религіозные споры, нѣкогда самые жестокіе и страстные изъ всѣхъ. Безразличіе въ вопросахъ политики, дѣлаясь все болѣе общимъ, также начинаетъ уже производить подобное же отношеніе и въ этой бурной области.

Правда, что если успѣхи въ точныхъ и несомнѣнныхъ знаніяхъ порѣшили съ вопросами, волновавшими людей прежде, то они же поставили вопросы новые, вызвавъ и

новые споры; но эти послѣдніе по своей сущности болѣе безличны и не столь остры, такъ что исключаютъ всякую запальчивость; это споры философскіе, литературные, эстетическіе, моральные; они подстрекаютъ спорящихъ, но не наносятъ имъ ранъ. Повидимому одни только парламентскіе споры—да и то лишь повидимому—ускользаютъ отъ этого закона постепеннаго смягченія и можно сказать, что въ западно-европейскихъ новѣйшихъ державахъ зародыши всякихъ споровъ стекаются въ парламенты, какъ въ послѣднее свое убѣжище.

Итакъ, можно утверждать, что будущее принадлежитъ разговору тихому и спокойному, исполненному вѣжливости и учтивости. Что касается до того, какого рода разговоръ сдѣлается наконецъ преобладающимъ, будетъ ли это разговоръ любовный или философскій, или же эстетическій, то пока еще ничто не позволяетъ его рѣшить. Историческое развитіе его, безъ всякаго сомнѣнія, должно имѣть нѣсколько исходовъ или концовъ, какъ различны были и его начала, и къ этому ведутъ разные пути, несмотря на нѣкоторое единство общаго направленія.

Почти нѣтъ надобности замѣчать—до того это очевидно—что развитіе разговора сообразуется съ *законами подражанія*, и особенно съ закономъ подражанія высшему со стороны низшаго, т. е. считаемаго такимъ и считающаго такимъ самого себя. Такимъ образомъ подтвердится и здѣсь справедливость той мысли, на которой я настаивалъ уже много разъ, что столицы въ современныхъ демократіяхъ играютъ роль аристократій прежняго времени. Долгое время новыя формы и новые предметы для разговора исходили во Франціи отъ двора и отъ избранной аристократіи, которымъ подражали дворцы въ большихъ городахъ и замки, а затѣмъ дома горожанъ. Теперь все это исходитъ изъ Парижа, которому подражаютъ большіе города, средніе и маленькіе, до послѣдней деревеньки, такъ какъ всюду дешевые листки и газеты, то прямо парижскіе, то передаваемыя по телеграфу извѣстія изъ Парижа, распространяютъ вездѣ и тонъ и мелочи ежедневныхъ разговоровъ. Доказательствомъ этого служитъ въ особенности распространеніе парижскаго произношенія вплоть до крайняго юга. Какъ у насъ, такъ и за-границей, въ провинціяхъ распространяется столичный выговоръ и никогда не бываетъ наоборотъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ столица

считается таковою на самомъ дѣлѣ. Если бы столицей Франціи былъ Бордо, то вся Франція говорила бы на гасконскомъ нарѣчіи.

IV.

Послѣ этого общаго обзора историческаго развитія разговора, займемся теперь нѣсколько подробнѣе разговоромъ образованныхъ людей, какъ особымъ искусствомъ и изысканнымъ удовольствіемъ [1]). Къ какому моменту относится его разцвѣтъ? Почти несомнѣнный признакъ его мы находимъ въ разцвѣтѣ драматическаго искусства и особенно комедіи, которая, состоя исключительно изъ разговора, не могла возвыситься до того, чтобы занять первое мѣсто въ литературѣ и замѣнить собою эпическіе разсказы, гдѣ все состоитъ въ дѣйствіи, прежде чѣмъ въ дѣйствительной жизни не нашлось образцовъ разговоровъ, столь же блестящихъ и красивыхъ, какъ и битвы. Этимъ объясняется, что эпопея всюду предшествовала драмѣ.

Замѣтимъ, что разговоры всегда отражаютъ дѣйствительную жизнь: эскимосъ и краснокожій ни о чемъ больше не говорятъ, какъ объ охотѣ, солдаты разговариваютъ о сраженіяхъ, игроки объ игрѣ, а матросы о путешествіяхъ. Обычная жизнь и занятіе воспроизводятся въ снахъ ночью, а днемъ—въ разговорахъ, представляющихъ своего рода сложныя сновидѣнія вдвоемъ или втроемъ, внушаемыя взаимно. Они же воспроизводятся и писанною литературой, закрѣпляющей устную рѣчь. Но драматическое искусство есть нѣчто большее, чѣмъ простое сохраненіе разговора, это искусственное его *воспроизведеніе*, созданіе. Оно до нѣкоторой степени отраженіе отъ отраженія дѣйствительной жизни.

О другомъ, еще болѣе очевидномъ признакѣ господства слова, какъ плода образованности, говоритъ обычай отдѣлять одну изъ комнатъ въ домахъ, занимаемыхъ людьми высшаго класса, исключительно для разговоровъ. Уже и существованіе общественной «говорильни» такого рода очень зна-

[1]) «Намъ нужны люди всякаго рода, пишетъ m-lle Монпансье къ m-me Моттевиль, чтобъ можно было разговаривать обо всемъ; лишь такой *разговоръ* намъ, какъ и мнѣ, кажется *величайшимъ наслажденіемъ въ жизни, да почти и единственнымъ, по моему мнѣнію.*

менательно. У грековъ ихъ гимназіи въ числѣ своихъ принадлежностей имѣли крытую или некрытую ограду или залу, такъ называемую экзедру, служившую *клубомъ*, гдѣ собирались философы. Это было уже лучше, чѣмъ наши деревенскія сходки „на лугу подъ вязомъ“. И безъ сомнѣнія, лишь подражая грекамъ, римскіе патриціи временъ Имперіи обзаводились въ своихъ богатыхъ жилищахъ, рядомъ съ триклиніями и библіотеками, еще и галереей, называвшейся также экзедрою, гдѣ принимали философовъ, поэтовъ и уважаемыхъ посѣтителей.

Наши новѣйшіе салоны имѣютъ иное происхожденіе. Не происходятъ ли они отъ „разговорныхъ“ или гостиныхъ—*парлуаровъ* въ монастыряхъ, хотя послѣдніе отвѣчали совсѣмъ другой надобности—сдѣлать необходимое исключеніе, хоть гдѣ нибудь, изъ обязательнаго правила монастырскаго молчанія? Здѣсь кстати можно замѣтить, что обѣтъ молчанія, отказъ отъ всякаго безполезнаго разговора всегда разсматривались какъ самое суровое умерщвленіе плоти, какъ самое строгое правило, хотя и всего чаще нарушаемое, какое только могло быть изобрѣтено воображеніемъ основателей монашескихъ орденовъ. Это доказываетъ, до какой степени всеобща и непреоборима потребность разговора. Но стѣсненія усиливаютъ потребность; поэтому предположеніе наше представляется довольно вѣроятнымъ. Какъ бы то ни было, но возникнувъ въ итальянскихъ дворцахъ XV вѣка, *салонъ* началъ распространяться въ замкахъ временъ французскаго Ренессанса и въ дворцахъ Парижа, гдѣ у каждой свѣтской дамы-модницы (précieuse) появились въ дому *уголки, кабинеты, альковы*. Но по домамъ горожанъ, буржуазіи, до послѣдняго столѣтія распространялся онъ медленно; въ XIX же вѣкѣ не было уже столь тѣсной квартиры, гдѣ бы не появилось своего салона. Въ описаніи дома, построеннаго въ 1710 году въ Кресси прапрадѣдомъ Делаганта, сообщающаго объ этомъ, не упоминается объ особой комнатѣ для пріемовъ. Салонъ, столовая, даже спальня—все это замѣнялось одной только залой. Здѣсь рѣчь идетъ о человѣкѣ изъ высшей буржуазіи, стоявшемъ на пути къ обогащенію. Ѣли еще часто въ кухнѣ. Но въ этомъ домѣ, считавшемся тогда очень благоустроеннымъ и уютнымъ, былъ уже кабинетъ для отдыха, назначенный для уединенія, а не для пріемовъ.

Во Франціи отель Рамбулье, салонъ котораго открылся почти на самой зарѣ великаго вѣка, въ 1600 году, былъ уже не первою колыбелью, но первою школой искусства разговаривать. Лишь благодаря восьми сотнямъ модницъ, созданныхъ уроками этого отеля, могла распространиться повсюду эта „общая страсть къ разговору“, по выраженію одного изъ современниковъ. А изъ Франціи, служившей тогда всемірнымъ образцомъ для подражанія, страсть эта быстро стала распространяться и за ея предѣлами. Несомнѣнно, она оказала глубокое вліяніе на образованіе или на преобразованіе французскаго языка. Модницы, говоритъ аббатъ де-Пюръ, торжественно поклялись хранить *чистоту языка* и объявили безпощадную войну педантамъ и провинціаламъ. По свидѣтельству Сомеза, онѣ говорятъ иногда *новыя слова*, не понимая ихъ, но произнося съ невообразимымъ изяществомъ и необыкновенно легко и свободно. Аббатъ де-Пюръ сообщаетъ, что въ своихъ разговорахъ онѣ на каждомъ шагу останавливаются на вопросахъ языка и грамматики. Одна изъ нихъ не желаетъ, чтобы говорили: „я люблю дыню“, потому что это значитъ опошливать слово „люблю“. У каждой модницы есть опредѣленный день, въ который она принимаетъ своихъ рыцарей словесныхъ турнировъ,—отсюда и *Альковный календарь*. Обычай этотъ приписывали дѣвицѣ Скюдери, безсознательными подражательницами которой являются всѣ безчисленныя наши современницы: у каждой изъ нихъ есть тоже свой день.

Для этихъ модницъ и для всѣхъ важныхъ дамъ, бравшихъ съ нихъ примѣръ, разговоръ былъ до такой степени важнымъ искусствомъ, что на своихъ собраніяхъ онѣ всячески остерегались всякой ручной работы, несмотря на совершенно противоположныя привычки женщинъ того времени. „Я тщетно искалъ, говоритъ Рёдереръ, въ литературѣ того времени указаній, чѣмъ занимались женщины высшаго общества при такихъ разговорахъ“. Автору хотѣлось бы видѣть въ ихъ рукахъ иголку, челнокъ, веретено, клубокъ: видѣть ихъ за вышивкой или за работой по канвѣ; но ничего подобнаго не было. И это тѣмъ болѣе удивительно, что позже того можно было видѣть г-жу Ментенонъ мотавшей клубки съ веретенъ при бесѣдахъ съ Людовикомъ XIV; она продолжала оставаться вѣрной старымъ обычаямъ.

Для дѣйствительно цивилизованнаго общества еще не достаточно, чтобы самая употребительная мебель и самые скромные предметы обстановки были предметами искусства, но нужно также, чтобы даже самые незначительные слова и жесты, помимо ихъ надобности и полезности, отличались особою красивостью и пріятностью, но безъ всякаго ихъ подчеркиванія. Нужно, чтобы и въ движеніяхъ тѣла былъ извѣстный „стиль“, какъ бываетъ онъ въ вещахъ. Вотъ почему Тюрго, по словамъ Морелье, возмущалъ свою мать за время своего отрочества: „она находила его неуклюжимъ, потому что онъ не умѣлъ красиво расшаркиваться“. Всѣмъ этимъ и отличался французскій аристократическій міръ XVII и XVIII вѣковъ. Но воздержимся отъ заключенія, что эта склонность его представляетъ что-то исключительное. Та же самая потребность, лишь подъ другимъ видомъ, даетъ себя знать во всякомъ образованномъ обществѣ. Она чувствуется еще и среди насъ во всѣхъ эстетическихъ оазисахъ нашей демократіи. И можно ли сказать вмѣстѣ съ Тэномъ, что вкусъ къ изящному разговору и къ салонной жизни былъ не только болѣе силенъ въ высшихъ классахъ при старинномъ строѣ, но и представлялъ единственную и характеристическую особенность французскаго общества на этой ступени его развитія?

Здѣсь этотъ столь проницательный умъ ошибается и его ошибка далеко не маловажна. Напримѣръ, онъ приписываетъ салонной жизни вкусъ къ общимъ идеямъ въ старой Франціи. Но Токвиль, находя, что въ его время вкусъ къ общимъ идеямъ былъ сильнѣе развитъ въ Соединенныхъ Штатахъ, чѣмъ въ Англіи, несмотря на племенное и нравственное сходство, повидимому, гораздо вѣрнѣе объясняетъ это вліяніемъ начала равенства между гражданами. Удовольствіе бесѣдовать объ общихъ понятіяхъ или о нравственныхъ обобщеніяхъ было, такимъ образомъ, испробовано въ иныхъ мѣстахъ безъ возникновенія салонной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, салонъ, какъ мы уже сказали, не болѣе, какъ признакъ, какъ одинъ изъ признаковъ, а вовсе не единственная форма или рамка цивилизованнаго разговора, который и безъ этого могъ возникнуть въ Греціи при Перпклѣ, въ Римѣ при Августѣ, а въ Средніе вѣка въ итальянскихъ городахъ. Потребность разговаривать развивала то жизнь греческой гимназіи, то жизнь форума, то жизнь монастыря,

въ особенности женскихъ монастырей, гдѣ разговоры, вѣроятно, были очень оживленны и интересны во времена Людовика Святого, когда ихъ посѣщалъ осрамившійся епископъ Риго. Во Франціи нашего времени стремится развиваться преимущественно жизнь кофейныхъ и клубовъ, несмотря на подражательное и суетное размноженіе салоновъ.

Свѣтскость въ старой королевской Франціи возникла изъ многихъ элементовъ и сложнымъ образомъ. Будемъ считать въ числѣ ихъ, кромѣ удовольствія бесѣдовать, также и удовольствіе брать примѣры съ двора или съ придворныхъ образцовъ, т. е. съ іерархической группировки мужчинъ и женщинъ, находящихся въ присутствіи такого лица, которому воздаютъ почести всѣ и которое въ маломъ видѣ представляетъ самого монарха, а именно хозяина или хозяйки дома. Искусство держать себя въ такой средѣ не состоитъ исключительно лишь въ искусствѣ вести разговоръ; оно предполагаетъ прежде всего легкое, вѣрное и мягкое распредѣленіе знаковъ уваженія соотвѣтственно заслугамъ и рангамъ; и пріятность удовлетворенія честолюбія посредствомъ этого цѣнится въ іерархически подобранномъ обществѣ всѣми по крайней мѣрѣ такъ же, какъ пріятность обмѣна и согласованія мыслей. Наконецъ, особаго рода гегемонія, царственное преимущество, предоставляемое женщинамъ во французскихъ салонахъ, было бы не понятно безъ древняго учрежденія рыцарства, обломки котораго были подобраны монархическими дворами.

Упреки, дѣлаемые Тэномъ свѣтской жизни въ его книгѣ о *Прежнемъ Строѣ* (Ancien regime), не относятся слѣдовательно къ разговору вообще. Не справедливо было бы утверждать, что послѣдній необходимо бываетъ „искуственнымъ и сухимъ“. Даже и по отношенію къ жизни самаго аристократическаго салона это будетъ справедливо только въ извѣстной степени. Во-первыхъ, салонная жизнь, какъ она ни старается выразить почтеніе къ соціальной іерархіи, но разъ она прежде всего стремится къ соціальной гармоніи путемъ взаимнаго удовлетворенія самолюбій, то совершенно неизбѣжно должно случиться, что даже тщательно соблюдая разстоянія между рангами, она ихъ уменьшаетъ. О ней, какъ и дружбѣ, можно сказать: pares aut facit, aut invenit (она равныхъ находитъ или ими дѣлаетъ), т. е., что она можетъ возникнуть между равными, или же уравнять нерав-

ныхъ; она рождается лишь между сходными, или же уподобляетъ несходныхъ. Только уравниваетъ она и уподобляетъ лишь съ теченіемъ времени. Но нѣтъ сомнѣнія, что равенство правъ и ранговъ есть единственное устойчивое и окончательное равновѣсіе между самолюбіями при продолжительномъ ихъ соприкосновеніи. Впрочемъ салонная жизнь, какъ всѣ это знаютъ, только одна условная маска, прозрачная дымка, прикрывающая глубокое неравенство индивидуальныхъ талантовъ и заслугъ и служащая лишь для приданія имъ цѣны. Этотъ призракъ равенства окончательно переходитъ въ расцвѣтъ общительности. При королевскомъ дворѣ, наперекоръ всякимъ препонамъ этикета, привычка быть въ обществѣ короля и разговаривать съ нимъ установила между нимъ и его подданными почти-что уравнявшую ихъ фамильярность. „Государь!—говорилъ Людовику XVI маршалъ Ришелье, видѣвшій два предыдущія царствованія,—при Людовикѣ XIV никто не смѣлъ сказать слова, при Людовикѣ XV говорили шепотомъ, а при вашемъ величествѣ говорятъ вслухъ“. Но уже задолго раньше, чѣмъ уменьшилось разстояніе между дворцовыми гостями и царственнымъ хозяиномъ, начало изглаживаться мало-по-малу разстояніе между всѣми приглашаемыми и знать безпредѣльно различныхъ степеней начала сливаться въ одно цѣлое, лишь благодаря посѣщенію королевскаго двора.

„Искусственная жизнь“? Да правда ли, что жизнь салонная или (прибавимъ) клубная, ресторанная и проч. непремѣнно искусственна? Общительная природа человѣка не влечетъ ли его всегда и всюду къ общимъ развлеченіямъ, къ увеселительнымъ собраніямъ подъ разнообразными видами? И не естественны ли они точно такъ-же, какъ *стадность* овцамъ? Что касается до „сухости сердца“, необходимо порождаемой салонною жизнью, то я вижу ея причину въ томъ крайнемъ неравенствѣ, какое образуется, подобно какой-то безднѣ, между родителями и дѣтьми или даже между друзьями, пока всецѣло царитъ аристократія, вслѣдствіе крайняго развитія почтительности къ ней. Но когда вслѣдствіе вліянія салонной же жизни, какъ это было сейчасъ сказано, такое неравенство начинаетъ уменьшаться, появленіе естественныхъ чувствъ нѣжности и состраданія встрѣчается охотно и выказываніе ихъ можетъ даже сдѣлаться свѣтскою страстью, какъ это и было во всю вторую

половину XVIII вѣка, „возвращеніемъ къ природѣ“, гдѣ далеко не все было притворнымъ и искусственнымъ. Уже одно то, что салонная жизнь, въ одной изъ своихъ фазъ, именно въ конечной фазѣ, близъ, такъ-сказать, своего устья благопріятствовала распространенію чувствительности и нѣжныхъ изліяній, показываетъ, что сердечная черствость не представляетъ существенной отличительной черты свѣтскости.

Нѣтъ сомнѣнія, что салонная жизнь при старомъ государственномъ строѣ вредила домашней жизни, жизни семьи. Но это можно сказать о всякомъ слишкомъ поглощающемъ, втягивающемъ въ себя занятіи, будетъ ли оно профессіональное, эстетическое, политическое или религіозное. Правда, что теперь вредитъ семейной жизни уже не салонная жизнь, но жизнь въ клубахъ или кофейныхъ; для рабочаго это будетъ жизнь въ мастерской, для дѣлового человѣка жизнь въ конторахъ, для политика — жизнь выборовъ и парламента. Еще позже, если мечты коллективистовъ осуществятся, это будетъ жизнь фаланстера.

Но къ числу существенныхъ особенностей свѣтскости мы не можемъ отнести того, на что Тэнъ указываетъ, какъ на одну изъ отличительныхъ и рѣзкихъ ея чертъ, именно свойственнаго ей отвращенія къ значительнымъ нововведеніямъ, боязни всего своеобразнаго. Въ дѣйствительности всякая напряженная соціальная жизнь сопровождается возникновеніемъ могучаго потока нравовъ, мнѣній, привычекъ, идти противъ котораго очень трудно, такъ что большая часть всего оригинальнаго средней силы тонетъ въ этомъ потокѣ. Устоять противъ него удается лишь однѣмъ сильнымъ и исключительнымъ оригинальностямъ и въ такомъ случаѣ онѣ становятся центромъ новой заразы, откуда распространяются новости, носящія отпечатокъ личныхъ особенностей этихъ людей и замѣняющія собою старыя марки или наслаивающіяся на нихъ. Таково было прославленіе жизни дикихъ людей, которое, прогремѣвъ среди разнузданной свѣтскости своего времени, перелило ее въ новую форму по иному образу и подобію. Скажетъ ли также кто-нибудь, что Дидро, Вольтеръ и многіе другіе заставили всѣхъ подчиниться своимъ личнымъ особенностямъ, всячески ослабляя послѣднія?

Морелье, одинъ изъ современниковъ Дидро, превозноситъ его способъ разговаривать. „Въ его разговорѣ чувство-

валась большая сила и необыкновенная очаровательность, спорилъ онъ оживленно и вполнѣ искренно, проявлялъ большую проницательность, но избѣгалъ темноты; рѣчь его принимала разнообразныя формы, блистала воображеніемъ, была обильна мыслями и будила мысли другихъ; она лилась, какъ рѣка, по цѣлымъ часамъ и никто не мѣшалъ этому".—Да, именно частные разговоры, разговоры свѣтскіе во второй половинѣ XVIII вѣка и были скрытыми источниками великаго потока, произведшаго глубочайшій переворотъ во Франціи. Вотъ сильнѣйшее возраженіе противъ предполагаемаго отвращенія салоновъ къ новшествамъ (мизонеизма).

V.

Историческое развитіе салонной жизни можетъ помочь намъ взглянуть на развитіе разговора съ другой и болѣе рѣзкой его стороны. Словомъ „общество", превосходно выражающимъ сущность дѣла, такъ какъ оно говоритъ объ *общеніи*, т. е. объ обмѣнѣ мыслями, какъ о единственной соціальной связи, вполнѣ достойной этого имени, мы называемъ группу людей, обычно собирающихся гдѣ нибудь, чтобы вмѣстѣ бесѣдовать между собою. Въ самыхъ низшихъ слояхъ населенія существуютъ „общества"; и хотя они очень малы, но зато весьма многочисленны. Въ самой захолустной деревнѣ найдется два-три крестьянина, привыкшихъ видаться между собою на посидѣлкахъ или въ харчевнѣ и, сидятъ ли они за работой въ частномъ домѣ или бражничаютъ въ харчевнѣ, даже если они почти молчатъ, они все-таки бесѣдуютъ. Это все зародыши салоновъ и клубовъ. И по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся по соціальной лѣстницѣ, мы замѣчаемъ, что число такихъ обществъ уменьшается, но каждое изъ нихъ увеличивается. Кофейныя или харчевни рабочихъ бываютъ заняты группами бесѣдующихъ или спорящихъ, обыкновенно знакомыхъ между собою и составляющихъ уже довольно сплоченные кружки. Мелкіе торговцы собираются въ гостиницахъ и имѣютъ свой, хотя очень узкій, салонъ, представляющій уменьшенную копію, сколокъ съ собраній высшаго класса. Эти послѣднія въ большинствѣ средней величины городовъ разбиваются не больше, какъ на два, на три „общества", а иногда, при чемъ явленіе это

стремится сдѣлаться общимъ, они составляютъ до нѣкоторой степени одну и ту же свѣтскую корпорацію, одно только „общество“. То же самое стремленіе замѣчается и въ самыхъ большихъ городахъ, и въ Парижѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, вездѣ, какъ будто на зло успѣхамъ демократіи, тотъ классъ общества, что до сихъ поръ считается еще самымъ блестящимъ, если не самымъ высшимъ, ищетъ всякаго случая, чтобъ уцѣлѣвшіе и очень еще не малые обломки его встрѣчались между собою, объединялись и спаявались.

Такимъ образомъ, несмотря на многія исключенія, общее правило будетъ то, что объемъ „обществъ“ находится въ обратномъ отношеніи съ численною важностью того класса, которому они принадлежатъ. Они имѣютъ тѣмъ бо́льшій объемъ, чѣмъ малочисленнѣе классъ, къ которому принадлежатъ ихъ члены. Отъ простонародья до избранной знати соціальная пирамида возвышается, постепенно съуживаясь, между тѣмъ какъ соотвѣтствующія общества все болѣе и болѣе расширяются. Это объясняется возрастающимъ досугомъ, болѣе обширнымъ знакомствомъ и бо́льшимъ обиліемъ предметовъ для общихъ разговоровъ по мѣрѣ нашего восхожденія по соціальной лѣстницѣ. И въ то же время это доказываетъ постоянное стремленіе соціальнаго прогресса распространить возможно больше общенія между умами, ихъ взаимное соприкосновеніе и проникновеніе. Дѣйствительно, лишь за разговоромъ души людей могутъ взаимно посѣщать другъ друга и взаимно проникать одна въ другую.

Темы для разговоровъ мѣняются съ переходомъ отъ одного соціальнаго слоя къ другому. О чемъ говорятъ въ маленькихъ деревенскихъ клубахъ на посидѣлкахъ? Конечно, нигдѣ больше не говорятъ о погодѣ, о дождѣ и о вёдрѣ, какъ здѣсь, потому что эта тема здѣсь не праздная болтовня, а находится въ связи съ надеждами или опасеніями за будущій урожай. О политикѣ говорятъ тутъ только въ періоды выборовъ. Здѣсь всего чаще занимаются сосѣдями, подсчитываютъ ихъ доходы и *сплетничаютъ*. Профессіональная и личная сторона разговоровъ сильна еще въ бесѣдахъ ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, но разговоры о дождѣ и хорошей погодѣ, какъ основной предметъ всѣхъ бесѣдъ, замѣняются здѣсь политикой съ точки зрѣнія сегодняшней газеты. Мѣсто атмосферной метеорологіи занимаетъ метеорологія политическая, а это большой соціаль-

ный шагъ. Даже дѣльцы и медики, любящіе лишній разъ поговорить о собственныхъ дѣлахъ, часто освобождаютъ свой умъ отъ этого, отваживаясь высказать кое-какія соображенія философскаго или научнаго порядка. Наконецъ надо дойти до самыхъ просвѣщенныхъ обществъ, чтобъ увидѣть сведеніе къ ничтожному минимуму разговоровъ, касающихся профессіональныхъ занятій и текущей политики, а напротивъ услышать бесѣды объ общихъ идеяхъ, внушенныхъ чтеніемъ книгъ, путешествіями, широкимъ и основательнымъ общимъ образованіемъ и личными размышленіями.

Дѣйствительно, чѣмъ дальше мы углубляемся въ прошедшее, тѣмъ больше мы видимъ, что люди, даже среднихъ классовъ, замыкались въ кругѣ лишь ихъ личныхъ занятій. Въ одномъ изъ своихъ писемъ (1644 г.) m-lle Скюдери забавно разсказываетъ о своемъ путешествіи въ почтовой каретѣ и о разговорѣ, завязавшемся между ея спутниками. „Это были: одинъ молодой капиталистъ, какой-то плохой музыкантъ, руанская мѣщанка, только-что проигравшая свое дѣло въ Парижѣ, торговка съ улицы св. Антуана, гдѣ у ней мелочная лавочка, и торговка свѣчами съ улицы Мишель-Контъ, желавшая повидать „море и землю“; затѣмъ молодой студентъ, возвращавшійся изъ Буржа за полученіемъ своего юридическаго диплома, одинъ трусливый буржуа и одинъ краснобай изъ нижней Нормандіи, сказавшій больше остротъ, чѣмъ говорилъ ихъ аббатъ Франкето, когда они были въ модѣ; желая подсмѣиваться надъ обществомъ, онъ давалъ больше поводовъ смѣяться надъ собою, чѣмъ другіе“. И вотъ всѣ эти люди, пускаясь въ разговоръ, говорятъ каждый о своихъ личныхъ занятіяхъ или профессіональныхъ. Капиталистъ никакъ не можетъ сойти съ почвы рубля. Музыканту постоянно хочется пѣть. Свѣчная торговка думаетъ все о своей лавочкѣ. Студентъ ни о чемъ больше не говоритъ кромѣ писаннаго права, обычаевъ, да еще великаго законовѣда Кюжà (Cujas), при всякомъ удобномъ случаѣ. „Если бы заговорили о красивыхъ женщинахъ, то онъ сказалъ бы, что Кюжà имѣлъ красивую дочь“.—Вообще мы ясно видимъ, что разговоръ этотъ былъ сплетеніемъ монологовъ и что здѣсь не существовало никакихъ общихъ вопросовъ, способныхъ заинтересовать всѣхъ разговаривающихъ одновременно, а значитъ, и никакого общаго разговора“.—Въ наше время, благодаря газетамъ, такіе общіе

вопросы всегда найдутся для самыхъ различныхъ по сословіямъ, классамъ и профессіямъ собесѣдниковъ. Прежде же они существовали лишь изрѣдка. Поэтому m-lle Скюдери называетъ „плохой компаніей“ (mauvaise compagnie) это нестрое собраніе путешественниковъ. Дѣйствительно, въ ея время, чтобъ насладиться прелестью общаго разговора, занимательнаго для всѣхъ разговаривающихъ, нужно было жить въ тѣсномъ и замкнутомъ кружкѣ, состоящемъ изъ людей одного и того же класса и одинаковыхъ по воспитанію, каковъ былъ кружокъ отеля Рамбулье. Этимъ и объясняется вся прелесть такихъ духовныхъ убѣжищъ. Лафонтенъ, въ письмахъ къ своей женѣ, тоже сказалъ свое слово о разговорахъ его спутниковъ въ почтовой каретѣ. И мы видимъ, что они были весьма ничтожны, за исключеніемъ лишь оживленнаго спора между католиками и протестантами насчетъ догматовъ.

Что касается до разговоровъ самаго общаго свойства, то, какъ мы видѣли, ежедневная печать здѣсь перестаетъ быть для нихъ метрономомъ и самымъ обычнымъ руководителемъ или по крайней мѣрѣ здѣсь ея подстрекательство не столь непосредственно, если нельзя сказать: не столь глубоко. Она даетъ пищу для разговора лишь въ тѣ дни, когда въ газетахъ появляется какая-нибудь поражающая вниманіе новость, какой-нибудь безотвязный вопросъ. При отсутствіи этого, разговоръ освобождается отъ вліянія печати, идетъ по непредвидѣнному направленію, откапываетъ совершенно чуждые ей вопросы и такимъ образомъ дѣлаетъ изъ общества людей изысканной образованности какой-то магическій кружокъ, непрестанно расширяющійся въ пространствѣ и во времени, связывающій между собою весь отборъ, все выдающееся въ цивилизованныхъ народахъ и присоединяющій ихъ всѣхъ „къ порядочнымъ людямъ“, къ историческимъ личностямъ каждой націи.

Въ самомъ дѣлѣ, очень вѣроятно, что если бы жеманныя модницы XVII вѣка могли возродиться и, само собою разумѣется, вновь приняться за разговоры, то ихъ бесѣды пожалуй, были бы для насъ интересны. И нѣтъ никакого сомнѣнія, онѣ были бы крайне интересны для нашихъ феминистовъ. „Въ ихъ собраніяхъ, по словамъ аббата де-Пюра, занимались разборомъ вопроса, чему слѣдуетъ отдать предпочтеніе—наукѣ или поэзіи. Здѣсь спорили о томъ, нужно

ли предпочитать исторію романамъ или романы исторіи. Задавались вопросы о томъ, какою свободой женщины пользовались и имѣли право пользоваться въ обществѣ и въ супружеской жизни. Свобода, которой требовали въ этомъ отношеніи, была ближе къ господству, чѣмъ къ независимости. Подозрѣнія мужа, говоритъ одна изъ ораторшъ, даютъ, кажется, женѣ право сдѣлать проступокъ. Одна изъ модницъ превозноситъ Корнеля, другая предпочитаетъ ему Бенсерада, болѣе учтиваго поэта и придворнаго человѣка. Третья защищаетъ Шапелэна. Въ домѣ Скюдери разсуждаютъ о Кино. Случалось иной разъ, что какая-нибудь изъ модницъ оплакивала друга и *тотчасъ же принималась разсуждать о печали.* Она утверждаетъ, что печаль должна имѣть цѣлью оживлять то удовольствіе, какое мы испытывали съ покойнымъ другомъ. Является противница и возстаетъ противъ этой системы, въ которой она видитъ варварство".

Эти „порядочные люди" всѣхъ временъ, эти типичные представители наивысшей степени общественности узнаются по неистощимому обилію темъ для разговора, темъ постоянно новыхъ, доставляемыхъ имъ прежде всего одинаковымъ и широкимъ образованіемъ, составляющимъ блестящее увѣнчаніе ихъ спеціальной и технической подготовки. Я не желаю въ виду этого рѣшить въ какихъ-нибудь трехъ словахъ столь важный и трудный вопросъ, какъ реформа класснаго преподаванія, но позволю себѣ замѣтить, что если принять во вниманіе громадную общественную важность разговора, то отсюда можно было бы извлечь очень сильный доводъ и во всякомъ случаѣ доводъ, вполнѣ заслуживающій изслѣдованія, въ пользу поддержки традиціонной системы воспитанія въ широкихъ размѣрахъ. Тогда не трудно было бы замѣтить, что главная выгода изученія древнихъ языковъ и литературъ состоитъ не только въ поддержаніи соціальнаго родства между послѣдовательными поколѣніями, но и въ установленіи для всякой эпохи тѣсной умственной и духовной связи между всѣми фракціями избранныхъ личностей не только одной національности, но даже и всѣхъ національностей, что позволяетъ всѣмъ имъ бесѣдовать между собою съ интересомъ и удовольствіемъ, къ какимъ бы профессіямъ они ни принадлежали и изъ какого бы класса, изъ какой бы страны они ни происходили.

Предположите, что изученіе латинскаго языка и латинскихъ писателей, равно какъ и изученіе философіи и исторіи философіи во французскихъ школахъ было бы вдругъ уничтожено. Раньше еще, чѣмъ произойдетъ разрывъ въ сплошности основы или ткани французскаго духа, новыя поколѣнія перестали бы принадлежать къ тому же самому обществу, какъ старшія; и разныя профессіональныя категоріи французовъ, медики, инженеры, адвокаты, военные, промышленники, обученные лишь сообразно съ ихъ ремесломъ, оказались бы соціально чуждыми другъ другу. Они не имѣли бы другого общаго интереса, а слѣдовательно не могли бы ни о чемъ другомъ говорить, какъ только о вопросахъ санитарныхъ, о дождѣ и хорошей погодѣ или о газетной политикѣ. И вотъ „душа Франціи“ раскололась бы не только на два, но на сотню кусковъ.

Я очень хорошо знаю, что на взглядъ экономистовъ старой школы выгоды для образованныхъ людей обладать однимъ и тѣмъ же рудникомъ или источникомъ разговоровъ должны быть ничтожнѣйшими по производительности. Для нихъ разговаривать значитъ терять время и конечно, если вся соціальная жизнь должна сводиться къ производительности во что бы то ни стало, къ производству для производства, то слово можетъ быть терпимо лишь, какъ средство для обмѣна. Но общество, осуществившее такой идеалъ, общество, въ которомъ говорили бы только о сдѣлкахъ, о покупкахъ, о судахъ, о союзахъ, заключало ли бы въ себѣ хоть что нибудь соціальное? Тогда не было бы ни литературы, ни искусства, ни удовольствія поговорить между собою, хотя бы даже за обѣдомъ. Молчаливыя трапезы, закуска въ буфетѣ при переходѣ изъ одного скораго поѣзда въ другой, молчаливая дѣловая жизнь... Если васъ ужасаетъ эта перспектива, если вы считаете существенно необходимымъ для всѣхъ насъ все лучше и лучше понимать другъ друга, чтобъ другъ друга любить и все больше и больше другъ друга извинять, и если вы согласитесь, что удовлетвореніе этой глубокой потребности является все болѣе и болѣе цѣннымъ и сладкимъ плодомъ цивилизаціи, то вы должны признаться, что главнѣйшая обязанность правительства заключается въ томъ, чтобы не дѣлать ничего, могущаго помѣшать распространенію сношеній между умами, и напротивъ дѣлать все, чтобы облегчить его.

*

VI.

Сказавъ о разновидностяхъ разговора, о его преобразованіяхъ и о причинахъ этого, скажемъ еще нѣсколько словъ о его дѣйствіяхъ, чего мы едва лишь коснулись. Распредѣлимъ его дѣйствія или слѣдствія, изъ боязни опустить что-нибудь важное, по главнымъ категоріямъ соціальныхъ отношеній. Съ лингвистической точки зрѣнія онъ сохраняетъ и обогащаетъ языки, если даже не распространяетъ ихъ территоріальной области: онъ вызываетъ появленіе литературы и въ частности драмы. Съ религіозной точки зрѣнія онъ представляетъ самое плодотворное средство проповѣдничества, поочередно распространяя какъ религіозныя ученія, такъ и скептицизмъ. Религіи устанавливаются или ослабляются не столько путемъ проповѣдей, сколько путемъ разговоровъ. Съ политической точки зрѣнія разговоръ, до появленія печати, составляетъ единственную узду для правительства и единственное недосягаемое убѣжище свободы; онъ создаетъ репутаціи и обаяніе; онъ располагаетъ славой, а черезъ нее и властью. Онъ стремится установить равенство между разговаривающими, уподобляя ихъ другъ другу, и уничтожаетъ іерархическія различія посредствомъ самаго ихъ выраженія. Съ экономической точки зрѣнія онъ приводитъ къ однообразію всѣ сужденія о полезности различнаго рода богатствъ, создаетъ точное представленіе о цѣнности и устанавливаетъ лѣстницу или систему цѣнностей. Такимъ образомъ, эта излишняя болтовня, эта простая трата времени на взглядъ экономическихъ утилитаристовъ въ дѣйствительности оказывается самымъ необходимымъ экономическимъ дѣятелемъ, потому что безъ него не существовало бы общественнаго мнѣнія, а безъ этого послѣдняго не было бы ни на что цѣнъ, не было бы понятія о цѣнности, составляющаго основаніе политической экономіи, да, по правдѣ сказать, и многихъ другихъ соціальныхъ наукъ.

Съ нравственной точки зрѣнія разговоръ постоянно ведетъ, и всего чаще успѣшно, борьбу противъ эгоизма, противъ склонности вести себя такъ, чтобы имѣть въ виду лишь чисто личныя цѣли. Наперекоръ этой индивидуальной телеологіи онъ пролагаетъ и проводитъ телеологію чисто соціальную, въ пользу которой онъ работаетъ посредствомъ

похвалъ и порицаній, выражаемыхъ имъ при всякомъ случаѣ и заразительнымъ образомъ всюду распространяемыхъ, и тѣмъ установляетъ довѣріе къ разнаго рода спасительнымъ плюзіямъ или условной лжи. Путемъ взаимнаго общенія и, такъ сказать, обоюднаго проникновенія умовъ и душъ онъ способствуетъ насажденію и росту уже не индивидуальной собственно, но прежде всего соціальной и нравственной психологіи. Съ эстетической точки зрѣнія онъ порождаетъ вѣжливость путемъ лести, сперва односторонней, а затѣмъ постепенно и взаимной; онъ стремится согласить сужденія по части эстетическаго вкуса, чего съ теченіемъ времени и достигаетъ, вырабатывая такимъ образомъ то поэтическое искусство, тотъ эстетическій кодексъ, которому всѣ безпрекословно повинуются въ каждую эпоху и въ каждой странѣ. Такимъ образомъ, разговоръ могущественно работаетъ въ пользу цивилизаціи, для которой вѣжливость и искусство являются самыми первыми началами и условіями.

Гиддингсъ въ своихъ *Началахъ Соціологіи* сказалъ свое слово о разговорѣ и слово очень важное. По его мнѣнію, когда двое встрѣчаются, то разговоръ, завязывающійся между ними, не болѣе, какъ дополненіе къ бросаемымъ ими другъ на друга взглядамъ съ цѣлью выпытать и узнать, принадлежатъ ли они къ тому же самому соціальному виду, къ той же самой соціальной группѣ людей, или же нѣтъ.

„Мы любимъ, говоритъ онъ, тотъ обманъ, который заставляетъ насъ думать, будто мы разговариваемъ потому, что заботимся о предметѣ разговора, какъ любимъ и самое пріятное изъ всѣхъ заблужденій — вѣру въ искусство для искусства. Истина въ томъ, что всякія выраженія, отъ простого до художественнаго, и всякая бесѣда, начиная со случайнаго разговора при началѣ сношеній до глубокой задушевности при дѣйствительной любви, имѣютъ своимъ источникомъ простѣйшее желаніе познакомиться, узнать взаимно другъ друга, опредѣлить другъ друга въ видовомъ отношеніи“. Что первые вопросы двухъ встрѣчныхъ незнакомцевъ *всегда* отличаются тѣми чертами, которыя указываетъ Гиддингсъ, то это еще не безспорно, хотя и вѣрно во многихъ случаяхъ. Но несомнѣнно, что дальнѣйшіе разговоры, происходящіе между ними, какъ скоро знакомство произошло, отличаются

совсѣмъ иными чертами. Они стремятся привести обѣ стороны къ союзу, или же укрѣпить этотъ союзъ, если оба знакомыхъ принадлежатъ къ одному и тому же обществу. Слѣдовательно эти дальнѣйшіе разговоры стремятся произвести, усилить, развить и углубить, а не просто лишь опредѣлить *знакомство видовое*. Здѣсь идетъ дѣло не о томъ, чтобъ обнаружить границы вида или особенности, но о томъ, чтобы все дальше ихъ отодвигать.

Возвратимся къ нѣкоторымъ изъ этихъ общихъ слѣдствій. Когда какой-нибудь цивилизованный народъ, при возвратившейся неувѣренности въ безопасности, при разрушеніи мостовъ, при безпроѣздности дорогъ, съ исчезновеніемъ литературы, съ распаденіемъ всякихъ соціальныхъ связей, впадаетъ въ варварство, то онъ становится сравнительно нѣмымъ. Здѣсь прежде много говорили прозой и стихами, говорили устно и письменно, а теперь почти совсѣмъ не говорятъ. До какой степени любили говорить въ тотъ историческій моментъ, когда произошло паденіе Римской Имперіи, можно составить себѣ понятіе по различнымъ мѣстамъ изъ писаній Макробія, современника Ѳеодосія Младшаго. Въ его *Сатурналіяхъ*, состоящихъ, какъ извѣстно, изъ однихъ лишь діалоговъ, одинъ изъ собесѣдниковъ говоритъ другому: «Обращайся съ рабомъ мягко и милостиво допускай его до разговоровъ». Онъ порицаетъ рѣдкій уже, какъ кажется, въ его время обычай не позволять рабамъ разговаривать съ господами, прислуживая имъ за столомъ. Въ другомъ мѣстѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: „Во все время моей жизни, Децій, ничто не казалось мнѣ лучшимъ, какъ употреблять свои досуги, остающіеся у меня отъ веденія тяжебныхъ дѣлъ, на разговоры въ обществѣ образованныхъ людей, такихъ, какъ ты, напримѣръ. Хорошо направленный умъ не могъ бы найти болѣе полезнаго и приличнаго отдыха, какъ бесѣда, въ которой какъ вопросы, такъ и отвѣты приправлены вѣжливостью“. Эта послѣдняя фраза пахнетъ уже, правда, приближающимся варварствомъ, по крайней мѣрѣ если этотъ нѣсколько торжественный и велерѣчивый вкусъ къ разговору, вызвавшій насмѣшку Горація, не объясняется ораторскими привычками этого адвоката.

Уединенно живущій крестьянинъ молчаливъ; варваръ въ своемъ укрѣпленномъ жилищѣ, въ своей норѣ внутри

скалы не говоритъ ни слова. Когда же случайно ему приходится говорить, то онъ произноситъ рѣчь. Не этимъ ли столь простымъ обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснить разложеніе латыни и возникновеніе новолатинскихъ языковъ? Если бы галло-римскіе города продолжали существовать и имѣть взаимное общеніе послѣ паденія императорскаго трона, какъ это было до паденія, то вѣроятно люди никогда не перестали бы говорить по-латини на всей территоріи римской имперіи. Но за отсутствіемъ такого постояннаго упражненія въ разговорѣ на громадномъ пространствѣ и при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, чего требовалъ говоръ на столь богатомъ и сложномъ языкѣ, неизбѣжно должно было случиться, что большая часть словъ погибла, такъ какъ слова эти не обозначали больше ничего, и тонкое пониманіе оттѣнковъ склоненія и спряженія затерялось и изгладилось въ говорѣ земледѣльцевъ и пастуховъ, этихъ варваровъ, осужденныхъ на одиночество вслѣдствіе недостатка путей сообщенія, удовлетворительно содержимыхъ, и всякихъ правильныхъ сношеній.

Что же должно было выйти изъ этого? Когда этимъ обыкновенно нѣмымъ существамъ приходилось сообщать другъ другу какую-нибудь мысль, и мысль всегда грубаго свойства, ихъ закоснѣвшій языкъ отказывался дать точное выраженіе этой мысли и ихъ вполнѣ удовлетворяло выраженіе смутное и неясное. Сокращеніе ихъ словаря повлекло за собою упрощеніе ихъ грамматики. Латинскія слова и обороты, окончанія словъ стали появляться въ ихъ памяти лишь въ искаженномъ и испорченномъ видѣ и, чтобъ заставить себя понять, они должны были пускаться на выдумки, тѣмъ болѣе значительныя, чѣмъ больше они теряли привычку правильно и легко говорить на латинскомъ языкѣ. Такимъ образомъ человѣкъ оказывался почти въ такомъ же состояніи, въ какомъ онъ находился въ доисторическіе вѣка, когда еще, не умѣя говорить, онъ долженъ былъ, тоже благодаря геніальнымъ попыткамъ и сосредоточиваясь мысленно на удовлетвореніи сильнѣйшей потребности сообщить всѣ свои геніальные помыслы другимъ, изобрѣсти мало-по-малу языкъ. Вотъ почему изъ множества нововведеній, придуманныхъ людьми за время отъ VII до X вѣка, съ цѣлью заставить себя понять, произошли романскіе языки. Именно вслѣдствіе недостатка частыхъ и разнооб-

разныхъ разговоровъ латинскій языкъ началъ разлагаться, а его разложеніе послужило почвой для развитія зародыша ново-латинскихъ языковъ; позже же, когда въ обществѣ снова началась жизнь, языки вслѣдствіе обычныхъ разговоровъ укрѣпились и достигли цвѣтущаго состоянія. Не то же ли самое бываетъ при разложеніи или при нарожденіи каждаго нарѣчія?

Если пренебреженіе разговорами разлагаетъ цивилизованные языки и портитъ ихъ, то возстановленіе соціальныхъ отношеній и неизбѣжно сопровождающихъ ихъ разговоровъ составляетъ первую изъ причинъ образованія новыхъ языковъ. А потому это дѣло созданія идетъ медленно или быстро, смотря по тому, совершается ли оно въ странѣ съ очень рѣдкимъ и разбросаннымъ населеніемъ, или же въ странѣ сравнительно очень населенной и сильно централизованной. Такую именно рѣзкую противоположность представляетъ средневѣковая Англія по сравненію съ новолатинскими народами. И не можетъ ли такая противоположность послужить объясненіемъ, почему потребовалось столько вѣковъ для образованія французскихъ нарѣчій и для восторжествованія надъ ними говора Иль-де-Франсской провинціи, между тѣмъ какъ англійскій языкъ создался и распространился съ поражающею всѣхъ лингвистовъ быстротою? Причина этого лежитъ, какъ указываетъ это въ числѣ другихъ историковъ Бутми, въ централизаціи власти, установившейся въ Великобританіи гораздо скорѣе, чѣмъ во Франціи; а это въ соединеніи съ островнымъ уединеніемъ ея жителей сильно способствовало раннему возникновенію здѣсь однородности. Всеуравнивающее подражаніе между разными группами происходило здѣсь сильнѣе, чѣмъ во Франціи уже и въ средніе вѣка. Можно ли вообразить себѣ все то, что предполагаетъ постепенное исчезновеніе изъ многочисленныхъ разговоровъ между частными лицами, между людьми разныхъ положеній, классовъ, графствъ, многихъ мѣстныхъ говоровъ или даже только двухъ разныхъ языковъ, каковы англо-саксонскій и романскій, и замѣщеніе ихъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, который создается и развивается путемъ самаго своего распространенія, который обязанъ этому распространенію даже своимъ образованіемъ? И дѣйствительно, отличительною чертою средневѣковой англійской жизни оказывается общность ея

для всѣхъ классовъ, постоянное соприкосновеніе всѣхъ между собою и взаимный обмѣнъ примѣрами.

Прибавимъ мимоходомъ, что и здѣсь, какъ вездѣ, подражаніе распространялось преимущественно сверху внизъ, отъ блестящихъ дворцовъ, гдѣ разговоръ отличался уже благородствомъ и учтивостью. И лишь въ устройствѣ англійской іерархіи, въ сравнительной близости послѣдовательныхъ ея слоевъ, достаточно различныхъ, чтобъ могло существовать обаяніе высшаго по отношенію къ низшему, но недостаточно раздѣленныхъ, чтобъ сдѣлать подражаніе безнадежнымъ,—лишь въ этомъ устройствѣ и нужно искать объясненія столь быстрой и столь глубокой ассимиляціи всего народа. Что же касается распространенія подражанія сверху внизъ, то это можно замѣтить даже у дикарей. Описывая нравы дикихъ акадійцевъ, Шарльвоа, въ своей *Исторіи новѣйшей Франціи*, пишетъ: „Каждое селеніе имѣетъ своего голову—*сашо*, независимаго отъ другихъ, но всѣ они находятся въ нѣкоторомъ сношеніи между собою, тѣсно объединяющемъ весь народъ. Большую часть лучшей поры года они употребляютъ на взаимныя посѣщенія и совѣщанія, на которыхъ идетъ рѣчь объ общественныхъ дѣлахъ“. Такимъ образомъ привычка правильно и періодически бесѣдовать и нарочно для этого посѣщать другъ друга возникла у начальниковъ племени и, распространяясь, способствовала взаимной ассимиляціи сосѣднихъ народцевъ.

Политическое значеніе разговоровъ не ниже лингвистической ихъ роли. Существуетъ тѣсная связь между идущими разговорами и перемѣнами въ общественномъ мнѣніи, отъ чего зависятъ всякія перемѣны во власти. Тамъ, гдѣ общественное мнѣніе мѣняется мало и медленно, остается почти безъ измѣненія, разговоры бываютъ рѣдки, боязливы и вращаются въ тѣсномъ кругу сплетенъ. А гдѣ общественное мнѣніе подвижно и находится въ возбужденномъ состояніи, гдѣ оно переходитъ отъ одной крайности къ другой, тамъ и разговоры часты, смѣлы и вольны. Гдѣ общественное мнѣніе слабо, тамъ и разговариваютъ безъ всякаго одушевленія, а гдѣ оно сильно, тамъ сильно и разговариваютъ и много спорятъ. Если оно дерзко, то это потому, что и споры при разговорахъ слишкомъ страстны. Если оно исключительно, взыскательно, деспотично, то, значитъ, разговаривающіе находятся въ власти какого нибудь соби-

рательнаго помѣшательства въ родѣ какого-нибудь „дѣла Дрейфуса“. Если оно либерально, то отъ того, что разговоры разнообразны, свободны и держатся на общихъ идеяхъ.

Эта тѣсная связь между общественнымъ мнѣніемъ и разговоромъ такова, что можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ позволить намъ замѣнить отсутствіе свѣдѣній по одному изъ нихъ, когда мы знаемъ другое. Намъ мало извѣстно о разговорѣ въ прошедшіе вѣка, но мы имѣемъ нѣкоторыя свидѣтельства относительно того, въ какой мѣрѣ общественное мнѣніе оказывало рѣшающее вліяніе здѣсь или тамъ, у того или у другого народа, въ томъ или другомъ классѣ на рѣшенія политической или судебной власти. Мы знаемъ, напримѣръ, что правленіе въ Аѳинахъ, гораздо больше, чѣмъ въ Спартѣ, было правленіемъ общественнаго мнѣнія; отсюда мы были бы въ правѣ заключить, если бы не имѣли другихъ указаній, что аѳиняне были болтливѣе, чѣмъ спартанцы. При Людовикѣ XIV мнѣніе двора имѣло большое вліяніе, гораздо болѣе значительное, чѣмъ вообще полагаютъ, на рѣшенія монарха, безсознательно ему подчинявшагося; мнѣніе *города* не принималось почти въ счетъ, а мнѣнія провинцій и знать не хотѣли. Это значитъ, что при дворѣ объ общественныхъ дѣлахъ говорили много, въ городѣ мало и еще меньше во всей остальной Франціи. Но въ моментъ революціи эта пропорціональность сдѣлалась совершенно обратной, потому что примѣръ политическаго разговора, данный сверху, мало-по-малу дошелъ до послѣднихъ деревень.

Такимъ образомъ историческое развитіе и преобразованіе Власти объясняется развитіемъ Общественнаго Мнѣнія, а послѣднее объясняется въ свою очередь цѣлымъ рядомъ различныхъ своихъ источниковъ: домашнимъ обученіемъ, вліяніемъ училищъ, ученичествомъ въ мастерскихъ, проповѣдями, политическими рѣчами, книгами и газетами. А періодическая печать питается извѣстіями со всего міра, касающимися всего, что появляется исключительнаго, геніальнаго, *изобрѣтеннаго*, новаго. Газеты бываютъ интересны болѣе или менѣе, онѣ дѣйствуютъ возбудительно въ томъ или другомъ направленіи, смотря по роду и окраскѣ тѣхъ новостей, какія появляются и какія онѣ отмѣчаютъ. А между этими новостями, которыми питается печать, надо

поставить на первое мѣсто дѣйствія правительства, рядъ политическихъ актовъ.

Слѣдовательно выходитъ, что въ окончательномъ счетѣ даже самыя дѣйствія правительства или власти, сообщаемыя и обсуждаемыя печатью и пережевываемыя въ разговорахъ, въ значительной мѣрѣ содѣйствуютъ дѣлу преобразованія власти. Но власть могла бы сколько угодно проявлять свои дѣйствія, нисколько не развиваясь, если бы дѣйствія ея не разглашались печатью и не обсуждались бы въ разговорахъ; она оставалась бы тою же самой, за исключеніемъ тѣхъ видоизмѣненій, тѣхъ усиленій или ослабленій, которыя въ ней могли бы происходить отъ разнаго рода новшествъ религіозныхъ и особенно экономическихъ, когда онѣ становятся распространенными и общеизвѣстными. Гдѣ положеніе власти остается прочнымъ, тамъ—можно быть увѣреннымъ—разговоры были очень боязливы и слишкомъ замкнуты. Слѣдовательно, чтобъ возвратить власти прежнюю устойчивость, устойчивость первобытныхъ временъ, когда не было никакихъ разговоровъ внѣ тѣснаго семейнаго кружка, нужно начать съ установленія *всеобщей немоты*. При допущеніи возможности такого состоянія дѣлъ даже и сама всеобщая подача голосовъ была бы не въ силахъ что-нибудь измѣнить.

Въ Англіи разговоръ началъ зарождаться во времена Бекона и онъ посвящаетъ этому вопросу нѣсколько словъ въ своихъ *Опытахъ нравственности и политики*, но это *не указаніе на факты*, что для насъ было бы очень важно, но *общіе совѣты*, менѣе важные для насъ. Судя по нимъ, англійскіе разговоры тогда отличались крайней боязливостью, были еще осторожнѣе, чѣмъ разговоры на материкѣ, страдавшемъ отъ религіозныхъ войнъ. „Есть вещи говоритъ онъ, которыя никогда не должны быть предметомъ шутокъ; таковы: религія, государственныя дѣла, великіе люди, люди, облеченные довѣріемъ (подобно ему), и проч.“

Въ политическомъ отношеніи важно принимать во вниманіе не столько разговоры и споры парламентскіе, сколько разговоры и споры частные. Здѣсь-то и вырабатывается власть, между тѣмъ какъ въ палатахъ депутатовъ и въ ихъ коридорахъ власть тратится и часто лишаетъ себя уваженія. Когда разсужденія въ парламентахъ не встрѣчаютъ себѣ отголоска, если печать не разглашаетъ ихъ, они не оказываютъ почти

никакого вліянія на политическую цѣнность человѣка, облеченнаго властью. Все, что происходитъ въ этихъ закрытыхъ мѣстахъ, имѣетъ значеніе лишь при перемѣщеніи власти, но нисколько не вліяетъ на ея дѣйствительную силу или на довѣріе къ ней. Истинными фабриками власти оказываются кофейныя, клубы, гостиныя, лавочки и всякія мѣста, гдѣ только происходятъ разговоры. Не нужно однако забывать, что эти фабрики не могли бы дѣйствовать, если-бы не существовало обрабатываемаго или сырого матеріала, т. е. привычки къ послушанію и къ довѣрію, создаваемой жизнью въ семьѣ и домашнимъ воспитаніемъ. Власть исходитъ отсюда, какъ богатство вытекаетъ изъ фабрикъ и заводовъ, какъ наука выходитъ изъ лабораторій, музеевъ и библіотекъ, какъ вѣра истекаетъ изъ катехизическихъ школъ и изъ материнскихъ наставленій, какъ военная сила исходитъ изъ пушечныхъ заводовъ и ученья въ казармахъ.

Предположите, что граждане Франціи заключены въ тюрьмы съ одиночными камерами и предоставлены собственнымъ размышленіямъ безъ всякаго взаимнаго вліянія, а затѣмъ призваны къ подачѣ голосовъ... Но они не могли бы подавать голоса. Дѣйствительно, они, или покрайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ, не могли бы отдать никакого предпочтенія Петру или Павлу, такой-то программѣ или другой. Или-же, если бы у каждаго изъ нихъ была собственная мысль, получилась бы невообразимая выборная кутерьма.

Конечно, если бы какой-нибудь государственный человѣкъ, какой-нибудь Мирабо или Наполеонъ могъ быть *лично* извѣстенъ всѣмъ французамъ, то не было бы надобности въ разговорахъ, чтобъ установить его власть, и хотя бы всѣ французы были нѣмыми, большинство ихъ было бы имъ очаровано. Но такъ какъ это невозможно, то необходимо, какъ скоро протяженіе государства переступило границы одного города, чтобы люди разговаривали между собою и такимъ образомъ могли создать обаятельную личность для управленія собою.

Вообще три четверти нашего повиновенія какому-нибудь человѣку зависятъ отъ того, что мы видимъ повиновеніе ему другихъ. Первые, начавшіе повиноваться ему, имѣли на это, въ самомъ дѣлѣ или какъ имъ казалось, извѣстныя основанія. Они вѣрили, что по своему почтенному возрасту, или по знатному происхожденію, или по своей тѣлесной

силѣ, или по своему краснорѣчію, или по своей геніальности онъ обладаетъ какою-то правящей и покровительственной силой. Но эту вѣру, зародившуюся въ нихъ самопроизвольно, они сообщили, посредствомъ разговоровъ, тѣмъ, кто и послѣ нихъ обладаетъ тою же вѣрой въ свою очередь. Лишь разговаривая о поступкахъ какого-нибудь человѣка, люди дѣлаютъ его замѣтнымъ, извѣстнымъ, знаменитымъ, прославленнымъ; и кто достигъ власти посредствомъ славы, того могущество растетъ или убываетъ лишь вслѣдствіе болѣе или менѣе частыхъ разговоровъ о его планахъ кампаній или о его декретахъ, о его битвахъ или о его правительственныхъ дѣйствіяхъ.

Въ народно-экономической жизни разговоры имѣютъ особенно важное значеніе, чего экономисты, кажется, вовсе не замѣчаютъ. Разговоръ, этотъ обмѣнъ мыслей или, лучше сказать, это взаимное или одностороннее дареніе мыслей, не предоставляетъ ли это предисловія къ обмѣну услугами? Прежде всего лишь посредствомъ слова, посредствомъ разговора люди одного и того-же общества сообщаютъ другъ другу о своихъ нуждахъ, о своихъ желаніяхъ потреблять то или другое, а равно и что либо производить. Чрезвычайно рѣдко бываетъ, что бы желаніе купить какой-нибудь новый предметъ возникло лишь при видѣ его, безъ всякаго напоминанія о немъ въ разговорахъ. Такая случайность происходитъ, когда, напримѣръ, какой нибудь мореходецъ, приставши къ неизвѣстному острову, оказывается окруженнымъ дикарями, которые и безъ разговора съ нимъ, такъ какъ знаютъ его языкъ столько же, какъ онъ—ихъ, уже ослѣплены разставленными имъ стеклянными бездѣлушками и пріобрѣтаютъ ихъ въ обмѣнъ на пищевыя вещества и мѣха. За подобными почти только исключеніями, вліяніе разговора существенно важно для возникновенія и еще болѣе для распространенія потребностей и безъ него никогда не существовало бы прочныхъ и одинаковыхъ цѣнъ, а это—первое условіе всякой сколько-нибудь развитой торговли, всякой мало-мальски успѣшной промышленности.

Отношенія разговора къ соціальной и нравственой психологіи представляются очевидными во Франціи XVII вѣка, но они наглядно видны не только, что здѣсь. Горацій въ одной изъ своихъ сатиръ хвалитъ жизнь, какую ведетъ онъ въ своемъ загородномъ домѣ. Тамъ часто за его столомъ

сиживали его друзья. „Каждый гость, свободный отъ всякихъ правилъ утонченнаго приличія, пьетъ по собственному выбору большими или малыми сосудами. Разговоры ведутся не о сосѣдяхъ съ цѣлью ихъ осужденія и не объ ихъ имуществѣ изъ зависти и даже не о талантѣ какой нибудь очаровательной танцовщицы, а мы разговариваемъ о предметахъ, сильнѣе занимающихъ насъ, о предметахъ, не знать которыхъ стыдно: Что дѣлаетъ человѣка счастливымъ -доблестная жизнь, или богатство? Въ своихъ связяхъ съ людьми нужно ли руководиться своей пользой или правилами чести? Въ чемъ сущность добра? Въ чемъ состоитъ высшее благо? Правда, Цервій при случаѣ вставляетъ въ эти важные разговоры какую нибудь бабью сказку". Изъ этого мы видимъ, что модные разговоры между выдающимися людьми въ вѣкъ Августа отличались важною чертою сходства съ разговорами „порядочныхъ людей" нашего XVII вѣка. Они вращались тоже на общихъ нравственныхъ понятіяхъ, если не занимались литературными вопросами. Только нравственность, занимавшая современниковъ Горація, этихъ эпикурейцевъ со стоической окраской, была индивидуальною, а совсѣмъ не соціальною, потому что послѣдователи Зенона, точно такъ же, какъ и Эпикура, заняты были оздоровленіемъ и нравственнымъ укрѣпленіемъ отдѣльной личности, оторванной отъ соотвѣтствующей ей группы людей. Напротивъ, вопросы, поднимавшіеся свѣтскими христіанами и моралистами временъ Людовика XIV, касались прежде всего общественной нравственности.

Г-жа Лафайетъ пишетъ г-жѣ Севиньи, что въ одинъ день все послѣобѣденное время разговоръ ея съ m-me Скарронъ, аббатомъ Тестю и другими собесѣдниками вращался „на людяхъ, вкусы которыхъ выше или ниже ихъ ума". „Мы, говоритъ она, дошли наконецъ до такихъ тонкостей, что ничего уже больше не понимали". Какой интересъ, спроситъ кто нибудь въ наше время, могли тогда находить, разсуждая о столь смутныхъ вопросахъ? Но это значитъ забыть, что въ ту эпоху, въ аристократическихъ сферахъ, гдѣ общительность достигала наибольшаго блеска, не было ничего столь своевременнаго, какъ разъясненіе, точное опредѣленіе и разборъ еще и не имѣвшей тогда названія *соціальной психологіи*, насколько то было возможно. Нашъ XVII вѣкъ, въ его разговорахъ между „порядочными людьми"

повидимому никогда много не заботился объ индивидуальной психологіи. Какой нибудь романъ Бурже вызывалъ бы зѣвоту у г-жи Лафайетъ или у Ларошфуко. Что ихъ занимало гораздо больше, это было изученіе отношеній *между душами*, и они безсознательно много работали для *діа-психологіи*. Почитайте Ла-Брюйера, перечитайте портреты и характеристики современниковъ, оставленные намъ Бюсси-Рабютэномъ или другими писателями: всегда тутъ идетъ рѣчь о томъ, чтобы характеризовать человѣка не его отношеніями къ природѣ или къ самому себѣ, но единственно лишь его соціальными отношеніями къ другимъ людямъ, согласіемъ или разногласіемъ его сужденій о прекрасномъ съ сужденіями (*вкусами*) другихъ, его способностью нравиться имъ посредствомъ хорошо разсказаннаго анекдота или удачно (*остроумно*) написаннаго письма.

Естественно, что люди, начавъ *заниматься психологіей*, и производили явленія соціальной психологіи, и понятно также, что они производили такія явленія, не зная этого, потому что объ этомъ они могли бы составить себѣ точное понятіе лишь посредствомъ противоположенія этой психологіи съ психологіей индивидуальной.

Эта послѣдняя развилась въ XVII вѣкѣ только съ одной своей стороны, впрочемъ весьма важной и своеобразной, именно со стороны мистицизма. И нужно еще замѣтить, что состоянія душевной радости или душевной скорби, описанныя столь яркими красками въ замысловатыхъ письмахъ Фенелона и другихъ мистиковъ того времени, ощущались ими, какъ нѣкоторый глухой или нѣмой внутренній разговоръ съ извѣстнымъ божественнымъ собесѣдникомъ, съ нѣкоторымъ неисповѣдимымъ утѣшителемъ, скрытымъ въ нашей душѣ. По правдѣ сказать, при старомъ строѣ, мистическая жизнь слагалась нѣсколько по образцу „свѣтской“. И здѣсь Богъ *посѣщаетъ* душу, говоритъ съ ней, а она ему отвѣчаетъ. Сама *благодать*, развѣ это не радость, не силы, придаваемыя вамъ любящимъ голосомъ, который говоритъ въ васъ и подкрѣпляетъ васъ? Періоды безотраднаго состоянія и тоски, на которые жалуются мистики, это—промежутки, иногда очень продолжительные, между посѣщеніями и разговорами неизреченнаго гостя.

Другая совершенно отдѣльная вѣтвь соціальной психологіи, столь же тѣсно примыкающая къ индивидуальной,—

соціологія половая, которой спеціально посвящаютъ себя авторы драмъ и романовъ и которая занимаетъ тѣмъ болѣе значительное мѣсто въ разговорахъ, чѣмъ послѣдніе цивилизованнѣе. Эта психологія бываетъ не безъ нѣкоторой связи съ мистическою психологіей.

Разговоръ, это—отецъ вѣжливости. Это справедливо даже и въ случаѣ, когда вѣжливость состоитъ въ томъ, чтобы не говорить. Для провинціала, появившагося въ Парижѣ, ничто не кажется столь страннымъ и противуестественнымъ, какъ омнибусы, наполненные людьми, тщательно остерегающимися говорить. Молчаніе между встрѣчающимися незнакомыми естественно представляется какимъ-то неудобствомъ или неприличіемъ, какъ молчаніе между знакомыми служитъ признакомъ раздора. Всякій благовоспитанный крестьянинъ считаетъ своею обязанностью „поддерживать компанію“ со своими спутниками. На самомъ дѣлѣ это не значитъ, что потребность разговаривать бываетъ въ деревняхъ или въ маленькихъ городахъ больше, чѣмъ въ большихъ. Напротивъ, она повидимому возрастаетъ прямо пропорціонально плотности населенія и степени гражданственности. Но именно какъ разъ по причинѣ слишкомъ большой ея силы въ большихъ городахъ здѣсь и пришлось устраивать нѣкоторыя плотины изъ опасенія быть затопленными наводненіемъ нескромныхъ разговоровъ.

Надо дойти до высшей степени нѣжной дружбы, чтобы имѣть возможность позволить себѣ, находясь вдвоемъ съ пріятелемъ, хранить продолжительное молчаніе. Между друзьями не очень близкими, между людьми равнодушными, встрѣчающимися въ салонахъ, разговоръ составляетъ единственную соціальную связь; поэтому какъ скоро эта связь порывается, является большая опасность, опасность возникновенія вѣжливой лжи, полнаго отсутствія дѣйствительной привязанности вопреки внѣшнимъ признакамъ дружбы. Ледяное молчаніе, когда оно появляется, приводитъ въ ужасъ какъ будто сорваніе всего, чѣмъ мы прикрываемся отъ стыда, и люди дѣлаютъ все, чтобъ избѣжать этого. Они бросаютъ въ гаснущій огонь разговора все, что приходитъ имъ на умъ, даже самыя завѣтныя свои тайны, все то, чего весьма выгодно было-бы не говорить, какъ въ минуту кораблекрушенія швыряютъ въ море даже самые цѣнные грузы лишь бы замедлить погруженіе судна. Молчаніе среди салон-

наго разговора—то же, что исчезнованіе корабля подъ волнами океана.

Изъ разговора возникли какъ словесная лесть, такъ и обида. Разговаривая, люди замѣтили, что ихъ хорошее мнѣніе о себѣ самихъ не раздѣляется другими, какъ и наоборотъ. Надъ этимъ тщеславнымъ желаніемъ обманывать другого, смѣются, если это человѣкъ равный, грубо его опровергаютъ и даже обижаютъ своего противника; но и тутъ опытъ научаетъ избѣгать столкновеній, вызываемыхъ такимъ избыткомъ откровенности. Когда же дѣло идетъ о высшемъ, о начальникѣ или о хозяинѣ, то благоразумнѣе будетъ поддержать эту хвастливую чепуху. Отсюда возникла льстивость, поддакиваніе, а это мало-по-малу утончаясь и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаясь взаимнымъ, составило основу учтивости, вѣжливости. Комплименты всегда въ началѣ бываютъ корыстными и становятся безкорыстными лишь съ теченіемъ времени.

Любезности по своему свойству бываютъ очень различны. Въ Китаѣ, чтобъ сказать кому-нибудь любезность, говорятъ ему, что онъ смотритъ старикомъ; у насъ же говорятъ: „А вы помолодѣли!“ Въ средніе вѣка значило сказать самую тонкую похвалу молодому монаху, говорившему о спасительности умерщвленія плоти, если замѣтить ему, что онъ худъ и тощъ.

Можно ли замѣтить какое-нибуть направленіе въ развитіи любезностей и оскорбленій? Сравнивая ругательства гомеровскихъ героевъ съ руганью диффаматорскихъ газетъ, можно, пожалуй, сказать, что словарь обидчиковъ скорѣе обогатился, чѣмъ преобразовался. Ко всѣмъ физическимъ недостаткамъ, болѣзнямъ и уродствамъ, какіе ставили въ вину своимъ врагамъ прежде, теперь просто еще прибавили пороки цивилизаціи, утонченный развратъ и умственныя аномаліи, которыя теперь и приписываютъ имъ съ необыкновенною щедростью. Но эти публичныя обиды печати, какъ и ея похвалы,—нѣчто особое, очень различающееся отъ брани и похвалъ, употребляемыхъ въ частныхъ отношеніяхъ, хотя онѣ и должны были сохранить кое-что изъ ихъ первоначальнаго гиперболизма. Все, что направлено по адресу публики, этой грубой неотесанной личности, должно быть также грубымъ и кричащимъ: таковы афиши, расклеиваемыя по стѣнамъ, выборныя программы и печатная полемика.

Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что въ сравненіи съ полемикой между учеными XVI вѣка, полемическіе пріемы самыхъ нахальныхъ нашихъ газетъ, этихъ истинныхъ консерваторій ругательствъ, значительно мягче. Что же касается до частныхъ обидъ, то ихъ смягченіе шло еще быстрѣе и онѣ перешли прямо отъ гомеровской грубости къ самой скромной ироніи и вмѣсто того, чтобы относиться преимущественно къ физическимъ недостаткамъ, онѣ все болѣе и болѣе настаиваютъ на недостаткахъ умственнаго порядка и нравственной грубости. Этотъ двойственный прогрессъ по всей вѣроятности относится къ числу необратимыхъ.

Тѣ же черты замѣчаются и въ историческомъ развитіи похвалы, отличаясь повидимому тоже признаками необратимости. Навѣрное нынѣ ни одинъ монархъ, ни одинъ великій человѣкъ не вынесъ бы тѣхъ сумасбродныхъ похвалъ, какими осыпали египетскіе жрецы своихъ фараоновъ съ ихъ согласія или какія расточалъ Пиндаръ предъ побѣдителями на атлетическихъ состязаніяхъ. Тонъ посвященій, дѣлавшихся въ книгахъ лишь два вѣка тому назадъ, заставляетъ насъ смѣяться. Если сравнить частные разговоры и споры съ прежними, относящимися къ XVIII, XVII и XVI вѣкамъ и дошедшими до насъ въ нѣсколькихъ образчикахъ, то легко замѣтить, что значительная доля прямой лести и открытой брани стала теперь незамѣтной. Эта прежняя тяжелая монета размѣнена теперь на ничтожную мелочь. Съ другой стороны самая сущность этихъ тщательнѣе прикрытыхъ любезностей не менѣе измѣнилась, какъ и сущность поддѣльной вѣжливости. Къ кому обращенъ весь лиризмъ льстивыхъ поэтовъ Греціи въ ея древнѣйшія времена? Опять-таки скорѣе къ атлетамъ, чѣмъ къ художникамъ. Въ наши дни дѣло стоитъ наоборотъ и, несмотря на пристрастіе къ тріумфаторамъ *велодромовъ* и первымъ игрокамъ въ *ножной мячъ*, не можетъ быть сомнѣнія, что порядокъ этотъ сталъ обратнымъ. Можно однако замѣтить, что любезности по адресу женщинъ развивались почти какъ разъ обратно съ предыдущими. Сначала хвалили въ женщинахъ добродѣтель, ихъ любовь къ порядку и бережливость, ихъ таланты, какъ *ткачихъ*; затѣмъ прежде чѣмъ хвалить ихъ, по крайней мѣрѣ публично, за тѣлесную красоту, ихъ расхваливали, какъ пѣвицъ и музыкантшъ; теперь же, когда ихъ хвалятъ, то скорѣе за то, что онѣ красивы, чѣмъ добродѣтельны или даже

умны. Впрочемъ, похвала ихъ красотѣ подвергалась еще особаго рода маленькой эволюціи, сводящейся къ общему ея направленію; сперва восхищались больше ихъ формами, чѣмъ граціей; теперь же ихъ восхваляютъ больше за очаровательность, за грацію, чѣмъ за тѣлесныя формы.

Понаблюдайте за двумя лицами, мужчинами или женщинами, дѣлающими визитъ вѣжливости и разговаривающими между собою. Они тщательно избѣгаютъ всякихъ вопросовъ, гдѣ есть опасность раздѣлиться во мнѣніяхъ; если же они не могутъ избѣжать необходимости коснуться чего-нибудь такого, то всячески стараются скрыть противорѣчивость своихъ взглядовъ на этотъ счетъ; иногда, и очень часто, они доходятъ даже до того, что отчасти жертвуютъ своими взглядами, чтобъ сохранить видимое согласіе. Такимъ образомъ учтивый разговоръ можно разсматривать, какъ непрерывное и всеобщее упражненіе въ общительности, какъ единодушное и заразительно дѣйствующее усиліе, направленное къ соглашенію умовъ и сердецъ, къ изглаженію и уничтоженію всего негармоничнаго въ нихъ. Собесѣдники одушевлены очевидными благими намѣреніями достигнуть согласія во всемъ и они дѣйствительно безсознательнымъ образомъ и съ большою силою *внушаютъ* одинъ другому согласныя взаимно чувства и мысли. И однако взаимность такого внушенія никогда не бываетъ полною; обыкновенно дѣйствіе, оказываемое однимъ изъ собесѣдниковъ на другого или на другихъ, является преобладающимъ, вслѣдствіе чего обратное дѣйствіе на перваго сводится къ очень немногому. Какъ бы то ни было, но нѣтъ сомнѣнія, что обычаи вѣжливости, поддерживаемые болтовней при визитахъ, довольно глубоко вспахиваетъ почву, на которой должно произрасти и развиться соціальное единодушіе, и служатъ необходимой подготовкой для этого.

Разговоръ былъ колыбелью литературной критики и такое послѣдствіе его—дѣло немаловажное, особенно если подумать о томъ, какое большое значеніе пріобрѣла литературная критика въ современную намъ эпоху, когда она занимается обсужденіемъ всего даже въ области самой философской критики, политики и соціальныхъ идей. Въ XVII вѣкѣ, какъ это можно видѣть изъ переписки Бюсси-Рабютэна съ его возлюбленной кузиной, длинные письменные разговоры и бесѣды въ образованномъ обществѣ посвящены сравни-

тельной оцѣнкѣ книгъ и авторовъ. Собесѣдники обмѣниваются мнѣніями или спорятъ о послѣднихъ трагедіяхъ Расина, о какой-нибудь баснѣ Лафонтена, о письмѣ Буало, о новой книгѣ по янсенизму, и если близко присмотрѣться ко всѣмъ этимъ разговорамъ, то легко видѣть, что они постоянно стремились согласоваться между собою и послѣ спора прійти къ одному и тому же воззрѣнію. Такъ было во всякое время, каковъ бы ни былъ господствующій предметъ разговоровъ. Въ частности, вездѣ, во всякой средѣ, гдѣ много говорили о литературѣ, тѣмъ самымъ безсознательно работали собирательнымъ трудомъ на пользу поэтическаго искусства, извѣстнаго литературнаго кодекса, принятаго всѣми и способнаго дать совершенно готовыя сужденія, всегда согласныя между собою, о какихъ бы умственныхъ произведеніяхъ ни шла рѣчь. Такъ, когда мы видимъ гдѣ-нибудь, что извѣстный авторъ формулируетъ извѣстный рядъ эстетическихъ правилъ такого рода, будетъ ли то Аристотель, Горацій или Буало, то мы можемъ быть увѣрены, что появленію его предшествовалъ долгій періодъ разговоровъ, напряженная общественная жизнь.

Итакъ будемъ увѣрены, что было очень много литературныхъ разговоровъ до Аристотеля и его времени въ Аѳинахъ и въ остальной Греціи, начиная съ эпохи софистовъ; что очень много говорили также въ Римѣ со временъ Сципіоновъ и въ Парижѣ, начиная съ эпохи модницъ и домодницъ. Эпоха реставраціи кончила такимъ образомъ тѣмъ, что выработала свою поэтическую романтику не менѣе деспотическую, хотя и анонимную. Въ наше время еще нѣтъ такой обязательной романтики, но элементы ея вырабатываются и мы должны замѣтить, что такъ какъ область разговора, даже литературнаго, а не только политическаго и соціальнаго, теперь значительно расширилась по числу разговаривающихъ, то выработка кодекса, уже зародившагося и вынашиваемаго, будетъ продолжительнѣе, чѣмъ въ предшествующія эпохи, просто по той причинѣ, что чѣмъ больше чанъ, тѣмъ дольше въ немъ совершается и броженіе. Своими спорами, какъ и обмѣномъ мыслей, состязаніемъ и борьбой, равно какъ и работой, мы всѣ и всегда содѣйствуемъ высшей гармоніи мыслей, словъ и дѣйствій, работаемъ для устойчиваго равновѣсія сужденій, высказываемыхъ наконецъ въ видѣ догматовъ—литературныхъ, художествен-

ныхъ, научныхъ, философскихъ, религіозныхъ, или же для прочной устойчивости дѣйствій въ видѣ правилъ и началъ нравственныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ рѣчахъ и во всѣхъ поступкахъ людей дѣйствуетъ соціальная логика, необходимо идущая по пути къ своей цѣли.

VII.

Очень далеко отъ разговора и много ниже его надо помѣстить въ качествѣ общественнаго мнѣнія переписку посредствомъ писемъ. Но этотъ второй предметъ, связанный весьма тѣсно съ предыдущимъ, не задержитъ насъ долго на себѣ. Обмѣнъ письмами представляетъ разговоръ на разстояніи, бесѣду, продолжающуюся, несмотря на разлуку людей. Слѣдовательно, причины, благопріятствующія разговору—увеличеніе досуговъ, одинаковость языка, распространеніе общихъ познаній, равенство общественнаго положенія и проч.—благопріятствуютъ также и болѣе дѣятельной перепискѣ, но при условіи, что онѣ встрѣчаютъ себѣ помощь въ болѣе частныхъ причинахъ, отъ которыхъ онѣ зависятъ. Это будутъ: легкая возможность путешествовать, вслѣдствіе которой случаи отсутствія учащаются, распространеніе искусства писанія и исправность почтовыхъ учрежденій.

На первый взглядъ можно было бы подумать, что путешествія, увеличивая переписку посредствомъ писемъ, должны дѣлать разговоры болѣе рѣдкими. Но несомнѣнно вѣрно, что страны, гдѣ люди всего больше путешествуютъ, оказываются въ то же время и странами, въ которыхъ всего больше говорятъ и всего больше пишутъ. Точно также развитіе желѣзныхъ дорогъ вмѣсто того, чтобы помѣшать развитію каретнаго мастерства, дало ему новый толчокъ. Если бродяжничество нашихъ современниковъ слишкомъ часто прерываетъ между старыми друзьями и жителями того же города тѣ пріятныя сумеречныя бесѣды—lenes sub noctem susurri,—которыя, говоря словами Горація, повторялись въ привычный часъ, то оно же позволяетъ видѣться между собою все бо́льшему и бо́льшему числу иностранцевъ и проводить время въ разговорахъ болѣе поучительныхъ, если также и не болѣе пріятныхъ. Любопытство выиграло еще больше, чѣмъ потеряла задушевность, и какъ мнѣ ни жалко

этой потери, я мирюсь съ ней, полагая, что она можетъ быть только временной. Нельзя ли установить, какъ общее правило, очень способное выяснить нашъ вопросъ, что переписка, обмѣнъ письмами и разговоры вмѣстѣ съ путешествіями находятся между собою въ тѣсной связи, такъ что если бы мы въ извѣстное время открыли у извѣстнаго народа прогрессъ въ одной изъ этихъ трехъ областей, напримѣръ, увеличеніе числа путешествій, то не имѣли ли бы мы права заключить и объ успѣхахъ, достигнутыхъ въ двухъ другихъ, и наоборотъ?

Времена, въ которыя писалось много писемъ, оказываются также и временами, въ которыя всего больше путешествовали и всего больше разговаривали.—Я разумѣю времена до-газетныя; газеты нѣсколько измѣнили дѣло въ этомъ отношеніи, какъ увидимъ ниже.—Такова была эпоха Плинія Младшаго. Таковъ былъ также и XVI вѣкъ во Франціи. „Шестнадцатый вѣкъ, говоритъ одинъ историкъ, былъ прежде всего вѣкомъ писемъ. Количество политическихъ писемъ, писанныхъ королями, министрами, посланниками, полководцами и хранящихся въ подлинникѣ въ Національной Библіотекѣ, прямо неисчислимо. Здѣсь много также переписки религіозной и дружески-задушевной". Именно въ этотъ вѣкъ и появилась во Франціи вся іерархія выраженій вѣжливости эпистолярнаго церемоніала. Такъ, къ высшему обращались, называя его Monseigneur, къ равному—Monsieur. Точно также выработанъ былъ рядъ выраженій передъ подписью: „Вашъ усердый слуга", „вашъ покорнѣйшій слуга", „вашъ нижайшій слуга". Нужно прибавить, однако, что письма XVI вѣка въ качествѣ разговоровъ, точными образчиками которыхъ они служатъ, были лишены сдержанности и хорошаго тона; они нескромны, неприличны и неснисходительны до послѣдней степени. Лишь въ слѣдующемъ вѣкѣ распространяется чувство мѣры во всемъ и пониманіе оттѣнковъ въ словахъ.

Въ Испаніи, если сравнивать эту страну съ другими странами Западной Европы, пишутъ вообще мало. Вездѣ и всегда именно въ наиболѣе путешествующихъ слояхъ народа загоралось пламя разговора и появлялась потребность писать: въ Греціи—среди риторовъ и софистовъ, этихъ странствующихъ торговцевъ мудростью, вообще среди приморскаго, еще мало осѣдлаго народа; въ Римѣ—среди аристократіи,

добровольно ведшей бродячій образъ жизни; въ средніе вѣка—въ кружкахъ университетскихъ и церковныхъ, среди монаховъ-проповѣдниковъ, епископовъ, легатовъ, аббатовъ и аббатиссъ въ особенности, столь легко перемѣщавшихся и такъ далеко путешествовавшихъ сравнительно съ остальнымъ населеніемъ. Первыя почты появились, какъ привилегіи университета и духовенства, если не восходить до королей.

Объ этомъ важнѣйшемъ учрежденіи я скажу почти только одно слово, чтобъ обратить вниманіе на то, что развитіе его согласуется съ закономъ распространенія примѣровъ *сверху внизъ*. Сначала цари и папы, потомъ князья и епископы имѣли въ своемъ распоряженіи особыхъ посыльныхъ и гонцовъ, прежде чѣмъ простые сеньоры, затѣмъ ихъ вассалы и наконецъ послѣдовательно всѣ слои народа до послѣдняго не поддались искушенію вступить въ переписку. Когда Людовикъ XI своимъ указомъ отъ 19 іюня 1494 г. установилъ существованіе почты, то курьеры перевозили еще лишь письма монарха, но, по словамъ Дю-Кана, это чисто королевское учрежденіе не замедлило обратиться въ административное съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что письма будутъ читаться и что они не должны содержать ничего оскорбительнаго для королевской власти". Людовикъ XI очень хорошо понималъ, какое могущественное дѣйствіе должна была произвести переписка частныхъ людей на возникающее общественное мнѣніе. Лишь при Ришелье, въ 1627 г., въ первый разъ назначена была упорядоченная оплата пересылаемыхъ писемъ, что указываетъ на значительное увеличеніе переписки. Впрочемъ это относится, главнымъ образомъ къ политической перепискѣ, какъ и все сказанное выше о XVI вѣкѣ. *Частныя же письма* были рѣдки вплоть до половины XVII вѣка, если судить объ этомъ по одному мѣсту въ запискахъ m-lle Монпансье, приводимому Рёдереромъ. Она пишетъ г-жѣ Саблэ: „Только съ моего времени вошло въ обычай писанье; да и то писали лишь брачные контракты, *о письмахъ же ничего не было слышно*".

„Легко составить себѣ представленіе о необычайномъ развитіи почтовыхъ сношеній во Франціи за XVIII вѣкъ изъ сравненія послѣдовательныхъ арендныхъ цѣнъ за содержаніе почтъ". Онѣ съ двухъ милліоновъ съ половиной франковъ въ 1700 году дошли до десяти милліоновъ въ

1777 г., т. е. учетверились. Въ наше время почтовая статистика позволяетъ выражать въ точныхъ числахъ быстрое и непрерывное возрастаніе переписки въ разныхъ государствахъ. Напримѣръ, во Франціи съ 1830 по 1892 г. число писемъ, правильно возрастая съ году на годъ (кромѣ 1848 и 1870 гг.), отъ 63 милліоновъ дошло до 773 милліоновъ. Съ 1858 по 1892 г. число телеграммъ въ круглыхъ числахъ возросло здѣсь же съ 32 до 463 милліоновъ. Это даетъ возможность измѣрять неодинаковое въ разныхъ странахъ, но всюду правильное повышеніе общей потребности, которой удовлетворяютъ письма, а слѣдовательно и судить о сравнительной быстротѣ роста общительности.

Но та же самая статистика служитъ равнымъ образомъ хорошимъ образчикомъ той *качественной* стороны, которая бываетъ скрыта подъ количественными соціальными величинами, приблизительно измѣряемыми общею статистикой [1]). Въ самомъ дѣлѣ, въ данное время и въ извѣстной странѣ нѣтъ ничего болѣе сходнаго по внѣшности, какъ письма, почему кажется, что условіе однородности сосчитываемыхъ единицъ для статистическихъ расчетовъ не могло бы быть выполнено лучше, чѣмъ здѣсь. Письма имѣютъ почти что одинаковый форматъ, они одинаково задѣланы и заклеены и носятъ на себѣ одинаковаго рода надписи. Теперь на нихъ бываютъ наклеены однѣ и тѣ же марки. И конечно ни уголовныя, ни гражданскія преступленія не представятъ для статистики столь сходственныхъ по внѣшности единицъ для счета. Но распечатайте эти письма и вы увидите, какъ существенно и глубоко они отличаются между собою, несмотря на освященныя обычаемъ формулы ихъ началъ и концовъ! Складывать между собою столь разнородныя вещи— да это чисто пустое занятіе! Вы знаете ихъ число, но вы не знаете даже ихъ длины. Было бы любопытно, однако, знать по крайней мѣрѣ, не становятся ли письма короче по мѣрѣ того, какъ увеличивается ихъ число, не дѣлаются ли они и болѣе сухими, что представляется вѣроятнымъ. И если

---

[1]) Если бы это было здѣсь умѣстно, то я показалъ бы, что качественная сторона въ неменьшей степени скрывается и въ физическихъ количествахъ, измѣренныхъ научными способами, по своей сущности аналогичными со статистикой и не менѣе показными, чѣмъ ея пріемы, хотя повидимому они и кажутся болѣе основательными.

бы существовала статистика разговоровъ [1]), кажущаяся намъ столь же законной, какъ и всякая другая, то было бы также желательно знать объ ихъ продолжительности и вѣроятно въ нашъ дѣловой вѣкъ эта продолжительность находится въ обратномъ отношеніи съ ихъ частотою. Города, гдѣ всего больше выпадаетъ атмосферной воды—да простятъ мнѣ это сравненіе,—часто оказываются такими, гдѣ дожди идутъ всего рѣже. Въ особенности было бы важно знать внутреннія измѣненія сущности писемъ, равно какъ и разговоровъ, а статистика не даетъ намъ въ этомъ отношеніи никакихъ указаній.

Несомнѣнно, что появленіе періодической печати сообщило очень рѣшительный толчокъ дѣлу преобразованія писемъ. Печать, возбуждающая и питающая разговоры столь разнообразными способами, изсушила, напротивъ, много источниковъ для переписки, обративъ ихъ въ свою пользу. Очевидно, что если бы въ мартѣ 1658 г. существовали во Франціи ежедневныя газеты, столь же освѣдомленныя и столь же правильно разсылаемыя по провинціи, какъ наши нынѣшнія, то Оливье Патрю, человѣкъ столь занятой, не сталъ бы трудиться писать своему другу д'Абланкуру длинное письмо, сообщая въ немъ столько подробностей о посѣщеніи французской Академіи королевою шведской Христиной, потому что теперь его пріятель нашелъ бы все это въ первомъ попавшемся подъ руку газетномъ листкѣ. Незамѣтная, но великая услуга, оказываемая намъ газетами, состоитъ въ избавленіи насъ отъ необходимости писать нашимъ пріятелямъ о множествѣ любопытныхъ новостей, касающихся событій дня и наполнявшихъ письма въ прошлые вѣка.

И надо замѣтить, что журналисты очень рано сознали свою полезность въ этомъ отношеніи. Ренодо въ сборникѣ при его газетѣ за 1631 годъ говоритъ о томъ, „какое облегченіе доставляютъ газеты всѣмъ, кто пишетъ своимъ друзьямъ; для удовлетворенія любопытства послѣднихъ они прежде должны были старательно описывать разныя новости, всего чаще выдуманныя по произволу или основанныя на про-

[1]) Она была бы возможна, если бы каждый изъ насъ велъ откровенный дневникъ подобный дневнику Гонкуровъ. До сихъ поръ по части разговоровъ отмѣчается только число засѣданій конгрессовъ или ученыхъ обществъ и статистика справедливо свидѣтельствуетъ о постепенномъ возрастаніи такихъ разговоровъ.

стыхъ слухахъ". И это *облегченіе* въ ту эпоху было еще очень одностороннимъ и слабымъ, какъ видно изъ письма дю-Патрю, только что приведеннаго нами выше.

Можетъ-быть, намъ скажутъ, что ежедневная печать, освобождая и очищая частную переписку отъ такого загроможденія хроникой, оказала большую услугу эпистолярной литературѣ, направивъ ее на настоящій путь, болѣе узкій, но и болѣе глубокій, чисто сердечный и задушевный? Боюсь, какъ бы мысль эта не была ошибочной. Все болѣе и болѣе городской характеръ нашей цивилизаціи имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что при постоянно увеличивающемся числѣ нашихъ друзей и знакомыхъ и при уменьшающейся задушевности отношеній, все, что намъ приходится говорить или писать, все меньше и меньше относится къ отдѣльнымъ лицамъ, а все болѣе и болѣе къ цѣлымъ группамъ, постоянно возрастающимъ по своей численности. Нашимъ истиннымъ собесѣдникомъ, нашимъ настоящимъ корреспондентомъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе дѣлается Публика. Поэтому неудивительно, что печатныя сообщенія въ видѣ писемъ въ редакціи газетъ, объявленій, рекламъ въ газетахъ развиваются и умножаются значительно быстрѣе, чѣмъ частныя письма. Всѣ такія сообщенія освободили частную переписку отъ одного изъ предметовъ, занимавшихъ въ ней прежде очень много мѣста. Напримѣръ, цѣлый томъ переписки Вольтера, какъ мы видимъ, заключаетъ въ себѣ множество писемъ, посвященныхъ извѣщенію друзей г-жи Шателэ съ остроумнѣйшими и стоившими не малаго труда варіантами въ стилѣ о рожденіи у нея ребенка.—Но эта потребность обращаться къ публикѣ появилась не такъ давно. Даже короли при старомъ строѣ вещей никогда не обращались къ публикѣ; они обращались къ сословію, къ парламенту, духовенству, но никогда не къ народу, взятому въ его цѣломъ. Тѣмъ болѣе справедливо это по отношенію къ частнымъ людямъ.

Можетъ-быть, мы имѣемъ даже право считать вѣроятнымъ, что въ числѣ частныхъ писемъ переписка фамильярная и разговорная, которую естественно нужно выдѣлить изъ дѣловой, постепенно уменьшается какъ по количеству, такъ и въ особенности по многословности, если судить объ этомъ по необыкновенному упрощенію и сокращенію, до которыхъ дошли даже любовныя письма, помѣщаемыя въ „лич-

ной корреспонденціи" извѣстныхъ французскихъ газетъ [1]) Разсчетливый лаконизмъ телеграммъ и телефонныхъ разговоровъ, назойливо врывающихся въ область письменныхъ сношеній, *отражается* на стилѣ даже самыхъ задушевныхъ писемъ. Съ одной стороны подавляемая періодической печатью, а съ другой—подрываемая телеграфомъ и телефономъ, т. е. подтачиваемая одновременно съ обоихъ концовъ, если еще существуетъ частная переписка и даже, на основаніи почтовой статистики, доставляютъ намъ обманчивые признаки своего преуспѣянія, то это можетъ зависѣть только отъ значительнаго увеличенія числа дѣловыхъ писемъ.

Письмо личное, простое, откровенное и подробное было убито газетой и это совершенно понятно, потому что газета составляетъ высшій его эквивалентъ или скорѣе продолженіе и развитіе, лучеобразно распространяемое по всему міру. Въ самомъ дѣлѣ, происхожденіе газеты не то, что книги. Книга происходитъ изъ *рѣчи*, изъ монолога и прежде всего изъ поэмы, изъ пѣсни. Книга стихотворная предшествовала книгѣ прозаической; книга священная явилась раньше свѣтской. Происхожденіе книги связано съ лирической поэзіей и съ религіей. Происхожденіе же газеты—чисто свѣтское, мірское, обыденное. Она происходитъ отъ частнаго письма, которому въ свою очередь предшествовалъ простой разговоръ. Такимъ образомъ газеты начались въ видѣ частныхъ писемъ, адресованныхъ многимъ лицамъ и написанныхъ во многихъ экземплярахъ. „Раньше печатнаго и публичнаго журнализма, болѣе или менѣе терпимаго правительствами или даже употребляемаго ими для своихъ цѣлей, въ Европѣ долгое время существовалъ журнализмъ рукописный, державшійся часто въ тайнѣ"; онъ продолжался еще, переживъ свое время, даже въ XVIII вѣкѣ въ видѣ писемъ Гримма или мемуаровъ Башомона (Дюбье).

[1]) Если что въ письмахъ всякаго рода постепенно сокращается и упрощается, то это безспорно ихъ церемоніальная сторона. Сравните только нынѣшнее «преданный вамъ» съ концевыми выраженіями писемъ XVI и XVII вѣковъ. Не подлежитъ также никакому сомнѣнію преобразованіе въ томъ же направленіи и освященныхъ временемъ формъ разговоровъ, но такъ какъ они не оставляютъ послѣ себя прочныхъ слѣдовъ (если не прибѣгать къ фонографу), то легче изучить здѣсь прогрессъ или регрессъ по перепискѣ прежде и теперь.

Посланія апостола Павла и миссіонерскія письма—настоящіе журналы. И если бы апостолъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи какую-нибудь *Религіозную Недѣлю* нашихъ дней, то ея статьи были бы писаны имъ.

Вообще, газета представляетъ публичное письмо, публичный разговоръ; произшедши изъ частнаго письма, изъ частнаго разговора, она становится ихъ главнымъ регуляторомъ и самой обильной пищей для нихъ, одинаковой для всѣхъ во всемъ мірѣ и глубоко измѣняющейся для всѣхъ же со дня на день. Она началась лишь, какъ длящееся эхо разговоровъ и переписки, а кончила тѣмъ, что стала почти единственнымъ источникомъ того и другого. Переписка еще жива, даже живѣе, чѣмъ когда либо, и сохраняется въ болѣе новой и сжатой формѣ телеграммы. Посредствомъ частной телеграммы на имя редактора газеты нынѣшній корреспондентъ сообщаетъ о какой-нибудь поразительной новости, касающейся животрепещущихъ вопросовъ дня, и эта новость мгновенно распространяется по всѣмъ большимъ городамъ даннаго материка, вызывая движеніе въ народныхъ массахъ. И разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ, толпы людей вдругъ приходятъ въ тѣсное прикосновеніе между собою, несмотря на разстояніе, вслѣдствіе сообщаемаго имъ даннымъ извѣстіемъ сознанія одновременности ихъ чувствъ и стремленія поступать одинаково, такъ что образуютъ изъ себя одну громадную толпу, абстрактную и деспотичную, принимающую названіе общественнаго мнѣнія. Это послѣднее закончило, такимъ образомъ, долгую, вѣковую работу, которая была начата разговоромъ, продолжаема перепиской, но всегда оставалась въ состояніи зачаточномъ, безсвязномъ, необъединенномъ; оно закончило работу сліянія личныхъ мнѣній въ мѣстныя, а этихъ послѣднихъ въ мнѣніе національное и наконецъ *міровое*, какъ самое величественное объединеніе общественнаго духа и мысли.

Я говорю объ общественной мысли и не разумѣю здѣсь *традиціонныхъ* способовъ мышленія, свойственныхъ разнымъ національностямъ и остающихся различными въ своихъ глубинахъ даже подъ этимъ двойственнымъ наводненіемъ *раціональнаго* интернаціонализма, въ которомъ одна сторона бываетъ часто лишь отзвукомъ и отголоскомъ даннаго народа.

Вопреки всему, это—громадная власть и она можетъ лишь все болѣе и болѣе возрастать. Дѣйствительно потребность согласоваться съ публикой, часть которой мы составляемъ, думать и дѣйствовать согласно съ общественнымъ мнѣніемъ становиться тѣмъ сильнѣе и тѣмъ непреоборимѣе, чѣмъ эта публика многочисленнѣе, чѣмъ общественное мнѣніе внушительнѣе и чѣмъ сама эта потребность чаще удовлетворяется. Поэтому не нужно удивляться при видѣ того, какъ гнутся наши современники подъ вѣтромъ проходящаго надъ ними общественнаго мнѣнія, и не слѣдуетъ отсюда заключать объ ослабленіи характеровъ людей. Когда тополи и дубы валятся подъ напоромъ урагана, это не значитъ, что они стали слабѣе, а значитъ, что вѣтеръ слишкомъ силенъ.

III.

Преступныя толпы и секты.

Вплоть до нашихъ дней, все время, какъ длится кризисъ индивидуализма, свирѣпствующій еще съ XVIII вѣка всюду: въ политикѣ, въ политической экономіи, равно какъ и въ нравственности, въ правѣ и даже въ религіи, преступленіе больше всего на свѣтѣ считалось существенно личнымъ, индивидуальнымъ; и среди криминалистовъ изгладилось всякое представленіе о сплошномъ, такъ сказать, или собирательномъ преступленіи, какъ и между богословами совершенно забылось понятіе о коллективномъ грѣхѣ, если исключить представленіе о прирожденномъ или первородномъ грѣхѣ. Когда покушенія заговорщиковъ или дѣянія разбойниковъ принуждали признать существованіе преступленій, совершенныхъ собирательно, совмѣстно, юристы спѣшили разложить эту преступную туманность на отдѣльныя личныя преступленія, а самая туманность считалась только суммой ихъ. Но въ настоящее время соціологическая или соціалистическая реакція противъ этой великой *эгоцентрической* иллюзіи естественно должна наконецъ привлечь вниманіе на соціальную сторону человѣческихъ дѣйствій, совершенно неправильно вмѣнявшихся въ вину отдѣльной личности. Появились любопытныя изслѣдованія преступности сектъ и въ этомъ отношеніи работы Тэна о патологіи якобинцевъ не имѣютъ ничего равнаго себѣ по глубинѣ и основательности; позже начали заниматься и преступностью толпы. Та и другая преступность представляютъ лишь два весьма различныхъ вида одного и того же рода, т. е.

собирательнаго или групповаго преступленія, такъ что будетъ не безполезно и не лишне изучить ихъ одновременно и совмѣстно.

I.

Трудность состоитъ не въ томъ, чтобы отыскать собирательныя преступленія, но въ томъ, чтобъ открыть преступленія, которыя не были бы таковыми, которыя нисколько не заключали бы въ себѣ пособничества или соучастія среды. Это до такой степени вѣрно, что можно даже спросить себя, существуютъ ли на самомъ дѣлѣ индивидуальныя преступленія, все равно какъ можно задать себѣ и другой вопросъ: есть ли такія геніальныя произведенія, которыя не были бы дѣломъ коллективнымъ? Разберите душевное состояніе самаго необщительнаго злодѣя, ведущаго отшельническую жизнь, въ минуту совершенія имъ своего дѣла; или прослѣдите равнымъ образомъ состояніе души самаго уединеннаго изобрѣтателя въ счастливый часъ его открытія, и отдѣлите отъ нихъ все то, что въ порожденіи такого лихорадочнаго состоянія принадлежитъ вліянію воспитанія, товарищества, ремесленной выучки и чисто біографическимъ случайностямъ; много ли тогда у нихъ останется своего? Конечно, очень не много, но все-таки кое-что останется и это кое-что столь существенно, что ему нѣтъ никакой надобности уединяться, чтобъ остаться самимъ собою. Напротивъ, это что-то, изъ чего и состоитъ индивидуальное *я*, должно вмѣшаться сюда со стороны, чтобъ сознать себя и утвердиться; оно питается тѣмъ, что его измѣняетъ. Именно лишь отъ многократнаго соприкосновенія съ чуждыми ему личностями оно и можетъ развиваться, присваивая себѣ ихъ особенности въ очень неодинаковой мѣрѣ, въ какой оно вообще одарено способностью скорѣе прямо присваивать себѣ чужую личность, чѣмъ уподоблять себѣ какую-нибудь изъ нихъ. Впрочемъ, даже порабощая себя, это *я* всего чаще остается самимъ собою и его рабство есть рабство предъ самимъ собою.

Отсюда мы видимъ, что Руссо прямо отворачивается отъ дѣйствительности, когда, въ видахъ достиженія индивидуальной автономіи въ наибольшей по возможности степени, онъ считалъ необходимымъ продолжительное уединеніе съ

самаго ранняго дѣтства, уединеніе, впрочемъ не полное, ученикъ вдвоемъ лишь съ учителемъ, такъ что ученикъ вполнѣ подвергался бы гипнотизаціи своего наставника. Его *Эмиль* представляетъ именно олицетвореніе и доведеніе до нелѣпости индивидуализма, свойственнаго тому времени. Если отшельничество полезно, если оно одно только дѣйствительно благотворно, то это лишь потому, что оно чередуется съ жизнью весьма общительною, не исключаетъ многочисленныхъ сношеній, опытовъ, чтенія, какъ матеріаловъ для размышленія.

Но несмотря на все это, позволительно называть индивидуальными и преступленія, какъ мы называемъ таковыми всякія дѣйствія, произведенныя однимъ какимъ-нибудь лицомъ, хотя и не безъ вліянія другого, но вліянія не яснаго, отдаленнаго, неопредѣленнаго, при чемъ и этотъ другой остается неизвѣстнымъ и неопредѣлимымъ. Эпитетъ же собирательный или коллективный можно оставить для дѣйствій, совершенныхъ при непосредственномъ и прямомъ сотрудничествѣ точно ограниченнаго числа соучастниковъ.

Разумѣется, въ этомъ смыслѣ могутъ существовать геніальныя произведенія, считаемыя за индивидуальныя или, лучше сказать, въ этомъ смыслѣ геніальное произведеніе не будетъ никакимъ другимъ, кромѣ какъ индивидуальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно, что въ нравственномъ отношеніи собирательныя единицы способны доходить до обѣихъ противоположныхъ крайностей: до величайшей преступности, но иногда и до величайшаго геройства; въ умственномъ же отношеніи—совсѣмъ другое дѣло; и если имъ свойственно спускаться до величайшихъ безумствъ и нелѣпостей, немыслимыхъ ни для какой отдѣльно взятой личности, то имъ никакъ не дозволяется возвышаться до высшаго проявленія разума и творческаго воображенія. По части нравственности онѣ могутъ падать очень низко или подниматься очень высоко; по части же ума имъ только и позволяется, что держаться на весьма низкомъ уровнѣ. Если существуютъ собирательныя преступленія, на которыя отдѣльный человѣкъ былъ бы не способенъ, каковы рѣзня и грабежъ, погромъ, производимые вооруженной шайкой, революціонные поджоги, сентябрскія убійства, Варѳоломеевскія ночи, эпидемическая продажность и прочее, то вѣдь бываютъ же и сборные героическіе поступки, при которыхъ

личность поднимается выше себя, каковы, напримѣръ, атаки легендарныхъ кираспровъ, эпидемическое мученичество, патріотическіе бунты, ночь 4 августа и прочее. Но есть ли геніальныя собирательныя дѣла, которыя бы можно было противопоставить сборнымъ безумствамъ и идіотствамъ, примѣры которыхъ мы скоро укажемъ?

Ихъ нѣтъ. Сказать, что они *есть*, можно было бы лишь при допущеніи безъ доказательства общераспространенной и произвольной гипотезы, по которой языки и религіи, произведенія несомнѣнно геніальныя, разсматриваются, какъ самопроизвольное и безсознательное созданіе народныхъ массъ и притомъ массъ, нисколько не организованныхъ, но совершенно ничѣмъ несвязанныхъ между собою, простыхъ сборищъ. Здѣсь не мѣсто заниматься разборомъ такого слишкомъ удобнаго рѣшенія этой сложнѣйшей проблемы. Оставимъ въ сторонѣ все, что происходило и совершилось въ доисторическія времена. Но и за историческое время какимъ это изобрѣтеніемъ, открытіемъ, какимъ это дѣйствительнымъ починомъ, новшествомъ обязаны мы этому безличному существу—толпѣ? Вы скажете—бунтами, революціями? Вовсе нѣтъ. За все, что въ революціяхъ было чисто разрушительнаго, толпа, по крайней мѣрѣ отчасти, можетъ быть отвѣтственна; но что такое революціи создали и дѣйствительно изобрѣли помимо того, что было сознано и придумано до нихъ или послѣ нихъ великими людьми въ родѣ Лютера, Руссо, Вольтера, Наполеона? Укажите мнѣ наилучше подобранную армію безъ полководца, въ которой бы самопроизвольно выработался планъ удивительной кампаніи или даже хоть посредственной; укажите мнѣ хоть военный совѣтъ, который бы въ замыслѣ какого-нибудь военнаго предпріятія,—я не говорю уже, въ его обсужденіи,—стоилъ бы даже самаго посредственнаго главнокомандующаго. Видали ли вы когда-нибудь любое образцовое произведеніе искусства, живописи, скульптуры, архитектуры, поэзіи, которое было бы задумано и выполнено собирательнымъ вдохновеніемъ десятка или сотни поэтовъ и художниковъ? Въ извѣстную эпоху господства плохой метафизики это предполагалось по отношенію къ *Иліадѣ*, но теперь надъ этимъ смѣются. Все, что есть геніальнаго, оказывается индивидуальнымъ, даже и въ дѣлѣ преступленій. Ни въ какомъ случаѣ не преступная толпа, не артель или шайка

мошенниковъ и злодѣевъ изобрѣтаетъ новый способъ убійства и воровства; это дѣлаетъ преемственный рядъ геніальныхъ убійцъ и воровъ, доведшихъ искусство убивать или грабить своего ближняго до нынѣшней степени совершенства.

Чѣмъ объясняется отмѣченная противоположность? Почему это соціальнымъ группамъ отказано въ высшемъ развитіи интеллекта, между тѣмъ какъ высшее и сильное развитіе воли и даже геройства и доблести для нихъ доступно? Это потому, что даже самый героическій, доблестный поступокъ есть нѣчто само по себѣ очень простое и отличается отъ обыкновеннаго нравственнаго поступка только въ степени; и вотъ именно сила единодушія, присущая человѣческимъ собраніямъ, гдѣ чувства и мнѣнія быстро подкрѣпляются вслѣдствіе многократныхъ взаимныхъ прикосновеній, и доходитъ здѣсь преимущественно до крайней степени. Но дѣло генія или таланта всегда сложно и отличается отъ проявленія народнаго, сборнаго разума не только по степени, но и по своей сущности. Тутъ дѣло идетъ не о томъ, чтобы лишь воспринимать и кое-какъ запоминать по извѣстному образцу, но о томъ, чтобы изъ воспріятій и извѣстныхъ образовъ составлять новыя сочетанія. На первый взглядъ кажется, что десятокъ, сотня, тысяча соединенныхъ головъ будутъ способнѣе обнять какой-нибудь сложный вопросъ со всѣхъ сторонъ, чѣмъ одна голова; но въ этомъ-то и заключается постоянная ошибка, столь же глубокая, какъ и соблазнительная. Во всѣ времена простодушно вѣрившіе въ этотъ предразсудокъ народы ждали въ тяжкія годины себѣ облегченія въ горѣ отъ собраній религіозныхъ или политическихъ. Въ средніе вѣка соборы, а въ новѣйшее время собранія сословныхъ представителей и парламенты — вотъ общепризнанныя панацеи, къ которымъ обращаются страждущіе народы. Суевѣрное преклоненіе предъ судомъ присяжныхъ и всякимъ собирательнымъ судбищемъ возникло изъ подобнаго же заблужденія, которое постоянно обличается, но постоянно же и возрождается. На самомъ дѣлѣ это никакъ не простыя *собранія* многихъ лицъ, но скорѣе *корпораціи*, подобныя какимъ-нибудь большимъ религіознымъ орденамъ или какимъ либо гражданскимъ или военнымъ организаціямъ, соотвѣтствовавшимъ иногда народнымъ потребностямъ. При

этомъ еще нужно замѣтить, что собирательныя единицы по самой ихъ корпоративной формѣ оказываются неспособными создать что-нибудь новое. Такъ обыкновенно и бываетъ, какъ бы ни былъ остроуменъ и хорошъ соціальный механизмъ, въ который введены живые люди для его дѣйствія.

Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли, чтобъ онъ равнялся какъ по своей сложности, такъ и гибкости устройству мозгового организма, этой ни съ чѣмъ несравнимой арміи нервныхъ клѣточекъ, которую каждой изъ насъ носитъ въ своей головѣ?

Поэтому, пока хорошо устроенный мозгъ, по быстротѣ и вѣрности своего дѣйствія, по скорости усвоенія и обработки многочисленныхъ матеріаловъ, по дружному дѣйствію безчисленныхъ его элементовъ будетъ имѣть преимущество предъ наилучше составленнымъ парламентомъ, было бы настоящимъ ребячествомъ, правда извинительнымъ и a priori правдоподобнымъ, разсчитывать на какіе-нибудь бунты или совѣщательныя палаты больше, чѣмъ на отдѣльную личность, чтобъ избавить страну отъ какой-нибудь опасности. Дѣйствительно, всякій разъ, когда какой-нибудь народъ переживаетъ одинъ изъ такихъ періодовъ, во время которыхъ ему всего нужнѣе бываютъ не только великія влеченія сердца, но и большія способности умственныя, всего сильнѣе чувствуется необходимость единоличнаго управленія подъ формой республиканской или монархической, съ парламентскимъ строемъ. Противъ этой необходимости часто возставали, видя въ ней какое-то *переживаніе* стараго и тщетно отыскивая ея причину; но, можетъ-быть, тайныя причины ея неявно заключаются именно въ предыдущихъ нашихъ соображеніяхъ.

Они же могутъ намъ послужить для точнаго опредѣленія того, въ чемъ состоитъ отвѣтственность вожаковъ за дѣйствія, совершенныя управляемыми ими группами. Какое нибудь собраніе или ассоціація, толпа или секта не имѣетъ никакой другой основной *мысли* кромѣ внушенной ей со стороны и эта мысль, это болѣе или менѣе разумное указаніе на цѣль, какую надо имѣть въ виду, на средства, какія надо употреблять, сколько они ни переходятъ изъ головы одного въ головы всѣхъ, остаются тѣми же самыми; поэтому внушитель ихъ является отвѣтственнымъ за всѣ

прямыя дѣйствія этой группы. Но чувство, соединенное съ этой мыслью и распространяющееся вмѣстѣ съ ней, не остается, при распространеніи своемъ, однимъ и тѣмъ же; оно дѣлается болѣе напряженнымъ, растетъ какъ будто въ нѣкоторой геометрической прогрессіи и, что́ въ головѣ внушителя было умѣреннымъ желаніемъ, осторожнымъ мнѣніемъ, напримѣръ, неосновательнымъ подозрѣніемъ по отношенію къ извѣстной категоріи гражданъ, становится вдругъ страстью, непоколебимымъ убѣжденіемъ, ненавистью, фанатизмомъ въ той подверженной броженію массѣ, въ которую это зерно попало. Сила чувства, одушевляющаго эту массу и доводящаго ее до крайностей какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ, оказывается такимъ образомъ ея собственнымъ произведеніемъ, по крайней мѣрѣ въ значительной части; оно бываетъ слѣдствіемъ взаимнаго согрѣванія этихъ собранныхъ вмѣстѣ душъ, взаимнаго сообщенія горящаго въ каждомъ огня; и было бы также несправедливо вмѣнять какому бы то ни было ея вожаку или руководителю всѣ преступленія, до которыхъ доведетъ ее это крайнее возбужденіе, какъ и приписывать ему всю заслугу въ великомъ дѣлѣ, напримѣръ, освобожденія отечества или самопожертвованій, вызванныхъ тою же горячкой. Поэтому отъ вожаковъ шайки или руководителей возстанія можно всегда требовать отвѣтственности за хитрость или ловкость, обнаруженныя шайкой или толпой въ исполненіи своихъ убійствъ или грабежей, но не всегда вмѣнять имъ въ вину силу и размѣры зла, причиненнаго пущенной ими въ ходъ преступной заразой. Лишь одному главнокомандующему слѣдуетъ приписывать честь плана кампаніи, но нельзя вмѣнять ему въ заслугу и храбрость его солдатъ. Я не говорю, что достаточно это различать, чтобы сдѣлать болѣе простыми всѣ вопросы объ отвѣтственности, возбуждаемые нашимъ предметомъ изслѣдованія, но я говорю только, что слѣдуетъ обращать на это вниманіе при нашемъ стремленіи ихъ рѣшать.

II.

Съ интеллектуальной точки зрѣнія, какъ и съ другихъ, нужно указать на значительныя разницы, существующія въ разнообразныхъ соціальныхъ группировкахъ. Не будемъ принимать въ счетъ тѣхъ изъ нихъ, которыя состоятъ изъ

простого механическаго сближенія. Прохожіе на многолюдной улицѣ, путники, собравшіеся или даже сгрудившіеся на пароходѣ или въ вагонѣ, очутившіеся за общимъ столомъ и сидящіе молча, не ведя между собою общаго разговора, сгруппированы лишь механически или физически, но не соціально. Тоже я сказалъ бы о крестьянахъ, собравшихся на сельскую ярмарку, на базаръ, пока они ограничиваются заключеніемъ торговыхъ сдѣлокъ между собою, пока они раздѣльно преслѣдуютъ свои различныя цѣли, хотя и сходныя взаимно, но не имѣющія ничего артельнаго, кооперативнаго, направленнаго къ достиженію какой-нибудь общей цѣли. Все, что можно сказать объ этихъ людяхъ, будетъ лишь то, что они носятъ въ себѣ возможность соціальной группировки въ той мѣрѣ, въ какой сходство языка, національности, вѣры, класса, воспитанія предрасполагаютъ ихъ болѣе или менѣе тѣсно ассоціироваться, если представится къ тому случай, потому что всѣ эти элементы чисто соціальнаго происхожденія, т. е. всѣ они произведены разлитіемъ подражанія, предметомъ котораго служилъ первый извѣстный или анонимный изобрѣтатель. Но пусть произойдетъ взрывъ динамита на улицѣ, пусть кораблю начнетъ грозить опасность пойти ко дну, пусть поѣздъ сойдетъ съ рельсовъ, пусть въ гостиницѣ вспыхнетъ пожаръ, пусть по базару разнесется подозрѣніе противъ предполагаемаго скупщика товаровъ, барышника, и тотчасъ всѣ эти индивиды способные къ ассоціаціи на самомъ дѣлѣ составятъ ассоціацію, преслѣдующую одну и ту же цѣль, охваченную однимъ и тѣмъ же чувствомъ, одной и тою-же страстью.

Тогда самопроизвольно и зародится та первая ступень ассоціаціи, которую мы называемъ толпою. По цѣлому ряду промежуточныхъ ступеней мы поднимаемся отъ этого зародышеваго, кратковременнаго и безформеннаго аггрегата къ той организованной, обладающей іерархіей, прочной и правильно устроенной толпѣ, которую можно назвать въ самомъ обширномъ смыслѣ слова *корпораціей*. Самымъ яркимъ выраженіемъ религіозной корпораціи является монастырь; образцами же свѣтской корпораціи могутъ служить полкъ и мастерская. Самымъ обширнымъ выраженіемъ той и другой могутъ быть церковь и государство. Впрочемъ, лучше замѣтимъ, что церкви и государства, религіи и національности всегда стремятся, въ періодъ сильнаго своего роста,

осуществить извѣстный корпоративный типъ въ видѣ монастыря или полка, но никогда этого, къ великому счастію, не достигаютъ вполнѣ. Ихъ историческая жизнь проходитъ въ постоянномъ колебаніи между тѣмъ и другимъ типомъ и они поочередно отдаютъ предпочтеніе то мысли о пребываніи въ видѣ громадной толпы, какою бываетъ всякое варварское государство, то мысли о составленіи изъ себя одной громадной корпораціи, какъ было во Франціи при Людовикѣ Святомъ.

То же самое нужно сказать и о томъ, что называли корпораціями при старомъ государственномъ строѣ; онѣ еще меньше были корпораціями въ обыкновенное время, чѣмъ союзы мастерскихъ, этихъ дѣйствительныхъ мелкихъ корпорацій, каждая изъ которыхъ авторитетно управлялась хозяиномъ или мастеромъ. Но когда какая-нибудь общая опасность заставляла всѣхъ обернуться въ одну сторону, когда выигранный процессъ привлекалъ къ себѣ вниманіе всѣхъ работниковъ извѣстной отрасли промышленности, подобно тому, какъ во время войны вниманіе всѣхъ гражданъ страны сосредоточено лишь на этомъ, связь союзовъ тотчасъ же дѣлалась тѣснѣе и очень скоро появлялась какая-нибудь личность, присваивавшая себѣ большую власть. Въ промежутки между такими единодушными сотрудничествами ассоціація между союзными мастерскими сводилась къ преслѣдованію извѣстнаго эстетическаго или экономическаго идеала, все равно какъ въ промежуткахъ между войнами обсужденіе извѣстнаго патріотическаго идеала составляетъ всю національную жизнь гражданъ. Новѣйшая нація, благодаря продолжительному дѣйствію понятій о равенствѣ, стремится вновь обратиться въ большую сложную толпу, болѣе или менѣе направляемую національными или мѣстными вожаками.

Но потребность въ іерархическомъ порядкѣ такъ настоятельна въ большихъ обществахъ, что по мѣрѣ того, какъ они становятся демократичнѣе, они—замѣчательная вещь—принуждены бываютъ иногда дѣлаться все болѣе и болѣе воинственными, начинаютъ укрѣплять, совершенствовать и распространять существенно іерархическую и аристократическую корпорацію—армію, не говоря уже о другой громадной арміи—администраціи. Можетъ-быть, посредствомъ этого демократія подготовляется, когда воинственный періодъ закончится, вновь обратиться, подъ мирною, промыш-

ленною, научною и художественной формой, въ корпорацію и сдѣлаться одною громадною мастерскою.

Между этими двумя крайними полюсами, которые я сейчасъ указалъ, могутъ размѣститься нѣкоторыя временныя группы, подбирающіяся однако по опредѣленному правилу или подчиненныя нѣкоторому общему надзору, какъ напримѣръ совѣтъ, судъ, или же извѣстныя увеселительныя собранія, литературный салонъ XVIII вѣка, Версальскій дворъ, театральная аудиторія; всѣ такія собранія, несмотря на легкомысленность ихъ цѣли или ихъ общаго интереса, держатся строгаго этикета, постоянной іерархіи, касающейся различныхъ мѣстъ, и проч. Наконецъ сюда же относятся извѣстныя научныя или литературныя собранія, академіи, представляющія скорѣе коллекціи взаимновліяющихъ талантовъ, чѣмъ корпораціи сотрудниковъ. Изъ числа разновидностей корпораціи, какъ вида, укажемъ на заговоры и секты, столь часто бывающія преступными. Парламентскія собранія заслуживаютъ отдѣльнаго мѣста: это скорѣе сложныя и противорѣчивыя толпы, толпы, такъ сказать, двухголовыя—какъ бываютъ уроды съ двумя головами,—гдѣ шумящее большинство подвергается нападкамъ многихъ группъ, состоящихъ изъ меньшинства, и гдѣ слѣдовательно зло единомыслія, эта великая опасность для всякой толпы, къ счастію нѣсколько нейтрализуется.

Но толпа или корпорація, всѣ виды истинной ассоціаціи отличаются одною и тою же постоянною чертой: они возникаютъ и болѣе или менѣе бываютъ руководимы какимъ нибудь явнымъ или скрытымъ вождемъ—скрытымъ, когда дѣло идетъ о толпѣ (по крайней мѣрѣ довольно часто), и всегда явнымъ и бросающимся въ глаза въ случаѣ всякой корпораціи. Съ той минуты, когда какое нибудь сборище людей начинаетъ чувствовать одну и ту же нервную дрожь, одушевляться однимъ и тѣмъ же и идти къ той же самой цѣли, можно утверждать, что уже какой-нибудь вдохновитель или вожакъ, или же, можетъ-быть, цѣлая группа вожаковъ и вдохновителей, между которыми одинъ только былъ дѣятельнымъ бродиломъ, вдунули въ эту толпу свою душу, внезапно затѣмъ разросшуюся, измѣнившуюся, обезобразившуюся до такой степени, что самъ вдохновитель раньше всѣхъ другихъ приходитъ въ изумленіе и ужасъ. Какъ у всякой мастерской есть хозяинъ, во всякомъ монастырѣ на-

стоятель, у всякаго полка командиръ, во всякомъ собраніи предсѣдатель или у всякой части собранія свой *вожакъ*, такъ равнымъ образомъ всякій салонъ вдохновляется своимъ зачинщикомъ разговоровъ, всякій мятежъ имѣетъ своего предводителя, всякій дворъ своего короля или князя, всякая клака своего запѣвалу или руководителя. Если театральная зала заслуживаетъ до извѣстной степени того, чтобъ ее разсматривать, какъ нѣкоторую ассоціацію, то это именно тогда, когда она рукоплещетъ, потому что въ этомъ своемъ дѣйствіи она слѣдуетъ побужденію, данному первымъ ударившимъ въ ладоши, и затѣмъ, когда она слушаетъ, потому что тутъ она подчиняется внушенію со стороны автора, чрезъ посредство говорящаго актера.

Итакъ вездѣ, видимо или невидимо, но непремѣнно существуетъ *ведущій* и *ведомые*, которыхъ необходимо различать по отношенію къ отвѣтственности. Этимъ мы не хотимъ сказать, что воля каждаго совершенно уничтожается предъ волей одного; воля этого послѣдняго, тоже внушенная и представляющая нѣкоторое эхо внѣшнихъ или внутреннихъ голосовъ, сгустившихся своеобразно здѣсь, должна была, чтобъ подчинять себѣ другихъ, дѣлать имъ извѣстныя уступки, льстить имъ, чтобъ вести ихъ за собою. Такъ поступаетъ ораторъ, остерегающійся пренебрегать ораторскими предосторожностями, драматургъ, которому приходится всегда преклоняться предъ разными предразсудками и измѣнчивыми вкусами своихъ слушателей, вожакъ, которому необходимо дѣлать поблажки своей партіи, даже какой-нибудь Людовикъ XIV, которому надо быть крайне внимательнымъ къ своимъ придворнымъ.

Только понимать это нужно различнымъ образомъ, смотря по тому, о чемъ идетъ рѣчь: о добровольныхъ ли собраніяхъ, или же объ организованныхъ. Въ этихъ послѣднихъ воля, чтобъ быть господствующей, должна уже отъ рожденія своего быть до извѣстной степени согласной со стремленіями и съ традиціями воль, ей подчиняющихся; но разъ она родилась, она выполняетъ свое дѣло съ точностью и съ тѣмъ бо́льшимъ совершенствомъ, чѣмъ разумнѣе будетъ организована корпорація. Въ толпахъ повелѣвающая воля не имѣетъ надобности сообразоваться съ преданіями, которыхъ здѣсь и не существуетъ; ей могутъ повиноваться, даже несмотря на очень неполное согласіе ея со стремленіями большинства;

но согласна ли она съ ними или нѣтъ, она всегда исполняется плохо и, подчиняясь ей, люди всегда ее извращаютъ. Можно утверждать, что разные виды человѣческой ассоціаціи взаимно различаются: 1) по способу, которымъ извѣстная мысль или воля входитъ въ среду и становится здѣсь направляющей, и по условіямъ соперничества мыслей и желаній, изъ котораго она выходитъ побѣдительницей; 2) по большей или меньшей легкости, представляющейся для распространенія этой мысли или направляющей воли.

Такъ называемая демократическая эманципація стремится сдѣлать доступнымъ для всѣхъ это состязаніе, о которомъ мы говоримъ, между тѣмъ какъ прежде оно было ограничено лишь людьми извѣстной категоріи; но всѣ усовершенствованія соціальной организаціи подъ формою демократической или аристократической имѣютъ слѣдствіемъ дать возможность всякому обдуманному и цѣлесообразному предложенію, исходящему отъ частнаго лица, войти въ сознаніе всѣхъ членовъ ассоціаціи въ наиболѣе чистомъ и наименѣе измѣненномъ видѣ, войти въ него наиболѣе вѣрнымъ и кратчайшимъ путемъ и произвести наиболѣе глубокое дѣйствіе. Предводитель возстанія никогда не располагаетъ вполнѣ своими людьми, а полководецъ почти всегда; воля перваго и его руководительство, осторожное и уклончивое, разнообразно измѣняется отъ тысячи препятствій, тогда какъ приказаніе второго идетъ къ цѣли быстро и прямо.

III.

Но впрочемъ многіе очень сильно оспаривали, по крайней мѣрѣ для толпы, важность и общность, приписываемыя нами роли вожака. Въ самомъ дѣлѣ бываютъ толпы безъ всякаго видимаго вожака *). Въ извѣстной мѣстности наступилъ голодъ и вотъ со всѣхъ сторонъ поднимается голод-

*) На Брюссельскомъ конгрессѣ по уголовной антропологіи, въ августѣ 1892 г., одинъ русскій ученый сдѣлалъ намъ такое возраженіе, указавъ на аграрные бунты въ его отечествѣ, причиняемые голодомъ. Позже, итальянскій ученый д-ръ Біянки, о которомъ мы еще будемъ говорить, сдѣлалъ намъ подобное же возраженіе.—Но зато я недавно узналъ, что развиваемое здѣсь положеніе было изложено гораздо раньше, еще въ 1882 г., извѣстнымъ русскимъ писателемъ г. Михайловскимъ (Н. К.) въ *Отечественныхъ Запискахъ*.

ный народъ, требуя хлѣба. Здѣсь, повидимому, нѣтъ никакого вожака; его мѣсто занимаетъ самопроизвольно возникшее единодушіе. Разсмотрите, однако, этотъ случай поближе. Всѣ эти возстанія вспыхнули не одновременно; они слѣдовали другъ за другомъ, какъ передается воспламененіе по насыпанному дорожкой пороху отъ первоначальной искры. Первый бунтъ произошелъ гдѣ-нибудь въ мѣстности, сильнѣе пострадавшей, или среди болѣе безпокойнаго населенія, на которое сильнѣе подѣйствовали извѣстные или незамѣченные агитаторы, давшіе знакъ къ возстанію. Затѣмъ сосѣднія мѣстности послѣдовали тому же побужденію и новымъ агитаторамъ пришлось меньше трудиться, благодаря работѣ ихъ предшественниковъ. И такимъ образомъ, мало по-малу продолжалось дѣйствіе этихъ послѣднихъ и каждая толпа подражала другой съ постепенно возрастающею силой, что въ такой же мѣрѣ уменьшало надобность или полезность мѣстныхъ руководителей, и наконецъ, особенно когда народный ураганъ разросся и выступилъ далеко за предѣлы, сообразные съ его причиной, разражаясь теперь уже не въ той мѣстности, гдѣ обнаружился голодъ, дѣло дошло до того, что уже никакого подстрекательства и руководства не замѣчается.

И странное дѣло!—странное по крайней мѣрѣ для того, кто не признаетъ силы подражательнаго увлеченія—самопроизвольность возстаній становится тогда тѣмъ болѣе полной, чѣмъ меньше для нея основаній. Именно это и забылъ замѣтить тотъ итальянскій писатель, который напрасно противопоставилъ намъ примѣръ агитаціи знаменитаго миланца въ 1889 г. Пока тянулся этотъ рядъ мелкихъ деревенскихъ бунтовъ, онъ видѣлъ, что многіе изъ нихъ возникали почти что самопроизвольно, что его впрочемъ и удивляло, такъ-какъ онъ соглашается, что выставляемая всѣми причина этого движенія была недостаточна для его объясненія. Жалобы на землевладѣльцевъ не заключали въ себѣ ничего основательнаго и, если годъ былъ плохой, то введеніе новой промышленности вознаграждало отчасти за недочетъ въ урожаѣ. При такихъ условіяхъ какъ повѣрить, что эти итальянскіе крестьяне возстали сами собою, безъ всякаго внѣшняго или внутренняго подстрекательства или же скорѣе безъ того и другого одновременно? Надо было вернуться къ первому изъ этихъ движеній, чтобъ убѣдиться,

что народное недовольство, бывшее мѣстнымъ и частнымъ, прежде чѣмъ оно распространилось и обобщилось, возникло не само по себѣ, что здѣсь, какъ при всякомъ пожарѣ, были поджигатели, разносившіе отъ фермы къ фермѣ, отъ гостиницы къ гостиницѣ злословіе, гнѣвъ и ненависть. Они-то и дали начавшемуся глухому броженію точную формулировку: „Землевладѣльцы не хотятъ уменьшить арендныхъ цѣнъ; чтобы принудить ихъ къ этому, надо ихъ запугать".

Были ясно указаны и средства для этого: собираться толпами, кричать, пѣть угрожающіе припѣвы, выбивать стекла, грабить и поджигать. Какъ скоро эта зараза распространилась, подстрекателю не стоило большого труда заставить двѣ или три сотни крестьянъ или крестьянокъ, выходящихъ изъ церкви послѣ вечерни или обѣдни, напримѣръ, произвести одну изъ такихъ манифестацій. Ему стоило только швырнуть первый камень, крикнуть, задать тонъ пѣсни; за нимъ тотчасъ послѣдуютъ всѣ, а потомъ будутъ говорить, что безпорядокъ этотъ начался самъ собою, безъ всякаго подстрекательства. Но онъ конечно необходимое слѣдствіе почина этого человѣка.

Съ этой точки зрѣнія всѣ шумныя сборища, проистекающія изъ начальнаго движенія и тѣсно сцѣпляющіяся между собою, какъ это обыкновенно бываетъ въ революціонныя времена, могутъ быть разсматриваемы, какъ одна и та же толпа. Такимъ образомъ, могутъ существовать толпы сложныя, какъ бываютъ сложныя волны, представляющія сплетеніе многихъ группъ волнъ. Если стать на эту точку зрѣнія, то будетъ ясно, что толпы безъ вожака не бываетъ, и кромѣ того окажется, что если, начиная отъ первой частной толпы, входящей въ эту *сложную*, и доходя до послѣдней, роль *вторичныхъ* вожаковъ уменьшается, то роль *первичныхъ* все растетъ, увеличиваясь съ каждымъ новымъ мятежемъ, возникающимъ изъ прежняго путемъ зараженія на разстояніи.

Доказательствомъ этому служатъ эпидеміи стачекъ. Первая изъ нихъ возникаетъ тамъ, гдѣ жалобы на хозяевъ всего сильнѣе, и слѣдовательно должна быть наиболѣе самопроизвольной изъ всѣхъ, но въ ней всегда проглядываетъ личность агитатора; послѣдующія стачки, хотя возникающія часто безсмысленно и безтолково,—такъ на моихъ глазахъ

начиналась перигорская стачка жерновщиковъ, просто не желавшихъ лишь отставать отъ моды,— представляются какими-то взрывами совсѣмъ безъ затравки, безъ фитиля; и ихъ на первый взглядъ можно назвать самопроизвольными, какъ называютъ „самострѣлами“ плохія ружья. Я впрочемъ убѣдился, что здѣсь слово *вожаки* въ приложеніи къ простымъ смутьянамъ-сплетникамъ, которые нажимали, такъ сказать, на курокъ почти безсознательно и не желая этого вполнѣ опредѣленнымъ образомъ, довольно-таки не точно. Я беру новый примѣръ у Біанки. Въ одной деревнѣ, при выходѣ изъ церкви народъ,—крайне возбужденный, какъ мы уже знаемъ,—замѣтилъ кучку полицейскихъ солдатъ, явившихся для надзора; это привело его въ страшное раздраженіе; послышались свистки, затѣмъ возгласы и крики, потомъ задорное пѣніе и вотъ всѣ эти смирные люди, дѣти, старики взаимно воспламенили другъ друга. Толпа пришла въ ярость и принялась, разумѣется, бить стекла и разрушать все, что оказалось ей по силамъ.

Любопытно мимоходомъ отмѣтить этотъ своеобразный вкусъ всякой толпы къ разбиванію стеколъ, къ шуму, къ ребяческому стремленію все разрушать. Это одно изъ многочисленныхъ сходствъ толпы съ пьяными, для которыхъ величайшее удовольствіе составляетъ послѣ опорожненія бутылокъ сокрушать ихъ.

Въ приведенномъ примѣрѣ, первый свистнувшій, первый крикнувшій вѣроятно никакъ не могъ себѣ представить то изступленіе, какое онъ этимъ вызываетъ. Но не будемъ забывать, что здѣсь рѣчь идетъ о волненіи, которому предшествовало много другихъ, имѣвшихъ своихъ подстрекателей, болѣе сознательныхъ и болѣе разсчетливыхъ.

Равнымъ образомъ часто случается, что толпа, возбужденная къ дѣйствію кучкою горячихъ людей, превосходитъ ихъ своею стремительностью, увлекаетъ ихъ за собою и, сдѣлавшись безголовою, повидимому остается безъ вожака. Тутъ вѣрно лишь то, что въ толпѣ его уже нѣтъ, какъ въ поднявшемся тѣстѣ нѣтъ уже дрожжей.

Наконецъ,—и это очень существенно—роль этихъ вожаковъ тѣмъ больше и виднѣе, чѣмъ толпа дѣйствуетъ дружнѣе, послѣдовательнѣе и толковѣе, чѣмъ болѣе напоминаетъ она нравственную личность или организованную ассоціацію.

Такимъ образомъ мы видимъ, что во всѣхъ случаяхъ, независимо отъ того, какую цѣнность имѣютъ люди, составляющіе данную ассоціацію, она будетъ стоить ровно столько, сколько стоитъ лицо, стоящее во главѣ ея. Что всего важнѣе здѣсь, такъ это свойства и особенности сего послѣдняго. Правда, для толпы это можетъ быть еще не такъ важно; но зато здѣсь, если дурной выборъ руководителя можетъ не привести къ столь печальнымъ послѣдствіямъ, какъ въ корпоративной ассоціаціи, то вѣроятность хорошаго выбора значительно меньше. Сходки, а равно и всякія собранія, даже парламентарныя, быстро поддаются хорошему говоруну, первому встрѣчному и совершенно неизвѣстному. Но корпораціи торговцевъ, коллегіи въ древнемъ Римѣ, первыя христіанскія общины, всякія корпораціи вообще при выборѣ своего настоятеля, епископа, старосты руководятся особенностями даннаго лица, уже давно подвергавшагося ихъ наблюденію; а если онѣ получаютъ его по назначенію, какъ армія—главнокомандующаго, то не иначе, какъ изъ рукъ лица высоко авторитетнаго и свѣдущаго. Онѣ гораздо менѣе расположены поддаваться „заискиваньямъ“, потому что живутъ не въ скученномъ состояніи, но часто бываютъ разсѣяны, а это позволяетъ ихъ членамъ, свободнымъ отъ опасностей взаимнаго соприкосновенія, руководиться во всякомъ дѣлѣ своимъ собственнымъ умомъ.

Кромѣ того, когда глава какой-нибудь корпораціи признанъ выдающимся, онъ можетъ умереть, но основанное имъ дѣло его переживетъ. Это къ несчастію, случается иногда даже и въ томъ случаѣ, когда основатель и не заслуживалъ бы такого переживанія, какъ это доказываютъ политическія партіи. Такъ во Франціи буланжисты пережили Буланже, въ Чили бальмацедисты пережили Бальмеседу. Основатель какого-нибудь религіознаго ордена, канонизованный послѣ своей смерти, продолжаетъ жить и дѣйствовать въ сердцахъ своихъ учениковъ всегда , и къ его дѣйствію прибавляется еще дѣйствіе всѣхъ слѣдовавшихъ за нимъ аббатовъ и преобразователей ордена, обаяніе которыхъ, какъ и его собственное, растетъ и очищается съ теченіемъ времени. Между тѣмъ хорошіе вожаки толпы *) —

*) На Брюссельскомъ конгрессѣ въ 1892 г. одинъ очень компетентный инженеръ Вейлеръ указалъ на полезную роль *хорошихъ* или,

ибо есть и такіе—перестаютъ дѣйствовать, какъ скоро толпа разсѣялась, и гораздо скорѣе забываются, чѣмъ замѣчаются другими. Толпа повинуется лишь вожаку живому и присутствующему, обаятельно дѣйствующему тѣлесно и физически, но никогда не призраку какого-нибудь идеальнаго совершенства, какимъ-нибудь обезсмертившимся воспоминаніямъ.

Какъ я уже сейчасъ мимоходомъ замѣтилъ, корпораціи за свое долгое, часто многовѣковое, существованіе представляютъ послѣдовательный *рядъ* вѣчныхъ вожаковъ, до нѣкоторой степени какъ бы прививающихся другъ къ другу и постепенно исправляющихъ другъ друга; въ этомъ корпорація опять отличается отъ толпы, въ которой бываетъ—самое большее—цѣлая группа временныхъ вожаковъ, но одновременно, при чемъ они отражаютъ другъ друга и тѣмъ увеличиваютъ свое дѣйствіе. Чѣмъ больше разницъ, тѣмъ больше и причинъ болѣе низкаго уровня толпы сравнительно съ корпораціей.

Существуютъ и другія различія. Здѣсь не только могутъ быть выбраны самые худшіе вожаки, способные вполнѣ подчиниться толпѣ, но можно опасаться также и наихудшихъ внушеній изъ числа всѣхъ исходящихъ отъ нихъ. Почему же? Потому что съ одной стороны, самыя заразительныя идеи и чувства естественно оказываются и сильнѣе дѣйствующими, точно такъ же, какъ всего дальше бываютъ слышны большіе колокола, а не тѣ, что обладаютъ лучшимъ и болѣе вѣрнымъ тономъ; а съ другой—самыя сильныя идеи бываютъ и самыми узкими и наиболѣе ложными, всего сильнѣе дѣйствующими на чувства, а не на умъ; самыя же сильныя чувства бываютъ и самыми эгоистическими. Вотъ почему въ толпѣ гораздо легче распространяется какая-нибудь ребяческая картинка, чѣмъ отвлеченная, но вѣрная мысль, сравненіе, чѣмъ доводъ, вѣра въ человѣка, чѣмъ отреченіе отъ какого-нибудь предразсудка. Вотъ почему равнымъ образомъ,—такъ какъ удовольствіе порицать сильнѣе удовольствія хвалить, а чувство самосохраненія сильнѣе

по его словамъ, *профессіональныхъ* вожаковъ, но не вожаковъ по профессіи въ распряхъ между хозяевами и рабочими. Онъ показалъ также, что рабочіе мало склонны въ это критическое время слушать «господъ» политиковъ. Почему? Потому что они знаютъ, что разъ политики явились, они такъ или иначе подчинятъ себѣ рабочихъ. Они боятся ихъ магическаго дѣйствія, но все же ему не подчиняются.

чувства долга,—свистки или шиканье расточаются гораздо щедрѣе, чѣмъ „браво“, и приступы паническаго страха встрѣчаются чаще проявленія мужества.

IV.

Такимъ образомъ относительно всякой толпы справедливо можно сказать, что вообще она бываетъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ ниже среднихъ способностей и нравственности ея членовъ. Здѣсь соціальный сплавъ, какъ бываетъ всегда, не только не сходенъ съ элементами, *произведеніемъ* или хоть *сочетаніемъ*, но не суммой которыхъ онъ является, но обыкновенно оказывается и менѣе цѣннымъ. Однако это вѣрно только для толпы или для сборищъ, приближающихся къ ней. Напротивъ, тамъ, гдѣ господствуетъ преимущественно *духъ корпораціи*, а не *духъ толпы*, часто случается, что составъ, въ который еще входитъ геній организатора, оказывается выше, чѣмъ нынѣшніе его элементы. Смотря по тому, представляетъ ли данная труппа актеровъ корпорацію или толпу, иначе сказать, смотря по тому, больше или меньше она дисциплинирована и организована, актеры играютъ вмѣстѣ лучше или хуже, чѣмъ каждый отдѣльно, когда онъ говоритъ свои монологи. Въ такой сильно дисциплинированной корпораціи, какъ корпусъ французскихъ жандармовъ, традиціонно передаются превосходныя правила для розыска злоумышленниковъ и преступниковъ, для выслушиванія свидѣтелей, для изложенія показаній, всегда удачнаго и выразительнаго, все это помогаетъ каждому отдѣльному члену, который находитъ опору для себя въ общемъ духѣ и разумѣ, болѣе высокомъ, чѣмъ личный.

Если можно было вполнѣ справедливо и даже въ видѣ пословицы говорить, что senatores boni viri, senatus vero mala bestia, то мнѣ сотня разъ представился бы случай замѣтить, что жандармы, хотя бы они всего чаще выказывали свою смышленность, но вообще всегда оказались бы менѣе смышленными и находчивыми, чѣмъ вся ихъ корпорація въ цѣломъ. Одинъ изъ генераловъ мнѣ говорилъ, что онъ замѣтилъ тоже самое, дѣлая смотры своимъ молодымъ солдатамъ. Разспрашивая ихъ отдѣльно о военныхъ пріемахъ, онъ находилъ у нихъ слабыя понятія о дѣлѣ, но когда они были всѣ въ сборѣ, онъ съ удивленіемъ видѣлъ, что они

дружно и съ увлеченіемъ выполняли всѣ движенія, при чемъ всѣ вмѣстѣ выказывали гораздо бо̀льшую смышленность, чѣмъ каждый въ отдѣльности. Равнымъ образомъ цѣлый отрядъ или полкъ часто оказывается храбрѣе, великодушнѣе и нравственнѣе, чѣмъ каждый солдатъ въ отдѣльности.

Безъ сомнѣнія всякія корпораціи: полки, монашескіе ордена, секты, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ идутъ дальше, чѣмъ толпы; отъ самыхъ благодѣтельныхъ видовъ толпы до самыхъ преступныхъ разстояніе меньше, чѣмъ отъ величайшихъ подвиговъ нашихъ армій до самыхъ низкихъ проявленій якобинства или отъ сестеръ Сенъ-Винцента де-Поля до дѣятелей каморры и до анархистовъ; и Тэнъ, обрисовавшій намъ съ такою яркостью какъ преступныя толпы, такъ и преступныя секты одновременно, какъ жакеріи, такъ и неистовства якобинцевъ во время Революціи, доказалъ, какъ гибельны были тѣ и другія. Но толпы чаще дѣлаютъ зло, чѣмъ добро, между тѣмъ какъ корпораціи чаще оказываются болѣе полезными, чѣмъ вредными. Это не значитъ, что среди послѣднихъ заразительность чувствъ и впечатлѣній не стремится быть въ соотношеніи съ ихъ силой и что самыя эгоистичныя изъ нихъ не стремятся быть и самыми сильными; но это стремленіе здѣсь всего чаще встрѣчаетъ препятствія въ подборѣ, въ особаго рода воспитаніи, въ новиціатствѣ, тянущемся многіе годы.

Когда случайно какое-нибудь сборище въ своихъ дѣйствіяхъ представляется поступающимъ лучше, героичнѣе, великодушнѣе, чѣмъ въ среднемъ могутъ поступать составляющіе его люди, то это зависитъ или отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ (напр. благородный энтузіазмъ національнаго собранія въ ночь 4-го августа), или же это великодушіе (какъ, можетъ-быть, въ томъ же примѣрѣ?) не болѣе, какъ видимое и притворное даже на взглядъ людей заинтересованныхъ, простое проявленіе скрытаго страха. Въ толпахъ геройство изъ страха проявляется очень часто. Въ другихъ случаяхъ благотворное дѣйствіе толпы оказывается лишь послѣдними слѣдами бывшей прежде корпораціи. Не такого ли происхожденія то добровольное самопожертвованіе, которое иногда проявляется въ мелкихъ городкахъ среди толпы сбѣжавшихся тушить большой пожаръ? Говорю: *иногда* именно для толпы, а не для корпораціи пожарныхъ, гдѣ эти удивительныя черты обычны и обыденны. Окружающій ихъ на-

родъ, можетъ-быть, по примѣру ихъ, подстрекаемый соревнованіемъ, тоже изрѣдка становится самоотверженнымъ и презираетъ опасности ради спасенія человѣческихъ жизней. Но если вы обратите вниманіе на то, что эти сборища—дѣло традиціонное, что у нихъ есть свои правила и свои обычаи, что здѣсь имѣется раздѣленіе обязанностей, что справа подносятся ведра съ водой, а налѣво идутъ съ пустыми ведрами, что здѣсь дѣйствія находятся въ соотвѣтствіи скорѣе съ *навыкомъ*, чѣмъ оказываются самопроизвольными, то вы очень склонны будете видѣть въ этихъ обнаруженіяхъ жалости и братскаго заступничества пережившйй остатокъ корпоративной жизни, свойственной средневѣковымъ „общинамъ“.

Есть ли теперь необходимость настаивать на доказательствѣ того, что люди въ сборѣ, въ толпахъ имѣютъ меньшую цѣнность, чѣмъ люди въ отдѣльности? Да, есть, потому что это еще оспаривается. Впрочемъ мы постараемся быть краткими. Навѣрно никто изъ Отфайскихъ крестьянъ, сожегшихъ на медленномъ огнѣ несчастнаго Монейса, ни одинъ изъ парижскихъ бунтовщиковъ, утопившихъ Винценини, не былъ бы способенъ въ отдѣльности, не говорю уже, совершить, но даже пожелать этого гнуснаго убійства. Большая часть сентябрьскихъ убійцъ были далеко не дурные люди. Дѣйствующее сборище, составленное даже въ большинствѣ изъ умныхъ людей, всегда отличается какою-то глупостью, какимъ-то ребячествомъ. Оно бываетъ ребяческимъ по своему крайнему легкомыслію, по своему внезапному переходу отъ гнѣва къ смѣху и проявляетъ глупость и звѣрство въ своей жестокости. Оно оказывается также трусливымъ, даже состоя изъ достаточно мужественныхъ людей. Если его противникъ, смѣло ему возражающій, напримѣръ инженеръ на работахъ, будетъ подшибленъ и сбитъ съ ногъ, то онъ выигралъ дѣло. Надавать пинковъ своему врагу, валяющемуся на землѣ, такое удовольствіе, отъ котораго толпа никогда не откажется.

А вотъ примѣръ прихотей толпы. Тэнъ приводитъ случай одной революціонной шайки, которая чуть было не покончила съ однимъ предполагаемымъ барышникомъ, но вдругъ умилилась передъ нимъ и пришла въ восторгъ. „Его заставляютъ пить и скакать вмѣстѣ со всѣми вокругъ „дерева свободы“, на которомъ за минуту предъ тѣмъ его чуть

было не повѣсили". Подобныя же черты наблюдались и въ эпоху коммуны. Въ послѣднюю недѣлю заключенныхъ повели въ Версаль, гдѣ они были окружены толпою. Между ними находилась, по словамъ Людовика Галеви, одна молодая и довольно красивая женщина со связанными назади руками, закутанная въ офицерскую шинель на красной подкладкѣ, и съ растрепанными волосами. Въ толпѣ стали кричать: „Полковница! полковница!" Женщина, поднявъ голову, отвѣчаетъ на эти крики презрительной улыбкой. Тогда со всѣхъ сторонъ заорали: „Смерть ей! смерть!" Одинъ старый господинъ крикнулъ: „Не надо жестокости, вѣдь это же женщина!" Гнѣвъ толпы на секунду обращается противъ этого господина. Его окружаютъ; раздаются крики: „Это коммунаръ! Это поджигатель!" Опасность для него была очень велика; но вдругъ раздался визгливый голосокъ, насмѣшливый и веселый голосъ парижскаго уличнаго мальчишки: „Не троньте ее! это его зазноба!" Тотчасъ же кругомъ несчастнаго раздался неудержимый хохотъ и онъ былъ спасенъ... Толпа почти въ одно мгновеніе перешла отъ сильнаго гнѣва къ самому беззаботному веселью".

Въ этомъ наблюденіи все достойно вниманія какъ вначалѣ, такъ и въ концѣ. Можно быть увѣреннымъ, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о французахъ, что при видѣ этой красивой амазонки, презирающей своихъ убійцъ, каждый изъ нихъ, взятый отдѣльно, могъ выражать лишь удивленіе передъ ней. Но въ видѣ сборища они испытывали лишь ярость въ отношеніи ея; они, повидимому, чувствовали только оскорбленіе своего собирательнаго самолюбія, этого преувеличенія ихъ частныхъ самолюбій, доведеннаго до послѣдней степени такимъ мужественнымъ презрѣніемъ. „Раздраженное самолюбіе у народа, говоритъ г-жа Сталь въ своихъ *Размышленіяхъ о французской Революціи*, не походитъ на наши слабыя его проявленія: оно требуетъ наказанія смертью". Очень вѣрно сказано; но на самомъ дѣлѣ оскорбленное самолюбіе достигаетъ такой остроты, доходитъ до жажды убійства не у отдѣльныхъ людей изъ простого народа, а только у народной массы. И это случается не только въ простонародномъ сборищѣ, но и во всякомъ собраніи хорошо воспитанныхъ и образованныхъ людей. Самое парламентарнѣйшее собраніе въ мірѣ, оскорбленное какимъ-нибудь ора-

торомъ, представляетъ иногда такое же зрѣлище полной готовности къ кровавой расправѣ.

До какой степени всякія толпы и вообще неорганизованныя и недисциплинированныя сборища бываютъ подвижнѣе, забывчивѣе, довѣрчивѣе, жесточе, чѣмъ большинство составляющихъ ихъ личностей, трудно себѣ и представить, хотя доказательства этого слишкомъ многочисленны. Подумалъ ли кто нибудь остановиться на слѣдующемъ? Въ октябрѣ 1892 г. динамитные взрывы распространили ужасъ въ Парижѣ. Казалось, не было ничего столь насущнаго, какъ защита отъ этой постоянной угрозы, да и въ самомъ дѣлѣ развѣ было не опасно! Но послѣ того, какъ изъ-за этого пало министерство и былъ изданъ новый законъ относительно печати, и что вполнѣ смѣхотворное въ борьбѣ съ этимъ бичомъ, вдругъ разражается Панамское дѣло. Съ тѣхъ поръ,—я хочу сказать, съ самаго же перваго дня, когда еще никто не могъ предвидѣть важности будущихъ разоблаченій, всѣ вчерашнія опасенія были забыты, хотя опасность оставалась тою же самою, и любопытство публики вмѣстѣ со злорадствомъ, возбужденное гораздо раньше появленія общественнаго негодованія, совершенно разсѣяли всѣ страхи. Такъ уже устроенъ *коллективный умъ*. Образы смѣняютъ въ немъ другъ друга; оставаясь безсвязными, они наслаиваются другъ на друга или укладываются рядомъ безъ всякой связи, какъ въ мозгу спящаго или загипнотизированнаго человѣка, и каждый изъ нихъ поочередно овладѣваетъ всею областью вниманія. Однако большая часть индивидуальныхъ умовъ, изъ которыхъ онъ состоитъ и которые содѣйствуютъ, сотрудничаютъ въ образованіи большой толпы, называемой общественнымъ мнѣніемъ, способны къ порядку и послѣдовательности въ распоряженіи своими мыслями.

Другой примѣръ. Въ маѣ 1892 г., пишетъ г. Дельбефъ, одинъ злополучный нѣмецъ, только что высадившійся изъ поѣзда въ Льежѣ, попалъ въ толпу, увлекшую его вмѣстѣ съ собою на мѣсто, гдѣ произведенъ былъ динамитный взрывъ. Вдругъ кто-то въ толпѣ, замѣтивъ, что нѣмецъ идетъ скорѣе другихъ, принялъ его за преступника и сказалъ это своимъ сосѣдямъ. И вотъ эта же самая толпа сочла своимъ долгомъ его разорвать. Однако изъ кого же она состояла? Вообще, это было отборное общество, только-что бывшее

на одномъ концертѣ. И можно было слышать голоса господъ, требовавшихъ на всякій случай револьвера, чтобъ убить несчастнаго человѣка, неизвѣстно какой національности, никому неизвѣстнаго по имени и неизвѣстно, за какое преступленіе! Въ дѣлѣ Куртрэ, когда будущій депутатъ пытался разыграть такую же роль, какъ Басли и его сообщники, толпа проявляетъ удивительную глупость: она готова разорвать экспертовъ!“

Вотъ еще примѣръ не въ столь трагическомъ родѣ. Предъ нами публика или аудиторія одного изъ кафе-концертовъ. Здѣсь собрались парижане и парижанки съ утонченнымъ вкусомъ. Каждое изъ этихъ лицъ въ отдѣльности очень любитъ хорошую музыку и литературу, хотя и съ острой приправой, но не безвкусную. Но собравшись вмѣстѣ, они могутъ наслаждаться только глупыми пѣснями. Извѣстная Ивета Гильберъ пыталась заставить ихъ слушать композиціи, вполнѣ достойныя ея исключительнаго таланта, но потерпѣла полнѣйшую неудачу.

Такъ какъ у насъ зашла уже сейчасъ рѣчь о Панамѣ, то на этомъ дѣлѣ, какъ и на множествѣ другихъ, можно было всякому убѣдиться, съ какою медленностью, съ какою неумѣлостью совершаетъ свои дѣйствія тотъ особаго рода собирательный судъ, который называется слѣдственною комиссіей, несмотря на несомнѣнную способность и умѣлость каждаго изъ ея членовъ. Весьма вѣроятно, что каждый изъ нихъ, облеченный тою же самою властью единично и дѣйствуя отдѣльно и самостоятельно, выполнилъ бы дѣло лучше. Во всякомъ случаѣ совершенно очевидно, что судъ проявляетъ меньше ума, чѣмъ отдѣльный судья.

По поводу одного изъ французскихъ министерствъ Вогюэ однажды сказалъ слѣдующее: „Эти министры, высокое личное значеніе которыхъ я съ удовольствіемъ указалъ выше, эти люди, выказавшіе въ большинствѣ случаевъ въ своихъ департаментахъ выдающіяся административныя способности, подвергаются какъ будто какому-то параличу, какому-то оцѣпенѣнію, когда они собираются вмѣстѣ за столомъ Совѣта или у основанія трибуны передъ тѣмъ, какъ принять какое либо коллективное рѣшеніе“. Къ сколькимъ министерствамъ, парламентамъ и конгрессамъ можно было бы приложить то же заключеніе!

Еще одинъ примѣръ, заимствуемый мною изъ записокъ

Жискэ, полицейскаго префекта при Людовикѣ-Филиппѣ. Въ апрѣлѣ 1832 г. Въ Парижѣ, въ разгаръ холерной эпидеміи, появились слухи, распространившіеся по городу съ быстротою молніи, о томъ, что причина эпидеміи отрава; народныя массы, крайне впечатлительныя въ такія минуты, тотчасъ повѣрили, что какіе-то люди отравляютъ съѣстные припасы, воду въ водопроводахъ, вино и другіе напитки. Въ минуту образовались громадныя сборища на набережныхъ, на Гревской площади и проч. и, можетъ-быть, еще никогда не видано было въ Парижѣ такого страшнаго собранія людей, столь раздраженныхъ этой мыслью объ отравленіи и разыскивавшихъ виновниковъ этихъ воображаемыхъ преступленій. Это была просто коллективная манія преслѣдованія. „Всякій, шедшій съ бутылкой, со склянкой, со сверткомъ небольшихъ размѣровъ, казался подозрительнымъ; какой нибудь простой флаконъ могъ оказаться неопровержимою уликой въ глазахъ этого обезумѣвшаго народа“.

Жискэ лично проходилъ не разъ „чрезъ плотныя толпы этихъ людей, одѣтыхъ въ лохмотья, и, по его словамъ, никакъ нельзя передать того отвратительнаго выраженія, какое имѣли ихъ лица, того впечатлѣнія ужаса, какое производилъ глухой ропотъ, слышавшійся кругомъ“. Эти обезумѣвшіе люди легко становились убійцами. „Одинъ молодой человѣкъ, служащій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, былъ убитъ на улицѣ Сенъ-Дени по одному подозрѣнію въ томъ, что онъ хотѣлъ бросить ядъ въ чанъ одного торговца виномъ“... Еще четыре убійства произошли при такихъ же условіяхъ. Подобныя же сцены въ Вожирарѣ и въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанскомъ. Здѣсь „двое неблагоразумныхъ пустились въ бѣгство; за ними погналась тысяча взбѣшонныхъ людей, обвинявшихъ ихъ въ томъ, что они дали дѣтямъ отравленную тартинку“. Эти двое поспѣшно укрылись въ сторожевую будку; но въ одну минуту этотъ городовой постъ былъ окруженъ народомъ, послышались угрозы, и ничто бы не помѣшало мгновенно убить этихъ несчастныхъ, если бы полицейскій коммисаръ и одинъ офицеръ не догадались, по счастію, разломить и съѣсть эту тартинку на глазахъ толпы. „Это присутствіе духа вызвало сейчасъ же смѣну ярости веселостью“.

Такія собирательныя сумасбродства бывали во всѣ времена; имъ подвергались толпы всякихъ племенъ и во вся-

кихъ климатахъ: римскія толпы, обвиняющія христіанъ въ поджогахъ Рима или въ пораженіи, постигшемъ какой нибудь легіонъ, и бросающія ихъ на растерзаніе звѣрей; средневѣковыя толпы, выставляющія противъ альбигойцевъ, противъ евреевъ, противъ какого нибудь еретика нелѣпѣйшія обвиненія, распространенность которыхъ принимается за доказательство ихъ справедливости; нѣмецкія толпы Мюнцера во времена Реформаціи, французскія толпы Журдана во времена Террора,—всѣ онѣ и всегда представляютъ одно и тоже зрѣлище. Всѣ онѣ—„террористы изъ страха", какъ выражалась мадамъ Роланъ о Робеспьерѣ.

Въ отношеніи непослѣдовательности толпы мнѣ указывали на то, что происходитъ на Востокѣ, въ извѣстныхъ странахъ, зараженныхъ проказою. Тамъ, говоритъ турецкій врачъ Замбако-паша, въ большинствѣ деревень, какъ только заподозрятъ проказу или совершенно неосновательно начнутъ кого нибудь обвинять въ одержимости ею, народъ, не обращаясь къ властямъ или покрайней мѣрѣ хоть къ медику, illico (немедленно) составляетъ изъ себя судъ и подвергаетъ линчеванію всякаго, кого признаетъ прокаженнымъ, вѣшая его на ближайшемъ деревѣ или прогоняя его бросаніемъ камней". Но то же самое населеніе посѣщаетъ часовни въ лепрозоріяхъ, „цѣлуетъ священныя изображенія въ тѣ же самыя мѣста, къ которымъ прикладывались своими губами прокаженные, и пріобщается изъ однѣхъ и тѣхъ же чашъ".

Какъ ни легкомысленны, какъ ни непослѣдовательны толпы, какъ ни лишены онѣ традицій въ собственномъ смыслѣ, онѣ однако не менѣе рутинны и въ этомъ онѣ также составляютъ противоположность корпораціямъ, которыя во весь свой восходящій періодъ бываютъ одновременно и традиціонными и прогрессивными,—и прогрессивными вслѣдствіе своей традиціонности. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я наблюдалъ довольно своеобразный примѣръ этой характеристической рутины у собравшихся случайно людей. Это было въ залахъ стараго заведенія для ингаляціи (лѣченія вдыханіемъ) въ Монъ-Дорѣ. Тутъ набито было три или четыре сотни человѣкъ въ тѣсномъ пространствѣ, наполненномъ водянымъ паромъ въ 40 градусовъ, вырывавшимся изъ одного мѣста въ центрѣ палаты. Всѣ скучали и вмѣсто того, чтобъ разговаривать, какъ это происходило въ женскомъ отдѣленіи, здѣсь старались двигаться. И вотъ эта толпа въ фуфайкахъ

изъ фланели принималась ходить въ видѣ процессіи вокругъ центральнаго кипятильника. И замѣчательная вещь,—всѣ кружились постоянно въ одномъ и томъ же направленіи, какъ движутся стрѣлки часовъ, и никогда, насколько я помню, не въ противоположномъ. По крайней мѣрѣ этого ни разу не случилось во весь мѣсяцъ, въ который я подвергался этому глупому лѣченію. Иногда при началѣ такого радѣнія я пытался ему воспротивиться и направить это однообразное движеніе въ противоположную сторону; но мнѣ это не удавалось. Всѣ кружащіеся или большая часть изъ нихъ вспоминали, что наканунѣ они кружились извѣстнымъ образомъ, и безсознательно, въ силу инстинкта подражанія, который сопутствуетъ намъ всюду и находится во взаимномъ отношеніи съ инстинктомъ симпатіи и общительности въ отношеніи причины и слѣдствія, каждый наровилъ вѣрно слѣдовать полученному раньше толчку.

Замѣчу въ скобкахъ, что этимъ можно измѣрять соціальную силу потребности подражанія. Дѣйствительно, если дѣйствіе столь незначительное, столь мало способное вліять на умъ и сердце, какъ случайное движеніе перваго изъ лѣчившихся двигаться въ этомъ направленіи, оказалось заразительнымъ до такой степени и развилось въ коллективное стремленіе, такъ сильно укоренившееся, то какова должна быть заразительная сила страстей, возбуждаемыхъ въ массахъ какимъ-нибудь вожакомъ, внушающимъ имъ мысли объ убійствахъ, грабежахъ и пожарахъ, обѣщающимъ золотыя горы! Обри въ своемъ любопытномъ сочиненіи о *заразѣ убійства*, основательно изучившій явленія этого послѣдняго рода, сообщилъ мнѣ объ одномъ маленькомъ наблюденіи, сдѣланномъ имъ за время его студенчества и подтверждающемъ предыдущее соображеніе: «Въ анатомическихъ театрахъ, писалъ онъ мнѣ, совершается много работы, но работа эта такого рода, что она не мѣшаетъ ни разговаривать, ни пѣть. Однажды я и мои товарищи были поражены однимъ психологическимъ явленіемъ, которому мы дали названіе *музыкальнаго рефлекса*. Вотъ въ чемъ оно состояло. Въ минуту, когда царила тишина настолько полная, какъ только возможно, стоило кому-нибудь изъ насъ пропѣть нѣсколько словъ изъ какой-либо всѣмъ извѣстной аріи и вдругъ остановиться, какъ сейчасъ же кто-нибудь другой, въ другомъ углу залы, продолжалъ начатую пѣсню, не отрываясь отъ работы

Мы часто повторяли этотъ опытъ и всегда успѣшно. Часто мы спрашивали своего продолжателя, того или другого изъ товарищей, и изъ его отвѣтовъ убѣждались, что онъ незамѣтилъ, какъ онъ послѣдовалъ данному побужденію, продолжая начатое пѣніе. Нѣтъ ли въ этомъ внушеніи, иногда безсознательномъ, чего-то бросающаго хоть немного свѣта на эти идеи, неизвѣстно почему и какъ появляющіяся въ толпахъ, приходящія неизвѣстно откуда и распространяющіяся съ необычайной быстротой?»

Одинъ изъ русскихъ врачей-аліенистовъ, д-ръ Баженовъ подмѣтилъ черту, подтверждающую и замѣчательно обобщающую наблюденіе д-ра Обри. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ Сара-Бернаръ играла на московской сценѣ *Даму съ камеліями*. Въ пятомъ дѣйствіи, въ самый драматическій моментъ, когда вся публика впилась глазами въ артистку и было бы слышно, какъ пролетитъ муха, умирающая отъ чахотки Маргарита Готье начала кашлять. Мгновенно всѣми присутствующими овладѣла эпидемія кашля и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ нельзя было слышать ни одного слова знаменитой артистки.

Театральная публика даетъ поводъ и ко многимъ другимъ замѣчаніямъ подобнаго же рода. Если она—самая прихотливая изъ публикъ, то она же отличается и наибольшею стадностью, такъ что одинаково трудно и предусмотрѣть ея капризы и измѣнить ея привычки. Прежде всего ея способы выражать одобреніе или порицаніе всегда одни и тѣ же въ любой странѣ: у насъ это—рукоплесканія и свистки. Затѣмъ все, что она привыкла видѣть на сценѣ, надо ей показывать всегда, какъ бы ни было это хитро, а что она не привыкла видѣть, это ей показывать опасно. Еще слѣдуетъ замѣтить, что театральная аудиторія представляетъ толпу сидячую, т. е. толпу лишь на половину. Настоящая толпа, толпа, въ которой электризація взаимнымъ прикосновеніемъ достигаетъ наибольшей степени быстроты и силы, составляется изъ людей, стоящихъ на ногахъ и, прибавимъ, идущихъ. Но эта разница существовала не всегда. Еще въ 1780 г., какъ это видно изъ одной статьи *Французскаго Меркурія* отъ 10 іюня 1780 г., партеръ въ главныхъ театрахъ стоялъ на ногахъ и почти только еще начинали говорить, что его не мѣшало бы посадить. И нужно думать, что посаженный на стулья партеръ присмирѣлъ. Тоже было

съ политической и судебной аудиторіей у разныхъ народовъ, у которыхъ сначала существовали парламенты подъ открытымъ небомъ, состоящіе изъ воиновъ или стариковъ тоже стоявшихъ на ногахъ и съ оружіемъ въ рукахъ, а наконецъ появились собранія въ закрытыхъ помѣщеніяхъ и дворцахъ, собранія изъ людей, сидящихъ на стульяхъ или на курульныхъ креслахъ.

Поэтому очень вѣроятно, что такое измѣненіе въ положеніи тѣла придало каждому слушателю нѣсколько больше силы сопротивляться увлекающему дѣйствію своихъ сосѣдей и сдѣлало его нѣсколько болѣе лично-независимымъ. Сидѣть, это значитъ уже начать замыкаться въ себѣ. И кажется, партеръ сдѣлался не такимъ мизонеистомъ, не такимъ ненавистникомъ новшествъ, какъ прежде, когда онъ оставался на ногахъ. Въ самомъ дѣлѣ, лишь съ этого времени французская сцена начала дѣлаться болѣе свободною. Однако даже и среди сидящихъ зрителей еще дѣйствуютъ очень могучія причины взаимнаго внушенія и прежде всего зрѣніе. Если бы зрители не видѣли другъ друга, если бы во время представленія они сидѣли, какъ въ тюрьмахъ съ одиночнымъ заключеніемъ сидятъ арестанты, слушая обѣдню, т. е. въ отдѣльныхъ клѣткахъ съ рѣшетками, изъ которыхъ имъ невозможно другъ друга видѣть, то нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ нихъ, подчиняясь лишь одному только дѣйствію пьесы и актеровъ, свободному отъ всякой примѣси дѣйствія публики, полнѣе пользовался бы влеченіемъ своего вкуса и въ такихъ странныхъ залахъ какъ рукоплесканія, такъ и свистки навѣрно были бы гораздо менѣе единодушны.

Въ театрѣ, на банкетѣ, при какой-нибудь народной манифестаціи рѣдко случается, чтобы кто-нибудь, даже не сочувствующій рукоплесканіямъ, тостамъ или виватамъ, осмѣлился не аплодировать, не поднимать своего бокала и хранить упорное молчаніе среди криковъ энтузіазма. Въ Лондонѣ среди какой-нибудь молитвенно-настроенной толпы вѣрующихъ, идущихъ въ процессіи, оказываются и скептики, которые завтра, при воспоминаніи о томъ, что они видятъ сегодня, при воспоминаніи объ этихъ сложенныхъ крестомъ рукахъ на груди, объ этихъ молитвенныхъ возгласахъ, издаваемыхъ сначала кѣмъ-нибудь въ одиночку, а затѣмъ повторяемыхъ всѣми, объ этихъ побызаніяхъ земли, объ этихъ массовыхъ преклоненіяхъ по мановенію какого-нибудь

монаха, будутъ надо всѣмъ этимъ потѣшаться. Но сегодня они не смѣются, не протестуютъ и въ свою очередь цѣлуютъ землю, кланяются и прочее, хотя и не скрешиваютъ рукъ на груди, а ограничиваются лишь нѣкоторымъ подобіемъ этого... Въ чемъ же дѣло? Въ страхѣ?—Нѣтъ. Въ этихъ набожныхъ толпахъ нѣтъ никакой жестокости. Просто никто не хочетъ дѣлать *скандала*. А этотъ страхъ предъ скандаломъ, что такое онъ въ своей сущности, какъ не крайняя важность, придаваемая самымъ независимымъ изъ разномыслящихъ собирательному порицанію публики, состоящей изъ личностей, сужденія которыхъ, каждой въ частности, въ его глазахъ не стоятъ ничего? Впрочемъ этого недостаточно, чтобъ объяснить во всѣхъ случаяхъ обычную и замѣчательную снисходительность невѣрующаго по отношенію къ ревностно преданной обрядомъ толпѣ, среди которой онъ затерялся. Нужно, я полагаю, допустить также, что въ минуту, когда по этой толпѣ пробѣгаетъ трепетъ мистическаго энтузіазма, и онъ хотя въ малой мѣрѣ, но раздѣляетъ его, такъ что и въ его сердцѣ ощущается мимолетная вѣра. Допустивъ и доказавъ это для толпы благочестивой, мы по праву могли бы пользоваться этимъ для объясненія того, что происходитъ въ толпахъ преступныхъ, гдѣ часто мгновенный „токъ“ жестокости извращаетъ самыя нормальныя сердца.

Преувеличенное расхваливаніе „гражданскаго мужества“ на счетъ мужества военнаго, которое считается не столь рѣдкимъ, сдѣлалось общимъ мѣстомъ и многими считается даже пошлостью. Но въ этомъ преувеличеніи есть нѣчто справедливое, объясняющееся предыдущими соображеніями. Дѣйствительно, гражданское мужество заключается въ борьбѣ противъ общераспространенныхъ склонностей и влеченій, въ шествіи противъ теченія, въ высказываніи на собраніи, на совѣтѣ отдѣльнаго мнѣнія, противорѣчащаго другимъ, несогласнаго съ мнѣніемъ большинства, между тѣмъ какъ воинское мужество состоитъ вообще въ томъ, чтобы отличиться въ битвѣ, подчиняясь въ наибольшей степени окружающимъ побужденіямъ и заходя дальше, чѣмъ другіе, въ томъ же самомъ направленіи, куда человѣка все здѣсь толкаетъ. Когда же, въ видѣ исключенія, воинское мужество въ свою очередь требуетъ, чтобъ человѣкъ противился общему влеченію, когда напримѣръ рѣчь идетъ о томъ, чтобы командиръ полка не поддался паническому страху

или наоборотъ, чтобъ онъ сдержалъ безразсудный порывъ полка, то такого рода храбрость есть нѣчто еще болѣе рѣдкое и вполнѣ соглашаемся, еще болѣе удивительное, чѣмъ оппозиціонная рѣчь въ палатѣ депутатовъ.

Вообще, по своимъ рутиннымъ, заѣзжаннымъ прихотямъ, по своему бѣшенству и склонности къ бунту, по своему легковѣрію, по своей нервности и по внезапнымъ переходамъ отъ ярости къ нѣжности, отъ раздраженія къ взрывамъ хохота, толпа походитъ на женщину, даже когда состоитъ, какъ это почти всегда и бываетъ, лишь изъ мужчинъ. Къ счастію для женщинъ, ихъ образъ жизни, удерживающій ихъ дома, осуждаетъ ихъ на сравнительную уединенность. Въ любой странѣ, во всѣ времена собранія мужчинъ бываютъ болѣе частыми, болѣе обыкновенными и болѣе многочисленными, чѣмъ собранія женщинъ. Отъ этого зависитъ, можетъ-быть, хотя отчасти очень значительная разница въ преступности обоихъ половъ въ пользу женщинъ. Меньшая преступность деревенскаго населенія въ сравненіи съ городскимъ можетъ имѣть связь съ тою же самой причиной. Деревенское населеніе живетъ обыкновенно просторно, не скученно. Когда же случайно женщины начнутъ ежедневно собираться вмѣстѣ—я говорю здѣсь не о корпоративной жизни въ видѣ монастырской или другой подобной, — ихъ испорченность начинаетъ равняться мужской или даже превосходить ее. Равнымъ образомъ, когда крестьянинъ въ тѣ года, въ которые жизнь бываетъ привольна и очень дешева, начинаетъ усердно посѣщать харчевни, а рабочій—кофейныя, то онъ становится безнравственнѣе, а рабочій—опаснѣе.

Карлъ Марксъ въ своемъ *Капиталѣ* (гл. XXV) нарисовалъ живописную картину шаекъ земледѣльческихъ рабочихъ, навербованныхъ какимъ нибудь подрядчикомъ, пьянымъ и распутнымъ бродягой, и предлагающихъ свои руки въ разныхъ графствахъ Англіи. „Недостатки этой системы, говоритъ онъ, состоятъ въ чрезмѣрномъ обремененіи работой дѣтей и молодыхъ людей... да еще въ нравственномъ развращеніи этой бродячей толпы. Расчеты происходятъ обыкновенно въ трактирахъ среди обильныхъ возліяній. Качаясь изъ стороны въ сторону, опираясь справа и слѣва на плечи здоровенныхъ бабъ, достойный вожакъ шествуетъ во главѣ своей дружины, а въ хвостѣ ея плетется молодежь, дура-

часъ и напѣвая шутовскія или безстыдныя пѣсни. Простодушныя деревни, поставляющія людей для этихъ шаекъ и принимающія ихъ, становятся Содомами и Гоморрами"...

V.

До сихъ поръ мы почти исключительно занимались толпами; обратимъ теперь нѣсколько большее вниманіе на корпораціи. Но сначала укажемъ взаимныя отношенія между тѣми и другими и объяснимъ, почему мы ихъ соединили въ одно цѣлое при изученіи. Причина этого очень простая: съ одной стороны, толпа стремится возпроизвестись при первомъ же случаѣ и воспроизводится чрезъ промежутки, все менѣе и менѣе неправильные, при чемъ она съ каждымъ разомъ улучшается и корпоративно организуется, обращаясь въ нѣкоторую секту или партію. Всякій клубъ бываетъ съ самаго начала открытымъ и публичнымъ; потомъ мало-помалу онъ закрывается и замыкается. Съ другой стороны, вожаки толпы всего чаще бываютъ не отшельники, не уединившіяся личности, *а люди секты*. Секта служитъ бродиломъ для толпы. Все, что совершаетъ толпа сколько нибудь важнаго, значительнаго по части хорошаго или дурного, бываетъ внушено ей корпораціей. Когда сбѣгается народъ тушить пожаръ, проявляя при этомъ разумную дѣятельность, это потому, что во главѣ его стоитъ отрядъ пожарныхъ. Когда толпа стачечниковъ разбиваетъ то, что въ ея цѣляхъ и слѣдуетъ разбивать, уничтожаетъ то, что и нужно уничтожать, напримѣръ рабочія орудія, оставшіяся на заводѣ, чтобъ добиться желаемаго, то это потому, что за ней или подъ ней стоитъ синдикатъ, союзъ, какая-нибудь ассоціація. Манифестирующія толпы, процессіи, похороны въ видѣ тріумфальнаго шествія устраивались братствами или политическими кружками. Крестовые походы, эти громадныя воинственныя сборища, были вызваны монашескими орденами, шли на голосъ Петра Пустынника или святого Бернара. Массовыя возстанія въ 1792 году были подготовлены клубами, а упорядочены и дисциплинированы разсѣянными членами прежнихъ военныхъ корпорацій. Сентябрьскія убійства и революціонныя жакеріи, эти звѣрскія толпы поджигателей, извержены были на свѣтъ якобинствомъ; повсюду во главѣ ихъ мы видимъ какого нибудь делегата отъ сосѣдней секціи. Въ

этомъ и состоитъ опасность сектъ. Ограничиваясь собственными силами, онѣ никогда не могли бы быть особенно зловредными; но достаточно слабой закваски злобы, чтобы на ней взошло громадное тѣсто глупости. Часто случается, что какая нибудь секта и толпа въ отдѣльности другъ отъ друга были бы не способны ни на какое преступленіе, между тѣмъ какъ по своемъ сліяніи онѣ легко становятся преступными.

Иногда это оспариваютъ, но несправедливо, такъ какъ никогда не могли строго доказать противнаго. Вандервельде, въ своемъ очень основательномъ, впрочемъ и интересномъ сочиненіи о „Профессіональныхъ ассоціаціяхъ въ Бельгіи“ (1891 г.), порицаетъ приговоръ Генегаузекаго суда, осудившій многихъ членовъ союза стекольщиковъ въ Шарлеруа за провокацію безпорядковъ, причиненныхъ стачкою стекольщиковъ въ мартѣ 1886 г. Относительно ихъ, по его мнѣнію, не было никакихъ уликъ кромѣ неосновательныхъ подозрѣній. Но немногими строками выше онъ только-что сказалъ, что задолго до стачки „Союзъ стекольщиковъ подготовлялся къ борьбѣ—къ борьбѣ страшной и отчаянной, какъ писалъ предсѣдатель этого союза къ обществамъ въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Вотъ на *этихъ-то пустякахъ* и возникли бунты въ мартѣ 1886 года. Тысячи рудокоповъ 25 марта исправляютъ свои орудія, а на завтра эта громадная толпа народа расходится по странѣ, останавливаетъ машины, громитъ стеклянные заводы и разрушаетъ заведеніе Боду“;—однимъ словомъ выполняетъ программу Союза. Это очень сильныя подозрѣнія, если не вполнѣ достаточныя.

Впрочемъ секты при своей дѣятельности могутъ обходиться и безъ толпы. Таковы секты, ставящія преступленіе своею главною цѣлью или обычнымъ средствомъ для нея, какъ напримѣръ Сицилійская маффія или Неаполитанская каморра. Какъ было сказано выше, корпораціи дальше, чѣмъ толпы, заходятъ по пути какъ добра, такъ и зла. Не было ничего болѣе благодѣтельнаго, какъ средневѣковая Ганза; нѣтъ ничего болѣе злотворнаго, какъ современная анархическая секта. И вотъ, какъ благодѣтельное дѣйствіе Ганзы, такъ и ужасное дѣйствіе анархизма распространяются съ одинаковою силой. Ганза, возникнувъ въ 1241 г., сдѣлалась въ нѣсколько лѣтъ, т. е. съ неслыханною для того времени скоростью, „высшимъ выраженіемъ собиратель-

ной жизни и средоточіемъ всѣхъ торговыхъ гильдій въ Европѣ“ (Пренсъ, *Демократія и парламент. строй*). Въ XIV вѣкѣ она образуетъ Союзъ, обнимающій собою болѣе восьмидесяти городовъ съ факторіями на протяженіи отъ Лондона до Новгорода. И однако онъ былъ основанъ только на свободномъ соглашеніи гильдій и городовъ; онъ не зналъ другого средства дисциплины кромѣ исключенія, а между тѣмъ его корпоративная сила была такъ велика, что власть Ганзы въ высшихъ интересахъ торговли распространялась на всю Европу.

Анархизмъ распространился столь же быстро. Въ 1880 г. изобрѣтатель его, князь Кропоткинъ основалъ въ Женевѣ журналъ Révolté (бунтарь); потомъ въ Ліонѣ, съ 1881 году газету Droit Social (Соціальное Право); оба эти листка почти не имѣли читателей. „Въ 1882 г., по словамъ Берара, вся армія анархистовъ состояла изъ немногихъ его приверженцевъ въ Лозаннѣ или въ Женевѣ, изъ двухъ или трехъ человѣкъ въ Парижѣ, изъ одного или двухъ кружковъ въ Ліонѣ съ отвѣтвленіями въ Сентъ-Этьенѣ, въ Вилльфраншѣ-на-Саонѣ и въ Віени,—не болѣе, какъ изъ шестидесяти или, если хотите, изъ сотни человѣкъ“. Черезъ десять лѣтъ, 28 марта 1892 г. въ Парижѣ состоялось уже чисто анархистское собраніе нарочито для одобренія дѣйствій Равашоля и его послѣдователей. Въ собраніи участвовало 3,000 человѣкъ и было получено множество сочувственныхъ телеграммъ со всѣхъ концовъ Франціи и изъ-за границы. „Анархисты многочисленны, они очень многочисленны въ рабочемъ классѣ“, говоритъ химикъ Жираръ, имѣвшій часто съ ними дѣло. По мнѣнію Преваля (*Анархія и Нигилизмъ*), анархизмъ не простой сбродъ разбойниковъ, но „готовая организоваться партія съ точно опредѣленною цѣлью и съ несомнѣнной надеждою увлечь за собою, по мѣрѣ достигнутыхъ *успѣховъ*, наибольшую массу городского пролетаріата“. Тотъ же авторъ называетъ анархистовъ „легкой кавалеріей соціализма“. Распространеніе нигилизма въ Россіи было не менѣе быстрымъ, какъ это доказываютъ судебные процессы 1876 и 1877 годовъ, отличавшіеся многочисленностью судимыхъ.

Между благонамѣренными и самыми преступными корпораціями есть еще другое сходство: какъ тѣ, такъ и другія являются выраженіемъ пресловутаго начала „борьбы за существованіе“, которымъ уже такъ много злоупотребляли. Эта удобная формула тремя четвертями своего успѣха обя-

зана, какъ и большинство людей, лишь своей покладистости и гибкости. Въ самомъ дѣлѣ, разсмотримъ самыя благодѣтельныя корпораціи средневѣковья. „Возьмемъ ли мы, говоритъ Пренсъ (Prins), самыя старыя и самыя простыя изъ нихъ: гильдіи Абботсбурга, Эксетера или Кэмбриджа, основанныя въ XI вѣкѣ въ Англіи; гильдіи Мапса и Камбрэ, возникшія въ 1070 и 1076 годахъ; корпорацію „Amicitia“ въ Эре во Фландріи, уставъ которой утвержденъ графомъ Филиппомъ въ 1188 году; или будемъ изучать могущественнѣйшія корпораціи во времена ихъ процвѣтанія, каковы были Гентскіе суконовалы, Лондонскіе лавочники, Аусбургскіе скорняки XIV вѣка,—вездѣ мы найдемъ приложеніе одного и того же начала: люди, не увѣренные въ будущемъ, боящіеся за свои интересы, ищутъ средствъ противъ бѣдъ во взаимномъ союзѣ“. Исторія всѣхъ ихъ очень проста: это **борьба слабыхъ противъ сильныхъ“.**

То же самое можно было бы сказать о прежнихъ университетахъ, объ этихъ великихъ интеллектуальныхъ корпораціяхъ, и даже о художественныхъ корпораціяхъ того времени, напримѣръ о корпораціи живописцевъ, основавшейся въ Гентѣ, въ 1337 г. подъ патронатствомъ св. Луки. Но и какая-нибудь шайка разбойниковъ тоже не болѣе, какъ борьба противъ высшаго общества. Надо сознаться только, что ея способъ борьбы совсѣмъ иной. Почему же иной? Почему одна и та же причина—горячее желаніе лучшей доли—побуждаетъ однихъ сплотиться для работы, а **другихъ—для убійствъ?**

Этотъ вопросъ и есть самая сущность проблемы о „факторахъ преступленія“, столь волнующей современныхъ криминалистовъ; но та же проблема, перенесенная отъ личностей къ группамъ, есть вопросъ о факторахъ собирательнаго преступленія. Перемѣщаясь такимъ образомъ, вопросъ этотъ выясняется, расширяется и даетъ средства контролировать нѣкоторыя посѣщныя рѣшенія, вызванныя индивидуальными преступленіями. Но здѣсь не время и не мѣсто распространяться объ этомъ контролѣ. Изъ такого сравненія можно было бы легко убѣдиться, что вліяніе климата, времени года, расы и причинъ физіологическихъ здѣсь несомнѣнно, но что оно очень преувеличивается. Отсюда мы увидѣли бы, что доля физическихъ причинъ въ дѣлѣ вліянія на группы уменьшается по мѣрѣ того, какъ, постепенно

организуясь, онѣ все болѣе и болѣе начинаютъ походить на индивидуальную личность; что слѣдовательно эта доля бываетъ болѣе значительна при возникновеніи группы и при опредѣленіи ея направленія въ честную или преступную сторону и что она больше въ толпахъ, чѣмъ въ дисциплинированныхъ ассоціаціяхъ.

Лѣтомъ, на югѣ, днемъ, въ хорошую погоду несравненно легче вызвать уличные безпорядки, чѣмъ зимою, на сѣверѣ, ночью и подъ проливнымъ дождемъ. Между тѣмъ въ періоды политическихъ кризисовъ почти такъ-же легко затѣять какой-нибудь заговоръ зимою, какъ и лѣтомъ, на сѣверѣ, какъ и на югѣ, ночью, какъ и днемъ или днемъ, какъ и ночью, въ дождливую погоду, какъ и при солнечномъ сіяніи. Напротивъ, мы увидѣли бы тогда, что „антропологическій факторъ“ или, говоря проще, составъ группы имѣетъ гораздо большую важность въ ассоціаціяхъ, чѣмъ въ сходкахъ, образовавшихся подъ вліяніемъ сильнаго, но скоропроходящаго чувства. Толпа, состоящая въ большинствѣ даже изъ честныхъ людей, легко можетъ дать увлечь себя на путь преступленій, вызванныхъ страстями, довести себя до крайностей мгновеннаго кровожаднаго помѣшательства, между тѣмъ какъ секта, одушевленная сильнымъ и упорнымъ чувствомъ, совершаетъ лишь обдуманныя и разсчитанныя преступленія, всегда сообразныя съ ея собирательными особенностями и носящія на себѣ сильный отпечатокъ расы.

Но здѣсь все это лишь второстепенныя условія. Главный вопросъ въ томъ, какія причины приводятъ ихъ въ дѣйствіе и ими орудуютъ. Не только нѣтъ особаго климата или особой поры года, предрасполагающихъ къ пороку или добродѣтели, ибо на одной и той же широтѣ и въ тотъ же самый мѣсяцъ возникаютъ всякаго рода злодѣянія рядомъ со всевозможными возвышенными и нѣжными чувствами, съ высоко нравственными поступками, но даже нѣтъ и расы, племени, которая была бы порочной или добродѣтельной отъ природы. Каждая раса одновременно производитъ личностей, которыя, *повидимому*, обладаютъ какимъ-то органическимъ предрасположеніемъ, какъ-будто онѣ предназначены однѣ къ разнаго рода преступленіямъ, другія къ разнаго рода добрымъ дѣламъ и мужественнымъ поступкамъ. И только пропорція тѣхъ и другихъ въ данный моментъ бываетъ различна для разныхъ расъ или, лучше сказать, для

разныхъ народовъ. Но эта разница не постоянна: она мѣняется до совершенной обратности, когда всякія случайности исторіи заставляютъ народы измѣнять религіи, законы, народныя установленія и понижать или повышать уровень богатства и гражданственности. Шотландія цѣлые вѣка была самою обильною по части преступленій страною въ Европѣ, а теперь, по статистическимъ даннымъ, въ этой странѣ совершается *меньше* убійствъ, *чѣмъ гдѣ-либо* въ Европѣ, при одинаковости населенія. Относительное число шотландцевъ, которыхъ мы могли бы квалифицировать, какъ прирожденныхъ человѣкоубійцъ, меньше, чѣмъ въ одно столѣтіе, уменьшилось почти на девять десятыхъ. И если такова численная измѣнчивость преступности, называемой врожденною, то какова же должна быть измѣнчивость преступности благопріобрѣтенной? Чѣмъ и какъ объяснить такія измѣненія? Почему большее или меньшее число преступниковъ *рождается* или *дѣлается* таковыми и притомъ въ такомъ или иномъ родѣ? Въ этомъ и заключается узелъ вопроса.

VI.

Въ преступныхъ ассоціаціяхъ мы тоже, если угодно, можемъ отличать ассоціаціи прирожденно-преступныя и даже такое названіе въ приложеніи къ группамъ безъ сомнѣнія встрѣтитъ меньше противниковъ, чѣмъ обычное пониманіе его. Дѣйствительно, мы несомнѣнно видимъ секты, какъ бы нарочно родившіяся для разбоя, воровства, убійства, очень различныя въ этомъ отношеніи отъ многихъ другихъ, которыя прежде имѣли въ виду болѣе благородныя цѣли, а потомъ испортились. Напримѣръ, Маффія и Каморра начали съ патріотическихъ заговоровъ противъ иностраннаго, чуждаго правительства.

Но это различіе, казавшееся столь важнымъ и возбуждавшее столько полемики по отношенію къ индивидуальной преступности, не имѣетъ ни малѣйшаго значенія въ приложеніи къ собирательной преступности. Преступная отъ рожденія или преступная во время своего роста, всякая секта, творящая зло, одинаково ненавистна и наиболѣе опасными изъ нихъ часто бываютъ именно тѣ, которыя, разрастаясь, сбиваются съ пути, отклоняются отъ своихъ основныхъ началъ. Если мы постараемся дойти до причинъ, которыя

здѣсь однихъ заставляютъ родиться для преступленій, а другихъ принуждаютъ въ нихъ впасть, то найдемъ, что это все тѣ же самыя причины, т. е. причины порядка психологическаго и соціальнаго. Въ обоихъ случаяхъ онѣ дѣйствуютъ двумя различными и дополняющими другъ друга способами: 1) возбужденіемъ въ комъ-нибудь мысли совершить преступленіе; 2) распространеніемъ этой мысли, равно какъ и намѣренія, плана и возможности ее осуществить.

Когда рѣчь идетъ объ индивидуальномъ преступленіи, то замыселъ и рѣшеніе, мысль и исполненіе всегда отдѣлены другъ отъ друга и слѣдуютъ другъ за другомъ, но происходятъ въ одномъ и томъ же индивидѣ. Въ этомъ главная его различіе отъ собирательнаго преступленія, гдѣ задачи распредѣляются между разными индивидами, гдѣ вожаки и истинные внушители никогда не бываютъ исполнителями. Разница тутъ такая же, какъ между мелкой и крупной промышленностью. Въ первой самъ ремесленникъ бываетъ одновременно и предпринимателемъ и рабочимъ, самъ же онъ и свой хозяинъ; во второй, какъ это слишкомъ хорошо извѣстно, хозяева и рабочіе—не одно и тоже.

Кто же внушаетъ мысль о преступленіи, преступную мысль? Я, пожалуй, могъ бы также спросить: кто внушаетъ геніальную мысль? Основныя начала и потребности, признанныя или непризнанныя еще правила и страсти, болѣе или менѣе открыто удовлетворяемыя, царящія въ окружающемъ обществѣ,—не скажу: въ большомъ обществѣ и всегда, но въ томъ тѣсномъ и тѣмъ болѣе плотномъ обществѣ, куда они случайно попадаютъ. Преступная идея столько же, какъ и геніальное изобрѣтеніе, не вырастаетъ изъ земли путемъ самопроизвольнаго зарожденія. Всякое преступленіе—и это особенно справедливо для собирательныхъ преступленій—представляется всегда, какъ смѣлый выводъ, дерзкая дедукція и всего чаще не менѣе послѣдовательная, чѣмъ дерзкая, изъ посылокъ, устанавливаемыхъ традиціонными пороками или новой безнравственностью, старыми предразсудками или окружающимъ скептицизмомъ; оно до нѣкоторой степени логически вытекаетъ, а не психологически только изъ нѣкоторыхъ небрежностей въ поведеніи, изъ нѣкоторыхъ привычныхъ уклоненій въ сторону въ устной или письменной рѣчи, изъ нѣкоторыхъ слабостей по отношенію къ успѣхамъ и извѣстности, къ деньгамъ, къ власти,

изъ нѣкоторыхъ скептическихъ и безразсудныхъ отрицаній въ духѣ системы или школы, бывающихъ въ ходу даже у самыхъ прямыхъ и честныхъ людей данной эпохи и данной страны.

Въ феодальной средѣ, руководившейся правилами чести, господствующимъ преступленіемъ было убійство изъ мести; въ новѣйшей общественной средѣ, наводненной страстнымъ корыстолюбіемъ, преобладаютъ воровство, мошенничество, корыстное убійство. Прибавимъ, что форма и особенности преступленій находятся въ извѣстномъ соотношеніи съ состояніемъ теоретическихъ или техническихъ знаній, распространенныхъ въ данной средѣ. Тотъ, кто до послѣднихъ успѣховъ химіи рѣшилъ бы кого-нибудь отравить минеральнымъ ядомъ, теперь будетъ думать объ отравленіи ядомъ растительнымъ; кто вчера еще трудился надъ сооруженіемъ адской машины въ родѣ придуманной Фіески сегодня будетъ изучать устройство новѣйшаго динамитнаго патрона и устраивать карманную бомбу, какъ болѣе практичную и удобную при употребленіи. И такія особенности и частности въ способахъ и средствахъ далеко не безразличны, потому что, обогащая преступный арсеналъ, какъ и промышленный, по части орудій, развитіе наукъ доставляетъ преступленію страшно возрастающую силу разрушенія и дѣлаетъ замыселъ и планъ преступленія доступными даже трусливымъ и робкимъ людямъ, которыхъ всегда больше, распространяетъ попытки къ нимъ въ кругу людей, все болѣе и болѣе возрастающемъ, людей со слабою волей и совѣстливыхъ, которыхъ опасное обращеніе съ адской машиной Фіески или Кадудаля, съ ножомъ Равальяка ужаснуло бы, но которые не содрогаются при мысли подложить подъ лѣстницу какой-нибудь котелокъ, опрокинувъ его вверхъ дномъ.

Всякое изобрѣтеніе вообще,—а первая мысль о преступленіи не что иное, какъ родъ очень легкаго изобрѣтенія,—является логическимъ поступкомъ у своего перваго автора. Вотъ почему часто, хотя и преувеличивая дѣло, но не безъ доли справедливости, говорятъ, что заслуга изобрѣтателя ограничивается сорваніемъ плода, готоваго упасть. Законъ ньютоновскаго притяженія логически выводится изъ трехъ законовъ Кеплера, которые сами неявно заключаются въ астрономическихъ наблюденіяхъ, накопившихся со временъ халдейскихъ астрономовъ до Тихо-Браге включительно. Ло-

комотивъ логически вытекалъ изъ паровой машины Уатта, изъ древней колесницы и изъ возросшихъ въ наше время потребностей передвиженія. Электрическій телеграфъ вытекалъ изъ открытій Ампера и изъ нашихъ умножившихся потребностей въ общеніи. Изобрѣтатель научный, военный, промышленный, преступный до крайности логиченъ.

Но это не значитъ, что всякому дано дѣлать такіе выводы и что выработанныя всѣми посылки сами собою сосредоточиваются въ какомъ-нибудь мозгу безъ всякаго дѣятельнаго участія въ этомъ со стороны послѣдняго. Онъ былъ для нихъ перекресткомъ по причинѣ своего исключительнаго пристрастія къ чему либо, жадности или любознательности, эгоизма или преданности и любви къ истинѣ; онъ искалъ и наконецъ нашелъ средства, годныя для достиженія его цѣлей. А чтобы достигнуть такого сведенія всего извѣстнаго въ одну точку, чтобы смѣло и точно выразить полученное слѣдствіе, перескочивъ черезъ доводы умственной робости или нравственной брезгливости, удерживающихъ другихъ людей въ обычномъ состояніи безсознательной непослѣдовательности, то прискорбной, то благодѣтельной, нужна исключительная организація, нужно тѣло, образованное нѣкоторой правящей монадой, принадлежащей къ числу наиболѣе сильно закаленныхъ, наиболѣе сосредоточенныхъ въ самихъ себѣ и упорныхъ въ своемъ бытіи. Правда, что безъ соціальнаго посѣва и эта плодородная почва индивидуальныхъ особенностей навѣрно ничего бы не произрастила.

Итакъ геніальные люди какого-нибудь общества составляютъ его принадлежность, но и преступники—тоже самое; если оно справедливо хвалится первыми, то должно винить себя самого и за послѣднихъ, хотя и имѣетъ право вмѣнять имъ въ вину ихъ поступки. Этотъ убійца умерщвляетъ человѣка, чтобъ его ограбить, потому что постоянно слышитъ вездѣ про великую силу денегъ; этотъ сатиръ слыхалъ, что удовольствіе составляетъ цѣль жизни; этотъ динамитчикъ исполняетъ лишь то, что совѣтуютъ дѣлать изо дня въ день анархисткіе листки, а эти послѣдніе, что они дѣлаютъ, какъ не выводятъ строго-логическія слѣдствія изъ такихъ аксіомъ, какъ „собственность, это—кража“, „капиталъ, это—врагъ“? Всѣ они слыхали насмѣшки надъ нравственностью и, чтобъ не быть непослѣдовательными, стали безнравственными. Высшіе классы, страдающіе отъ преступленія, не замѣчаютъ

того, что они-то сами и послужили для него причиной, если не подали прямо примѣра.

До сравнительно очень недавняго времени можно было строго поддерживать тотъ парадоксъ, что если поднимающаяся волна преступности, какъ показываетъ это наша статистика за послѣднія три четверти вѣка, сама по себѣ есть дѣйствительное зло, то она имѣетъ значенія лишь нѣкотораго симптома; что порочность разныхъ мошенниковъ можетъ возрастать и даже постоянно распространяться и что это рѣшительно нисколько не доказывало бы, что честность хорошихъ людей понижается. Вовсе нѣтъ; дѣло отлично можетъ идти такъ, что нравственность образованныхъ или невѣжественныхъ массъ на самомъ дѣлѣ постоянно повышается, но зато и преступность дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи. Такія вещи говорились, писались и печатались всякими оптимистами, какъ нельзя болѣе искренними, но особенно сильно проникнутыми тою собирательною глупостью, которая такъ свойственна нашему времени. Но съ тѣхъ поръ, какъ начались динамитные взрывы и разразилось Панамское дѣло, я не думаю, чтобъ такія рѣчи могли пользоваться довѣріемъ.

Есть кое-что очень знаменательное въ совпаденіи этого общественнаго испуга съ этимъ великимъ скандаломъ, такъ какъ одинъ изъ нихъ говоритъ объ отчаянномъ положеніи и ненависти внизу, а другой о безнравственности и эгоизмѣ, царящихъ вверху. И все это въ общемъ слишкомъ хорошо совпадаетъ съ восходящими кривыми преступности, вычерчиваемыми статистикой. Въ виду такого зрѣлища невольно хочется сравнить наше соціальное состояніе съ сильно поврежденнымъ бурею военнымъ кораблемъ, на которомъ того и гляди произойдетъ взрывъ пороховой камеры, если забыть о той части европейскаго населенія, которая вопреки всему остается еще сильною и здоровою, т. е объ арміи. И тогда приходится почти мириться съ мыслью о необходимости всеобщей вооруженности, если бы послѣдняя не таила въ себѣ очень большихъ опасностей, такъ какъ необходимость эта вызывается отчасти тоже соціальными условіями, среди которыхъ народилась или воскресла анархическая идея. Нельзя безнаказанно направлять духъ изобрѣтеній, какъ мы это дѣлали больше тридцати лѣтъ, на открытіе новыхъ взрывчатыхъ веществъ для военныхъ цѣ-

лей, на изобрѣтеніе ужасныхъ снарядовъ въ видѣ торпедъ и мелинитныхъ бомбъ. По мѣрѣ того, какъ мы восхваляли изобрѣтателей этихъ страшныхъ вещей, видя въ нихъ благодѣтелей человѣчества, воображеніе человѣческое привыкало къ ихъ ужаснымъ дѣйствіямъ. А разъ такіе снаряды изобрѣтены противъ внѣшняго врага, нѣтъ ничего болѣе естественнаго, какъ пользоваться ими противъ врага или соперника внутренняго, противъ чужака въ своей средѣ...

VII.

Перейдемъ къ нашему второму вопросу: Преступная мысль, запавшая въ голову, почему и какъ она распространяется и выполняется? Почему и какъ она нашла возможность нынѣ воплотиться въ организмѣ болѣе или менѣе обширной, болѣе или менѣе опасной секты, осуществляющей эту мысль, тогда какъ въ другое время она не могла навербовать и десятка сторонниковъ? Здѣсь чисто соціальныя вліянія преобладаютъ надъ естественными предрасположеніями. Разумѣется, эти послѣднія до нѣкоторой степени необходимы; такъ напримѣръ, нужна замѣтная склонность къ бѣшеному ненавистничеству и къ довѣрчивой подозрительности; но эти способности остаются безплодными, если къ нимъ не присоединяется, что совершенно необходимо, извѣстной подготовки умовъ путемъ разговоровъ или чтенія, посѣщенія клубовъ, кофеенъ, гдѣ отъ продолжительной заразы, отъ долгаго подражанія попадаютъ въ нихъ сѣмена предварительныхъ идей, способствующихъ благосклонному пріему совершенно новой мысли. Такимъ образомъ эта новая мысль набираетъ себѣ послѣдователей среди тѣхъ, кто подготовленъ къ этому другими идеями. Дѣйствительно всякая идея не только подбираетъ себѣ людей, но прямо создаетъ для себя ихъ, какъ душа, или, если угодно, какъ оплодотворенное яичко, создаетъ себѣ тѣло. То же самое предстоитъ сдѣлать и новой идеѣ: она мало-по-малу пускаетъ, углубляетъ и распространяетъ свои корни въ подготовленной для нея почвѣ. Отъ перваго, узнавшаго ее, она переходитъ опять чрезъ подражательную воспріимчивость сперва въ одного „оглашеннаго“, потомъ въ двухъ, въ трехъ, въ десятокъ, сотню, тысячу.

Первая фаза этой эмбріогеніи представляется ассоціа-

ціей изъ двоихъ; это и есть то простѣйшее явленіе, которое нужно хорошенько изучить, потому что всѣ слѣдующія фазы будутъ только повтореніемъ этого.

Итальянскій ученый Сигеле посвятилъ цѣлый томъ на доказательство того, что во всякой ассоціаціи изъ двоихъ: супружеской, любовной, дружеской, преступной, всегда бываетъ одинъ, дѣлающій внушеніе другому и налагающій на него свою печать. Очень полезно, что такое доказательство дано, хотя это могло бы показаться и излишнимъ. Въ этомъ никто не сомнѣвается; бѣда семьѣ или хозяйству, гдѣ нѣтъ ни ведущаго, ни ведомаго: разрывъ, разводъ не заставитъ себя ждать. Во всѣхъ парахъ, каковы бы онѣ ни были, болѣе или менѣе явно или скрыто замѣтно бываетъ, кто *внушитель* и кто *испытываетъ внушеніе*, хотя этой разницей и много злоупотребляли. Но по мѣрѣ того, какъ ассоціація возрастаетъ чрезъ присоединеніе послѣдовательныхъ неофитовъ, эта разница все-таки не прекращается; эта множественность въ сущности никогда не перестаетъ быть великою двойственностью и, какъ бы ни была многочисленна какая нибудь корпорація или толпа, она все еще остается чѣмъ-то въ родѣ пары, гдѣ или каждый изъ членовъ получаетъ внушенія отъ совокупности всѣхъ другихъ, т. е. отъ нѣкотораго собирательнаго внушителя, включая сюда и главнаго вожака, или же вся группа подчиняется внушенію лишь одного. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ внушеніе остается одностороннимъ, въ первомъ же оно по большей части бываетъ взаимнымъ, но дѣло въ сущности не измѣнилось.

Замѣчательно, что одинъ изъ болѣе разительныхъ примѣровъ такой властной способности, присущей нѣкоторымъ людямъ, легко дѣлающимся образцами для подражанія, представляетъ намъ секта анархистовъ, несмотря на то, что теоретически въ ея основѣ лежитъ коренное устраненіе всякаго начала власти. Если только есть общество, которое должно бы было обойтись безъ вождя, безъ вожака, то это конечно анархическая секта. Но оказывается, что нигдѣ роль вождя не была сыграна болѣе блестящимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе необъяснимымъ образомъ, какъ здѣсь, сначала княземъ Кропоткинымъ въ Женевѣ, а потомъ его замѣстителями и помощниками: Сивокомъ въ Ліонѣ, Равашолемъ въ Парижѣ и иными въ другихъ мѣстахъ. Да и что

такое вообще эта *пропаганда дѣломъ*, проповѣдуемая анархистами съ такимъ успѣхомъ, какъ не заразительное и обаятельное дѣйствіе примѣра?

Существуетъ много способовъ быть вожакомъ, имѣть внушающее вліяніе, производить *впечатлѣніе* на другихъ. Во-первыхъ, вліятельнымъ можно быть въ окружающей средѣ или на разстояніи, что далеко не одно и тоже. Дѣйствительно, иной образецъ отлично дѣйствуетъ на разстояніи, а вблизи остается безъ всякаго дѣйствія или даже дѣйствуетъ совершенно иначе, чего никогда не бываетъ при истинной гипнотизаціи... Отсюда видно, замѣтимъ въ скобкахъ, что уподобленіе занимающаго насъ явленія явленіямъ гипнотизма не слѣдуетъ преувеличивать. Напримѣръ, Руссо, котораго читалъ и перечитывалъ Робеспьеръ, дѣйствовалъ на него обворожительнымъ образомъ. Но въ высшей степени вѣроятно, что если-бы они лично знали другъ друга, то взаимная ихъ любовь прекратилась-бы очень скоро. Тоже самое надо сказать объ отношеніяхъ, устанавливающихся между журналистами и ихъ читателями, между поэтами, художниками и ихъ поклонниками, лично съ ними незнакомыми, между какимъ-нибудь играющимъ роль Сивиллы Карломъ Марксомъ и тысячами соціалистовъ и анархистовъ, едва разбирающихъ его писанія по складамъ. Дѣло часто бываетъ болѣе обаятельнымъ, чѣмъ дѣятель.

Во-вторыхъ, какъ вблизи, такъ и вдали, какой-нибудь человѣкъ можетъ пріобрѣсти власть надъ другими исключительной силой или своей воли, при посредственномъ умѣ, или ума и особенно убѣжденности, несмотря на относительную слабость характера, или своей сильной гордостью и могучей вѣрой въ себя или наконецъ силой своего творческаго воображенія. Не слѣдуетъ смѣшивать эти разные способы вожденія людей, потому что, смотря по преобладанію того или другого изъ нихъ, вліяніе одного и того-же человѣка можетъ быть благотворнымъ или гибельнымъ. Эти четыре главныхъ рода вліянія, т. е. желѣзная воля, орлиный взглядъ и сильная вѣра, могучее воображеніе и неприступная гордость часто соединены бываютъ вмѣстѣ у первобытныхъ народовъ, чѣмъ и объясняется глубокое идолопоклонство послѣднихъ предъ нѣкоторыми изъ своихъ вождей. Но съ ходомъ гражданственности они отдѣляются

другъ отъ друга и за немногими замѣчательными исключеніями—напримѣръ Наполеонъ—все болѣе и болѣе расходятся между собою, при чемъ умъ изощряется на счетъ характера или воли, становящейся податливою, или на счетъ постепенно притупляющейся силы вѣры. Выгодно стремиться къ тому, чтобы сила внушенія изъ односторонней превратилась во взаимную

Кромѣ того преобладающее вліяніе при дѣйствіи вблизи и при дѣйствіи на разстояніи принадлежитъ не тѣмъ-же самымъ выдающимся особенностямъ. Вдали дѣйствуетъ преимущественно превосходство въ умственномъ отношеніи или въ силѣ воображенія, вблизи-же всего болѣе дѣйствуетъ рѣшительность, непреклонность или даже фанатизмъ убѣжденія, гордость, хотя-бы и безразсудная. По счастію гражданственность ведетъ къ тому, что непрестанно увеличиваетъ пропорціонально число дѣйствій на разстояніи по сравненію съ другими, достигая этого чрезъ непрерывно распространяющуюся территоріально область вліянія выдающихся людей и чрезъ увеличеніе ихъ числа при посредствѣ книгъ и газетъ. Въ этомъ отношеніи заслуга, оказываемая печатью, очень велика и должна служить возмѣщеніемъ за доставляемое ею зло. Но въ случаѣ толпы именно мятежное и порочное дѣйствіе на близкомъ разстояніи развивается съ наибольшею своей силой; въ случаѣ корпорацій оно уже слабѣе и бываетъ лучшаго свойства, если мы не имѣемъ въ виду тѣхъ преступныхъ ассоціацій безъ прошедшаго и безъ будущаго, которыя создаетъ злобная власть отдѣльнаго человѣка и которыя умираютъ вмѣстѣ съ нимъ.

VIII.

Возвратимся къ сектѣ *практическихъ* анархистовъ. Если она появилась весьма недавно и не имѣетъ прошедшаго, то это касается лишь ея нынѣшней формы, такъ какъ достаточно бросить бѣглый взглядъ на ея прежнія формы, чтобы убѣдиться въ ея древности. Апокалиптическая мечта о всеобщемъ разрушеніи ради наибольшаго блага міра далеко не нова подъ солнцемъ. Всѣ еврейскіе пророки жили этимъ призракомъ. Послѣ взятія Іерусалима и разрушенія его храма, въ 70 году нашего лѣтосчисленія, въ Римской Имперіи появилось множество разныхъ «откровеній» еврейскихъ

или христіанскихъ, вполнѣ согласныхъ въ одномъ лишь томъ, что они предсказывали полное и внезапное разрушеніе всего существующаго порядка въ небесахъ и на землѣ, какъ необходимую прелюдію къ торжественному обновленію вселенной. Въ эпохи геологическихъ катастрофъ—страшное изверженіе Везувія и сильныя землетрясенія — нѣтъ ничего болѣе обычнаго, какъ подобнаго рода мысли о кончинѣ міра и о страшномъ судѣ, какъ ни противорѣчитъ это мнимому *мизонеизму* древнихъ народовъ. Такимъ образомъ нынѣшніе динамитчики въ сущности лишь находятся вновь подъ старымъ кошмаромъ милленаріевъ, ждавшихъ конца міра въ тысячномъ году. Только іерусалимскіе фанатики жаждали истребленія всего міра за его грѣхи, за несоблюденіе Закона, и были убѣждены на основаніи своихъ непогрѣшимыхъ книгъ, что за этимъ послѣдуетъ эра счастія, предсказанная въ тѣхъ-же книгахъ. Они со всею обстоятельностью описывали малѣйшія подробности будущаго счастливаго царства. Наши-же анархисты на вопросъ о томъ, чѣмъ они замѣнятъ разрушенное и стертое съ лица земли нынѣшнее общество, или не отвѣчаютъ ничего или, прижатые къ стѣнѣ, смутно толкуютъ о возстановленіи „благодатнаго естественнаго закона“. Они не показываютъ намъ священныхъ книгъ, гдѣ „ясно“ можно прочитать пророчества о ихъ грядущемъ мессіи и о неизреченныхъ благахъ его царства. А потомъ и не за нравственное зло, но исключительно лишь за зло физическое и экономическое, царящее въ мірѣ, они обрекли этотъ міръ на ужасное истребленіе.

Любопытная въ этомъ отношеніи статья была помѣщена Гюгомъ Леру въ газетѣ „Le Matin“ подъ заглавіемъ „На завтракѣ у динамитчиковъ“. Собесѣдникъ автора изложилъ ему свою программу: Они хотятъ запугать буржуазію динамитомъ, „испытать ея совѣсть“, задать страху, чтобы добиться господства. На вопросъ Леру, что-же они сооружатъ на той громадной tabula rasa, которую подготовляютъ, анархистъ пробормоталъ, что они будутъ повиноваться „благодѣтельному закону природы“. Таковъ *идеалъ*, во имя котораго бросали бомбы Эмиль Анри и Вальянъ, а Казеріо дѣйствовалъ своимъ ножомъ. Первичнымъ началомъ этого кровожаднаго бѣшенства, какъ оказывается, была идиллическая химера Руссо о *естественномъ состояніи*, — того-же самаго Руссо, которымъ вдохновлялся и Робеспьеръ.

Впрочемъ у анархистовъ есть и другое родство. Въ 1831 г. полицейскій префектъ Жискэ (см. его *Записки*) получилъ извѣстіе, что шайка изъ нѣсколькихъ лицъ предполагаетъ поджечь башни храма Нотръ-Дамъ и сдѣлать изъ этого пожара сигналъ къ возстанію въ Парижѣ. Разумѣется, это были прямые предшественники нашихъ *всеразрушителей*. Заговоръ почти удался; заговорщики были схвачены въ минуту, когда одна башня уже загоралась.

Таковы преступленія сектъ. Толпы имѣютъ тоже свои преступленія, представляющія не мало сходныхъ чертъ съ предыдущими. Таковы эпидемическіе пожары монастырей во время Реформаціи и замковъ во время Революціи. Въ этихъ разнузданныхъ шайкахъ поджигателей среди бѣла-дня, какъ и въ крадущихся среди сумерекъ нашихъ динамитчикахъ, сказывалась жестокая ненависть противъ господствующихъ классовъ общества, а потомъ, когда это обратилось въ привычку, тщеславная и безумная страсть къ разрушенію. И за этими шайками слѣдовали софисты, старавшіеся установить догматы партіи и оправдать ея злодѣянія. И эти пожары, какъ и эти взрывы считались и считаются преступленіемъ чистымъ, не пачкающимъ рукъ, не дающимъ убійцѣ видѣть кровь его жертвъ, слышать ихъ раздирающіе душу вопли. Нѣтъ недостатка въ людяхъ, умѣющихъ превосходно соглашать самую звѣрскую жестокость съ самою утонченною нервною чувствительностью.

Это сравненіе показываетъ, до какой степени преступная секта можетъ быть опаснѣе даже преступной толпы. Но зато очевидно также, что репрессіи легче бороться съ первой, чѣмъ со второй. Чѣмъ особенно страшна секта, такъ это тѣмъ, въ чемъ ея главная сила, т. е. непрерывнымъ ея совершенствованіемъ за время своего существованія. Системы фитилей и зажженныхъ лучинъ, употреблявшіяся вначалѣ, были неудобны, но онѣ не замедлили замѣниться другими болѣе совершенными и наконецъ оборотной бомбой, отличающейся чисто адской геніальностью.

Другая опасность сектъ состоитъ въ томъ, что онѣ вербуютъ своихъ членовъ не только между людьми болѣе или менѣе сходными между собою по естественнымъ склонностямъ или по воспитанію, какъ это бываетъ въ толпахъ, но втягиваютъ въ себя и употребляютъ для своихъ цѣлей людей разныхъ общественныхъ категорій, весьма различ-

ныхъ между собою. Собранія состоятъ изъ сходныхъ людей—qui se rassemble s'assemble, но ассоціаціи или союзы составляются изъ людей, дополняющихъ другъ друга, а чтобъ дополнять, надо отличаться. „Собираются сходные"—это особенно вѣрно для сектъ. Существуетъ не одинъ только типъ якобинцевъ, нигилистовъ, анархистовъ,—ихъ много. По вопросу о Ліонскихъ анархистахъ, въ 1882 г. Бераръ писалъ, что онъ пораженъ былъ разнообразіемъ ихъ состава. „Мечтательные мистики, простодушные невѣжды, преступники противъ общаго права сидѣли на одной скамьѣ съ рабочими, которые много читали, не понимая прочитаннаго, и въ головѣ которыхъ образовалась самая невѣроятная амальгама изъ всякихъ ученій; тутъ были настоящіе дикіе звѣри, наилучшимъ образчикомъ которыхъ былъ Равашоль, и наконецъ преобладающее значеніе имѣлъ здѣсь потомокъ высшей аристократіи Кропоткинъ, чистосердечно думавшій, что положеніе земледѣльцевъ во Франціи можно сравнивать съ положеніемъ крѣпостныхъ въ Россіи..." Слѣдовало бы прибавить, что въ этой же группѣ было немало и совершенно помѣшавшихся людей.

Это практическіе дѣятели преступной секты. Что касается до ея теоретиковъ, очень рѣзко отличающихся отъ этихъ и иногда вполнѣ искренно открещивающихся отъ нихъ, то они не менѣе многочисленны и разнообразны. Очень велико разстояніе отсюда до задорнаго и надменнаго генія, выковывающаго благовидныя теоремы противъ капитала на своей трибунѣ, какъ Лассаль, и бросающаго ихъ въ видѣ брандеровъ журналистамъ, которые распространяютъ ихъ въ массахъ, приспособляютъ къ обстоятельствамъ и чеканятъ изъ нихъ мелкую фальшивую монету. Однако сотрудничество всѣхъ этихъ талантовъ, столь различныхъ между собою, и ихъ встрѣча съ этими мистиками, простофилями и злодѣями, о которыхъ сейчасъ было сказано и которые также и сами взаимно помогали другъ другу, это двухстороннее содѣйствіе и эта взаимная встрѣча были необходимы, чтобъ могъ послѣдовать первый взрывъ динамитной бомбы.

Связь же между вдохновителями въ печати и исполнителями съ полною очевидностью была доказана въ Ліонѣ. Въ октябрѣ 1882 г. здѣсь было сдѣлано два покушенія; одинъ взрывъ въ кофейной, которая за нѣсколько дней до того была *указана* въ одной анархистской газетѣ; здѣсь

одинъ человѣкъ былъ убитъ и нѣсколько ранено. Другой—въ рекрутской пріемной палатѣ и онъ былъ заранѣе намѣченъ въ томъ же листкѣ.

Физически анархисты такъ же разнородны, какъ и нравственно. Нѣкоторые изъ нихъ представляются, такъ сказать, выродками въ физіологическомъ и анатомическомъ отношеніяхъ; таково, повидимому, большинство ліонскихъ анархистовъ. Въ этомъ они нисколько не походятъ на своихъ льежскихъ (люттихскихъ) собратьевъ. Но нужно также замѣтить, что многочисленныя покушенія, совершенныя этими послѣдними въ Льежѣ съ марта до мая 1892 г., не имѣли другихъ послѣдствій кромѣ матеріальныхъ поврежденій (особенно разрушеніе превосходныхъ окошницъ въ храмѣ Сенъ-Мартэнъ); есть даже основаніе полагать, что они и не хотѣли кого-нибудь убивать или увѣчить.

Какъ бы то ни было, двое выдающихся криминалистовъ, долго наблюдавшихъ въ тюрьмѣ этихъ шестнадцать льежскихъ анархистовъ, Тирп, профессоръ уголовнаго права въ Льежѣ, и Пренсъ, главный инспекторъ тюремъ въ Бельгіи, увѣряли меня вполнѣ согласно, что не замѣтили у этихъ подсудимыхъ ни малѣйшей физической аномаліи. Тотъ и другой были поражены ихъ „крайнею благопристойностью и порядочностью“. Всѣ эти люди на взглядъ Тири были безукоризненны съ точки зрѣнія работоспособности, семейныхъ отношеній и нравственныхъ правилъ. Одинъ изъ нихъ крайній мистикъ. Многіе и даже большинство очень смышлены. Но это не мѣшаетъ имъ быть, по словамъ Пренса, необыкновенно наивными. „Они хотѣли обратить вниманіе публики на несчастную долю рабочаго народа, говорили они. Парижская коммуна привлекла же вниманіе къ участи рабочихъ; слѣдовало это продолжать“. Всѣ за исключеніемъ вожака Муано, находясь въ заключеніи, раскаивались въ своемъ заблужденіи. Уже это одно показываетъ, какую власть имѣлъ надъ ними Муано. Впрочемъ „очевидно, писалъ мнѣ Прэнсъ, что они взаимно экзальтировали другъ друга своими разговорами“, чѣмъ и объясняется ихъ раскаяніе послѣ заключенія въ одиночныхъ камерахъ. „Я былъ пораженъ, прибавляетъ тотъ же наблюдатель, благовидной, открытой, умной и симпатичной физіономіей одного молодого человѣка, оружейнаго мастера. Онъ разсказалъ мнѣ, что все свое время, свободное отъ рабочихъ занятій, онъ проводилъ за чтеніемъ

Онъ читалъ Монтескье, Прудона, Кропоткина и другихъ. У Монтескье онъ нашелъ оправданіе права на возстаніе; у Прудона онъ прочиталъ, что собственность есть кража. *Завоеваніе* же *Парижа* (La conquête de Paris) князя Кропоткина привело его въ восхищеніе. „Вы не можете себѣ представить, мосье, какъ это прекрасно написано!“ сказалъ онъ мнѣ. И сколько подобныхъ умовъ готово для внушенія!

Описаніе парижскихъ анархистовъ, сдѣланное вышеупомянутымъ Гюгомъ Леру, бывшимъ у нихъ на закваскѣ, совершенно согласно съ наблюденіями Пресса и Тири. „Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на моихъ хозяевъ. На ихъ лицахъ не было тѣхъ зловѣщихъ чертъ асимметріи, той развитой пьянствомъ свирѣпости, которыми такъ непріятно поражаютъ фотографіи Бертильона. Это были люди изъ простонародья, по образованію ниже средняго и всѣ принадлежали къ классу рабочихъ“. Они излагаютъ свои теоріи очень сходно съ тѣмъ, какъ сдѣлали это двое другихъ ихъ „товарищей“, подробно развившіе ихъ ученіе предъ редакторами газеты ***Matin*** (11 ноября 1892 г.). Эти послѣдніе только-что закончили надуманную ими подписку на *ужины-бесѣды*. Хлѣбъ духовный вмѣстѣ съ тѣлеснымъ! Но, можетъ-быть, просившіе panem et circenses были менѣе опасны.

Тѣ мысли, какія предстоитъ распространять на этихъ бесѣдахъ, намъ уже извѣстны и мы знаемъ ихъ происхожденіе. Секты создаются именно на лживыхъ мысляхъ, на разныхъ дутыхъ, напыщенныхъ словахъ и часто на смутныхъ и темныхъ теоріяхъ; обращеніе къ чувству, разсчитанное дѣйствіе на чувство, обманъ зрѣнія, но не ума—вотъ что производитъ бунтъ въ толпахъ. Когда на похоронахъ Цезаря Антоній захотѣлъ вызвать возстаніе народа въ Римѣ, что онъ сдѣлалъ? Онъ велѣлъ поставить на ноги и обнажить трупъ Цезаря, лежавшій до того закрытымъ. На этомъ обнаженномъ трупѣ двадцать три раны. „Народу кажется, что самъ Цезарь всталъ со своего погребальнаго ложа и требуетъ мщенія. Онъ бѣжитъ къ куріи, гдѣ произошло убійство, и поджигаетъ ее. Толпа ищетъ убійцъ и, обманутая именемъ, разрываетъ на части одного трибуна Цинну, принимая его за претора Цинну“ (Дюрюи, *Исторія Римлянъ*). Въ началѣ революціи 1848 г. ночью по улицамъ Парижа носили трупъ одного изъ возставшихъ и это было одною изъ главныхъ причинъ народнаго возмущенія.

Но замѣните это, вызывающее галлюцинаціи, обращеніе къ чувству разными софизмами богословскими, метафизическими, экономическими, смотря по времени и мѣсту, и готова секта: возникли какіе-нибудь гусситы, анабаптисты, якобинцы, нигилисты, анархисты; родилась секта, болѣе склонная къ поджогамъ, къ убійствамъ, болѣе ужасная и болѣе долговѣчная, чѣмъ римскій бунтъ, вызванный трупомъ Цезаря.

Отъ Карла Маркса до Кропоткина и отъ Кропоткина до Равашоля разстояніе велико: но всѣ они въ связи между собою, какъ мнѣ ни жаль перваго, какъ выдающагося экономиста. Отъ негодованія, слишкомъ часто справедливаго, противъ соціальнаго строя, считаемаго дурнымъ и несправедливымъ, люди роковымъ образомъ переходятъ къ гнѣву, къ проклятіямъ противъ тѣхъ, кому эта несправедливость выгодна, и къ ненависти, ищущей ихъ смерти и убивающей ихъ. Не бываетъ ли людей, рождающихся съ непреоборимой потребностью что-нибудь или кого-нибудь ненавидѣть? Въ тотъ или другой день ихъ ненависть находитъ для себя предметъ и быстро обрушивается на чью-нибудь голову, поражая ее перомъ или желѣзомъ, диффамаціей или смертью. Наглецы печати указываютъ ее уличнымъ убійцамъ. Равашоль, это образецъ практическаго анархиста, безкорыстнаго убійцы для чужихъ цѣлей. Онъ принадлежитъ къ категоріи тѣхъ уголовныхъ рецидивистовъ, какіе встрѣчаются въ рядахъ всякой преступной секты. „Многіе анархисты, говоритъ Бераръ, были судимы за воровство: Борда, Равашоль, Франсуа, виновникъ взрыва въ Вери“. Справедливость еще требуетъ замѣтить, что даже въ обыкновенныхъ воровствахъ и убійствахъ, совершонныхъ ими, замѣтна рѣдкая закалка воли или особаго рода побужденіе. Сколько прискорбной энергіи въ томъ оскверненіи могилы, въ которомъ признался Равашоль! Если онъ совершилъ убійство отшельника съ цѣлью воровства, то, можетъ-быть, вѣрнѣе будетъ сказать, что онъ воровалъ съ цѣлью убійства, чтобъ доставить своимъ добрымъ товарищамъ средства, нужныя для выполненія ихъ кровожадныхъ плановъ. Равашоль въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ съ ужасной логической послѣдовательностью: этотъ старый отшельникъ—капиталистъ; всякій капиталистъ—воръ, морящій голодомъ рабочихъ; убьемъ же его, возвратимъ назадъ свое имущество, захвативъ его деньги; употребимъ эти

деньги на искорененіе палачей народа и на истребленіе всего, ими созданнаго: храмовъ, музеевъ, библіотекъ, рудниковъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ, всѣхъ этихъ разнообразныхъ воплощеній и маскъ ненавистнаго капитала. Такъ именно и говорилъ анархистъ Зевако предъ Парижскимъ судомъ въ октябрѣ 1892 г. „Капиталисты морятъ насъ голодомъ,—и мы будемъ ихъ грабить, убивать и взрывать динамитомъ; всѣ средства хороши, чтобъ избавиться отъ этой язвы".

Эта чудовищная логика у Равашоля еще рѣзче, чѣмъ у Фіески, на котораго онъ походитъ во многихъ отношеніяхъ; замѣтенъ прогрессъ отъ одного до другого какъ по этой части, такъ и по части употребленныхъ въ дѣло снарядовъ. У обоихъ—та же показная безумная гордость, та же сила воли. Если я разскажу, что я сдѣлалъ, во всѣхъ газетахъ появится мой портретъ", говорилъ Равашоль Комартэну. Фіески—тоже былъ рецидивистъ: раньше онъ занимался воровствомъ домашняго скота на Корсикѣ, своей родинѣ, и поддѣлывалъ печати меріи; впрочемъ все это—повидимому мелочи у этихъ островитянъ. Но если у этого корсиканскаго ткача логика слабѣе, если въ этомъ неотесанномъ человѣкѣ не все находится въ столь ужасной связи, не все направлено къ одной цѣли, такъ зато въ немъ больше той мрачной и дикой красоты, какая видна въ этихъ преступникахъ при Рембрантовскомъ освѣщеніи. Онъ во всемъ признался, „чтобъ его не считали простымъ убійцей". Этотъ поддѣлыватель печатей покраснѣлъ бы отъ стыда, еслибъ солгалъ! Храбрость и жестокость—вотъ лицо и изнанка всякой античной медали; подобно множеству старыхъ римлянъ онъ былъ храбръ и жестокъ вслѣдствіе храбрости. Это презрѣніе къ жизни другого, заставляющее, не моргнувъ бровью, принести въ жертву десятка-два невинныхъ людей, чтобъ добиться смерти одного, становится нѣсколько понятнѣе, если не извинительнѣе, когда оно связано съ презрѣніемъ къ собственной смерти. Этотъ убійца нисколько не былъ трусомъ.

Онъ намъ оставилъ яркое изображеніе своего душевнаго состоянія въ минуту покушенія,—слишкомъ яркое, чтобъ оказаться невѣрнымъ; впрочемъ онъ изъ-за одной гордости свято чтилъ правдивость, какъ и признательность. Вотъ онъ находится уже въ камерѣ позади своихъ двадцати-четырехъ

пушекъ, наведенныхъ на цѣль, передъ минутой, когда долженъ проходить король. Онъ поклялся выполнить свое роковое рѣшеніе. Онъ далъ обѣщаніе Пепину и Морею и сдержитъ его, во что бы то ни стало... Однако онъ замѣчаетъ въ толпѣ своего благодѣтеля Ладвока. При видѣ его онъ измѣняетъ прицѣлъ своихъ пушекъ; нельзя же ему покушаться на столь священную для него жизнь. Но Ладвока уходитъ и появляется король въ сопровожденіи цѣлаго отряда. Новое раздумье. Убить столько генераловъ, офицеровъ, заслужившихъ свои отличія въ сраженіяхъ, въ битвахъ за отечество подъ начальствомъ великаго Наполеона, этого „великаго корсиканца"! У него не хватаетъ на это духа, но тутъ онъ вспоминаетъ, по его словамъ, что вѣдь онъ далъ слово Пепину и Морею, и говоритъ самъ себѣ: „Лучше умереть, чѣмъ пережить стыдъ за неисполненіе обѣщаннаго и прослыть трусомъ". Онъ нажимаетъ курокъ. — Замѣчательно, что онъ сильно заботился о томъ, что будутъ говорить о немъ на Корсикѣ. Эта крайняя забота о тѣсномъ кружкѣ и пренебреженіе большимъ обществомъ очень характеристична. И Равашоль тоже безпокоился лишь о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ его дѣло въ грушѣ его „товарищей".

Можно ли сказать, что такіе люди, какъ Фіески и даже Равашоль, были неизбѣжно предназначены для преступленія? Однако покушеніе перваго было дѣломъ не простымъ. Чтобъ его произвести, нужно было, чтобы холодное и молчаливое коварство Морея вмѣстѣ съ денежными и нѣсколько болѣе высокими умственными средствами Пепина соединились въ одно цѣлое съ упрямой энергіей Фіески; и нужно было также, чтобъ фанатизмъ всѣхъ ихъ былъ возбужденъ и изо дня въ день поддерживался и подогрѣвался какими-нибудь журналистами, поощряемыми въ свою очередь злобностью или ротозѣйствомъ многихъ тысячъ читателей. Устраните одинъ изъ этихъ пяти „факторовъ",—публика, газеты, замыселъ, деньги, смѣлость,—и взрывъ не состоялся бы. При всякой взорвавшейся бомбѣ, какъ и при всякомъ скандалѣ финансовомъ, парламентскомъ или иномъ, возмущающемъ общественное мнѣніе, мы, слѣдовательно, всѣ и каждый въ большей или меньшей степени повинны сказать: mea culpa! Всѣ мы принимали хоть маленькое участіе въ самыхъ причинахъ того, что насъ теперь такъ тревожитъ. Вѣдь немножко

по нашей общей винѣ эти, какъ говорятъ, могучія организаціи направлены столь дурно. Конечно, отсюда не слѣдуетъ, что надо прощать этихъ злодѣевъ. Заразныя болѣзни, постигающія насъ, взываютъ къ другимъ, да и къ намъ самимъ иногда; даже скорѣе и больше взываютъ, чѣмъ казнятъ насъ, и не даютъ намъ разрѣшенія отъ грѣховъ. Когда озвѣрѣвшая толпа неистовствуетъ надъ какимъ-нибудь мученикомъ, иные зрители сочувствуютъ ей, иные же—ея жертвѣ. Скажемъ ли мы, что эти послѣдніе, герои чрезъ подражаніе, не заслуживаютъ никакой похвалы по причинѣ этого сочувствія? Это было бы какъ-разъ столь же справедливо, какъ и избавлять первыхъ отъ всякаго порицанія, потому что ихъ жестокость чисто отраженная.

Но оставимъ пока эти щекотливые вопросы объ отвѣтственности. Занимаясь предыдущими соображеніями и данными, мы предложили себѣ только задачу изучить нѣсколько сравнительную психологію и сравнительную патологію преступныхъ видовъ толпы и преступныхъ ассоціацій, а не ихъ уголовную терапевтику.

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
Р. С. Ф. С. Р.
ИНСТИТУТ
К. МАРКСА и ФР. ЭНГЕЛЬСА
ОБЩЕСТВЕН. НАУК.

Г. Тардъ.

СОЦІАЛЬНАЯ ЛОГИКА.

Содержаніе: Принципы. Индивидуальная логика. Соціальный умъ. Историческая послѣдовательность логическихъ состояній, Законы изобрѣтенія. Примѣненія принциповъ. Языкъ. Религія. Сердце. Политическая экономія. Искусство.

Пер. съ фр. изд. Цейтлинъ. Ц. 1 р. 50 к.

Т. Рибо.

ТВОРЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНІЕ.

Содержаніе: Движеніе, какъ сущность созидающаго воображенія. Анализъ воображенія. Интеллектуальный факторъ. Эмоціональный факторъ. Факторъ безсознательный. Органическія условія воображенія. Начало единства. Развитіе воображенія. Воображеніе у животныхъ. Творческое воображеніе у дѣтей. Первобытный человѣкъ и созданіе миѳовъ. Высшія формы изобрѣтенія. Законъ развитія воображенія. Главные типы воображенія. Пластическое воображеніе. Мистическое воображеніе. Научное воображеніе. Воображеніе въ практической жизни и въ механикѣ. Воображеніе въ области торговли. Воображеніе въ области утопіи. Заключенія. Наблюденія и документы.

Пер. съ фр. Е. Предтеченскій и В. Ранцовъ. Ц. 1 руб.

Луи Бурдо.

ВОПРОСЪ о ЖИЗНИ.

ОЧЕРКЪ ОБЩЕЙ СОЦІОЛОГІИ.

Содержаніе: АНАЛИЗЪ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ. Анализъ индивидуальнаго соматизма. Организмъ и органы. Пластическіе элементы органовъ. Физико-химическіе органы пластидъ.—Анализъ индивидуальнаго психизма. Психическія отправленія нервной системы. Психическія отправленія пластидъ въ организмѣ. Психическія отправленія физико-химическихъ элементовъ организма.—СИНТЕЗЫ СОБИРАТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ. Сожительство человѣческихъ существъ. Начальная или естественная группа, семья. Случайная группа, толпа. Факультативныя группы, корпораціи. Національная или политическая группа, государство. Международная группа, раса. Видовая группа, человѣчество.—Симбіозъ живыхъ существъ. Симбіозъ существъ одушевленныхъ, животное царство. Симбіозъ живыхъ существъ, органичеекое царство.—Интрокосмическій симбіозъ. Симбіозъ неорганическаго и органическаго царства, Космическій симбіозъ, земля.—Междукосмическіе синтезы. Солнечно-планетная система. Междузвѣздная система.—Докосмическіе синтезы. Космогоническій синтезъ. Вселенскій синтезъ, эѳиръ.—ЗАКЛЮЧЕНІЕ И ВЫВОДЫ. Общіе законы жизни. -Причины и начало зла. Ложныя объясненія и указаніе истинной причины зла. Зло въ индивидуальномъ существѣ. Зло въ человѣческихъ группахъ. Зло въ природѣ. Общія соображенія относительно зла.—Очерки положительной нравственности, выводимой изъ законовъ жизни. Теорія раціональной этики. Элементарная нравственность; классификація простыхъ обязанностей. Сравнительная нравственность; правила соподчиненія обязанностей.

Пер. съ фр. Е. Предтеченскій. Ц. 1 р. 75 к.

Изданія А. БОЛЬШАКОВА и Д. ГОЛОВА.

Популярно-научныя.

Л. Бурдо. Вопросъ о жизни Очеркъ общей соціологіи. Пер. съ фр. Е. Предтеченскій. Ц. 1 р. 75 к.

Проф. ДЕНИКЕРЪ. Человѣческія расы. Пер. съ фр. В. Ранцовъ. Со мног. рис. Ц. 2 р. 50 к.

Д-ръ ЖЕЛЭ. Преобразуемость живыхъ организмовъ. Пер. съ фр. В. Ранцовъ. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

Д-ръ ЛЕТУРНО. Біологія. Со мног. рис. Пер. съ 4-го фр. изд. В. Ранцовъ. Ц. 1 р. 50 к.

МОРГАУЗЪ. Хаосъ міровъ. Кругооборотъ жизни звѣздъ. Пер. съ анг. Ц. 75 к.

РИБО. Творческое воображеніе. Пер. съ фр. Ранцовъ и Предтеченскій. Ц. 1 р.

ТАРДЪ. Соціальная логика. Пер. съ 2-го фр. изд. Ц. 1 р. 50 к.

ФИНО. Философія долговѣчія. Пер. съ 5 фр. изд. Ц. 60 к.

Техническія изданія.

ГРАФИНЬИ. Новѣйшія подъемныя машины (лифты). Пер. съ фр. Ц. 1 руб.

ГРЮНВАЛЬДЪ. Справочная книжка по электрическому освѣщенію. Пер. съ 9 нѣм. изд. Ц. 2 р.

ДЖОЙСЪ. Задачи по электротехникѣ. Пер. съ англ. Д. Головъ. Ц. 1 р. 25 к.

ДЭЙ. Индикаторъ, индикаторныя діаграмы и испытанія паровыхъ машинъ и котловъ. Пер. съ 3-го анг. изд. А. Большаковъ. Ц. 1 руб. 25 коп.

МИНЭ. Электрическія печи и ихъ примѣненіи. Пер. съ фр. Цѣна 1 р. 20 к.

С. ТОМПСОНЪ. Динамо-электрическія машины. Пер. съ 5-го анг. изд. Д. Головъ. 2 тома. Ц. 10 руб.

Складъ изданій У Дм. Анд. ГОЛОВА, Спб., В. О. 9 л., 28.

При выписываніи изъ склада за пересылку не платятъ. Можно выписывать наложеннымъ платежомъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 октября 1902 года.

Столичная Скоропечатня С. Х. Золотухина, уг. Б. Морской и Гороховой 23—12.